СОФЬЯ ШОЛОМОВА

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

Библиофильские миниатюры о В.Г. Короленко

Выпуск 1

СОФЬЯ ШОЛОМОВА

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

Библиофильские миниатюры о В.Г. Короленко

Выпуск 1

Харьков 2008

Издано на средства автора

Шоломова Софья. Голос времени. Библиофильские миниатюры о В.Г. Короленко. Выпуск 1. – Харьков, 2008. – 288 с.

Компьютерная верстка А.К. Польшин.
Технический редактор В.А. Шоломов

© Софья Шоломова. Голос времени. Библиофильские миниатюры о В.Г. Короленко. Выпуск 1. – 2008

От автора

Владимир Галактионович Короленко (15. 07. 1853 – 25. 12. 1921) прожил всего 68 лет! Он вошел в историю нашей страны как «прозаик, публицист и общественный деятель». Именно так пишут о нем в многочисленных энциклопедиях и словарях.

Позже его соратник по литературному труду А. Г. Горнфельд заметит, что *«высшим произведением Короленко явится он сам, его жизнь, его существо».*

И это, безусловно, было именно так. Это понимали не только его современники, но и осознают его потомки в начале XXI столетия. Именно поэтому так велик интерес к его биографии и его личности, но, прежде всего, к произведениям писателя.

В юности у него была мечта – получить профессию адвоката и быть защитником обездоленных!

Вся его жизнь и деятельность убеждает нас в том, что эта мечта сбылась, хотя, быть может, и не в традиционных, привычных формах. Заметим, его творчество с самого начала содержало элемент социальной направленности.

По его собственному выражению, он особенно был увлечен «*стройной системой революционного народничества»* (на самом деле, весьма противоречивой).

Как позже он напишет: «*Моральная правда этого течения останется и определит судьбу».* На протяжении всей жизни это была верность одной «идее» – идее любви к личности, к людям, к вечному.

Состояние души писателя отразилось, прежде всего в его творчестве, и потому вполне закономерно остановиться на истории его произведений и их бытовании во времени.

В сочинениях Короленко нашло отражение Время, и потому не случайно предлагаемые читателю

миниатюры объединены под общим названием «Голос времени».

Главы, составившие два выпуска, затрагивают разные стороны истории его книг, публикаций и дневников и представляют собой итог многолетней историко-библиографической и историко-книговедческой работы, которая велась мною в ОРИР.

***

Оба выпуска сборника «Голос времени» являются завершающими в общем цикле, посвященном 155-й годовщине со дня рождения В. Г. Короленко.

Глава 1

О коллекции редких и прижизненных изданий книг В. Г. Короленко

(Обзор)

В коллекции отдела редких изданий и рукописей (ОРИР) харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко достаточно полно представлены книги Владимира Галактионовича, изданные в разные годы в Петербурге, Москве и Харькове.

Каждый год коллекция пополняется новыми книговедческими находками. Это – и первое полное собрание сочинений, в котором увидали свет многие, ранее не публиковавшиеся произведения и дневники, это – и альманахи, и журналы.

Книги Короленко и книги о нём, как чистый родник не иссякают.

Остановим свое внимание на некоторых из них.

О первых поступлениях и ранних изданиях

Одним из первых изданий В. Г. Короленко, которое поступило в фонды ХОБ, согласно Печатному каталогу ХОБ, был сборник «Очерков и рассказов», напечатанный в Москве в 1888 году. Экземпляр этого издания имеет регистрационный номер, свидетельствующий о том, что он входил в одну из первых тысяч книг, с которых вообще начал формироваться фонд Харьковской Общественной библиотеки (ныне ХГНБК).

На ряде томов этой серии сохранились штампы тех организаций, в которых книги эти бытовали до того, как попали в фонд ХОБ. Подобные книговедческие

особенности делают сохранившиеся издания подлинными раритетами. Так, на первом томе стоит штамп: «Библиотека харьковской губернской управы», а на третьем томе – штамп «библиотеки служащих товарища Жоржа Бормана».

В 1915 году было выпущено уже пять томов «Очерков и рассказов» писателя. Один из экземпляров этой серии ранее находился в «кающе-читальне госпитального судна «Транс-Балт».

Помимо этого, на книге воспроизведена гербовая печать «Комитета по управлению балтийским госпитальным флотом Российского общества Красного Креста».

Названия штампов некоторых учреждений – это, с одной стороны, просто дань ушедшему прошлому, с другой стороны, этот историко-книговедческий аспект, бесспорно, всегда интересен.

Назовем еще несколько штампов на книгах В. Г. Короленко:

- «*Библиотека Каменец - Подольского Державного университета»;*
- «*Ученическая библиотека Харьковского Первого реального училища».*

Изучение штампов на различных книгах Короленко частично восстанавливает интересную картину жизни его книг и географию их распространения.

***

Во втором томе печатного каталога ХОБ сообщается, что в библиотеку продолжают поступать другие издания «Очерков и рассказов» В. Г. Короленко. Так, например, в фонд поступили «Очерки и рассказы» Короленко. (Кн. 2. – М., 1893).

***

Обращает на себя внимание экземпляр 8-го издания «Очерков», на котором стоит штамп с указанием даты поступления его в фонды библиотеки: 30. XI. 40 г. В раскрытии бытования того или иного издания язык штампов, печатей и дат поступления бывает весьма выразителен.

Конечная дата издания «Очерков и рассказов» Короленко, представленных в коллекции, это 1922 год. Эта книга вышла к первой годовщине со дня смерти писателя в книгоиздательстве «Задруга».

***

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» (СПб. 1895, т. 31) в биографическом очерке, посвященном писателю, С. А. Венгеров указывает, что свои первые «Очерки и рассказы» Короленко издал в 1886 году, но затем этот сборник выдержал еще 6 переизданий, вплоть до 1895 года.

Согласно печатному каталогу книжного магазина И. И. Глазунова, составленному библиографом В. И. Межовым, «Очерки и рассказы» Короленко пятым изданием были напечатаны в 1892 году в Москве издательством журнала «Русская мысль». При этом сообщается даже тираж – 2000 экз.

В дальнейшем «Очерки и рассказы» Короленко выходили многократно и, как правило, публикацию осуществляла либо редакция журнала «Русская мысль», либо журнал «Русское богатство», редактором которого на протяжении многих лет был сам Короленко.

С 1899 года все издания сочинений В. Г. Короленко выходили исключительно как издания редакции журнала «Русское богатство» в виде многотомной серии.

***

Книга «Очерков и рассказов» была переведена на немецкий, французский, английский и чешский языки еще при жизни писателя. Автор знает правду о своих героях и рассказывает о ней без сентиментальности и без дешевого морализирования.

По этому поводу критик А. Скабичевский писал: *«Первое произведение Короленко, обратившее внимание публики и критики на автора, было «Сон Макара». Общий голос по прочтении этого произведения был тот, что ничего подобного в нашей литературе до такой степени сильного и поразительного не появлялось…. У Короленко вы не встретите ни одного повторения, ничего, что хотя бы одной чертой напоминало читанное вами в предшествовавших произведениях того же автора…. Каждое его произведение представляет свой особенный мир. Каждое выведенное им лицо представляет собой рельефно очерченный характер…. Художественная полнота, законченность и гармоничность, составляющая редкое в наше время и дорогое качество, являются неотъемлемою принадлежностью рассказов Короленко».*

***

В коллекции ОРИР сохраняется 15 различных переизданий «Очерков и рассказов», начиная с самого первого, и кончая книгами, напечатанными в издательстве «Задруга».

О книгах Короленко, вышедших в этом издательстве, речь пойдет ниже в специальной книговедческой миниатюре.

«Очерки и рассказы» печатались в виде четырех выпусков с различным содержанием и в разные годы.

Третья книга «Очерков и рассказов» была напечатана в Петербурге впервые в 1903 году.

В ОРИР сохраняется один из экземпляров с автографом

Содержание

От автора……2

Глава 1. О коллекции редких и прижизненных изданий книг В. Г. Короленко. (Обзор). …….3
Приложение 1. О книге Короленко «Падение царской власти». ……..55
Приложение 2. Книговедческий экспромт о серии «Свободный народ» ……63
Иллюстрации к гл. 1……...97

Глава 2. О главной книге Короленко ……116
Иллюстрации к гл. 2……..142

Глава 3. О «Слепом музыканте»……..154
Приложение 1. Письмо В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду о А. М. Щербине……..170
Приложение 2. Труды А. М. Щербины……...172
Иллюстрации к гл. 3……..174

Глава 4. В. Г. Короленко на страницах альманахов и сборников начала XX столетия……..175
Иллюстрации к гл. 4……...215

Глава 5. Голос времени (По страницам дневников и писем В. Г. Короленко)……...217
Приложение 1. В. Г. Короленко и вера……262
Иллюстрации к гл. 5……...275

Список литературы……280

25. А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка. Редакция Н. К. Пиксанова. – М., 1923.
26. Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду, – Л., 1924.
27. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах.:
Т. 2. Ч. 2 (1801 – 1856). – М., 1978.
Т. 3. Ч. 1 (1857 – 1894). – М., 1979.
Т. 3. Ч. 2. – М., 1980.
Т. 3. Ч. 3. – М., 1981.
Т. 3. Ч. 4. – М., 1982.
28. К биографии В. Г. Короленко. (По материалам архива департамента полиции). Сб. Парфенон.– СПб.,1922. Вып. 1.
29. Избранные письма в 3-х томах. Т. 1. Путешествия. / Под ред. и с примечаниями Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. – М. Кооперативное издательство «Мир».:
Т. 1. Путешествия (1887 – 1903). - М., 1932. – 220 с.
Т. 2. Общественная и публицистическая деятельность. – М., 1932. – 357 с.
Т. 3. Литературная и редакторская работа (1885 – 1920). - М., 1936. – 287 с.
30. http://ps.1september.ru/2003/65/11.htm
31. Короленко Владимир: Дневник, письма (1917 – 1921) http://www.libex.ru/detail/book20469.html – www.libex.ru
32. http://ps.1september.ru/2003/65/11.htm

самого писателя! В очерках часто присутствует повествователь, рассказчик, в котором легко угадывается или прямо обозначен сам автор.
Короленко выступает как интервьюер, наблюдатель, внимательный слушатель, исследователь, пытающийся понять связь жизненных перипетий с особенностями характеров персонажей. С его образом связан и лиризм, умение передать разнообразные оттенки речи действующих лиц, замечательные картины природы... Писатель раскрывает внутреннюю драму человека, который знает о возможности другой, более человеческой, более праведной жизни, но не в силах вырваться из заколдованного круга бродяжничества и изгойства.

***

Во втором томе печатного каталога ХОБ сообщается, что в библиотеку продолжают поступать издания В. Г. Короленко и перечисляются следующие его книги:

- Очерки и рассказы. Кн. 2. – М., 1893. (№ 24674).
- В голодный год. – СПб., 1894. (№ 27447).
- Трагедия генерала Ковалева и нравы военной среды. – М., 1906. (№ 58464).

***

В последнем томе печатного каталога книг ХОБ (Т. 4) отражены новые поступления сочинений В. Г. Короленко:

- История моего современника. – СПб., 1909. (№ 65788)
- Ліс шумить. – Львів. (№ 71432).
- Судний день. – Львів. 1900. (№ 67365).
- Старый звонарь. – М., 1902. (№ 69757).

- Отошедшие. – СПб., 1908. (№ 67598).
- Приемыш. – М., 1905. (№ 71856).

На характеристике некоторых из этих изданий мы задержим свое внимание ниже.

О книге Короленко «В голодный год»

Под непосредственным впечатлением В. Г. Короленко написал книгу очерков, в которой нарисовал потрясающую картину голодающей деревни и постарался вскрыть социальные причины голода. В этих очерках В. Г. Короленко отразил и свои впечатления о городе Лукоянове. Он писал: «*Лукоянов принадлежит к числу тех городов, многочисленных у нас на Руси, по первому взгляду на которые вы не отличите – город это или большое село, – писал он. – Раскинувшись довольно широко по склону холма, вокруг единственной церкви, занимающей середину огромной площади, он разбегается просторными, мало застроенными улицами и по окраинам переходит уже прямо в деревню, заселённую крестьянами – землепашцами...*»

«Лукояновская трагедия» надолго врезалась в память писателя. О ней он неоднократно вспоминал и в своих беседах с друзьями. Продолжительное время В. Г. Короленко держал связь с лукояновцами. Десятки писем отправлял он в Лукояновский уезд своим друзьям и знакомым по памятному 1892 году.

В одном из интервью 1892 года он отмечал: «*Последние статьи, что я написал, появились на страницах журнала. Это серия очерков «В голодный год». Я не знаю, разрешат ли мне отпечатать их в виде книги или нет. Если не будет никаких возражений, то это, вероятно, возможно. Существуют очень суровые правила относительно цензуры. Книги менее чем в сто шестьдесят страниц не разрешено печатать до тех*

2. Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. – СПб., 1914. Т. 4.
3. Новый мир. – 1988. – № 10.
4. Вопросы литературы. – 1990. – № 5. – С. 193 – 219.; – № 6. – С. 207 – 225.
5. Вопросы литературы. – 1990. – № 10. С. 174 – 206.
6. Вопросы литературы. – 1992. – №. 2. С. 277 – 306.
7. Вопросы литературы. 1993. № 10.– С. 200, 285–286, 289.
8. Вопросы литературы. – 1993. – № 2. – С. 275 – 300.
9. Вопросы истории. – 1990. – № 10.
10. Летопись Дома литераторов. – Пг., 1922. № 3.
11. «Былое». – 1922. – № 20. – С. 30 – 31.
12. Сибирские огни. – 1922. – № 4.
13. Русская литература. – 1990. – № 4. – С. 45 – 58.
14. Короленко В. Г. Дневник. Т. 2. – Полтава, 1926.
15. Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 2. – М., 1933.
16. Короленко. В. Г. Посмертное собр. соч. Дневник (1881 – 1893). – Х., 1925. Т. 1. С.86, 100.
17. Короленко. В. Г. Посмертное собр. соч. Дневник. Т. 2. – Полтава, 1926, С. 170, 180–181.
18. Короленко В. Г. Посмертное собр. соч. Дневник писателя (1895 – 1898). Т. 3. ГИЗ. 1927.
19. Короленко В. Г. Дневник (1898 – 1903). Т. 4. ГИЗ. 1928.
20. Короленко. Из дневника. – В сб-ке О голоде. – Х., 1922. С. 39.
21. Негретов П.И. В. Г. Короленко (1917 – 1921). – М., 1990. С. 61.
22. Короленко В. Г. Дневник: 1917 – 1921. Письма / Составление, подготовка текста, комментарии В. И. Лосева. – М.: Советский писатель, 2001. – 544 с.
23. Короленко В. Г. Письма 1888 – 1921. / Под ред. Б. Л. Модзалевского, – П., 1922.
24. Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому 1883 – 1921. – М., 1922.

Гл. 4

1. Литературно-художественные альманахи и сборники (1900 – 1911). Т. 1. – М., 1957.
2. Литературно-художественные альманахи и сборники (1912 – 1917). Т. 2. – М., 1958.
3. «К свету»: научно-художественный сборник. – СПб., 1904. – 536 с.
4. «На славном посту»: литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому. – СПб., 1900. – 500 с.
5. Сб. Сократ и его время. Книжное издательство «Посредник». – СПб., 1894.
6. Сб. В защиту слова. – СПб., 1906. – 250 с.
7. Юбилейный сборник Литературного Фонда. – СПб., 1910. – 630 с.
8. Сб. «О Чехове»: Воспоминания и статьи. – М., 1910. – 340 с.
9. Нижегородский сборник. Книжное издательство «Знание». – СПб., 1905.
10. Негретов П. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917 – 1921). – М., 1990. С. 147, 202.
11. «Памяти В. А. Гольцева»: Сборник под ред. историка А. А. Кизеветтера, куда вошли статьи, воспоминания и письма бывшего главного редактора журнала «Русская мысль». Изд. Н. Н. Клочкова. – М., 1910. – 302 с.
12. «Щит»: литературный сборник. / Под редакцией Леонида Андреева, М. Горького и Федора Сологуба. – М., 1915. – 208 с.
13. Короленко В. Г. Жизнь и творчество. / Под ред. Петрищева. А.Б. – Пг.,1922.

Гл. 5

1. Короленко В.Г. Полное Собрание Сочинений: Посмертное издание. – Х., 1922. Т. 1. С. 8.

пор, пока цензор не прочтёт рукопись и не найдет в ней никакого антиправительственного содержания».

В силу своей скромности, Владимир Галактионович не рассказал интервьюеру, что очерки «В голодный год» были связаны с той работой по оказанию помощи голодающим крестьянам, которую Короленко вёл в 1892 году в сёлах Лукояновского уезда Нижегородской губернии.

«*Приступая к этим очеркам голодного года, – писал он впоследствии, – я имел в виду не только привлекать пожертвования в пользу голодающих, но ещё поставить перед обществом, а может быть, и перед правительством, потрясающую картину земельной неурядицы и нищеты земледельческого населения на лучших землях*». (С. В. Короленко. Десять лет в провинции. – Ижевск, 1966. С. 118).

В книге С. В. Короленко приводятся слова писателя: «Сначала очерки печатались в «Русских ведомостях» с некоторыми невольными выкидками. Потом ежемесячный журнал «Русское богатство» решил перепечатать их из газеты, чтобы дать их в более цельном, менее разбросанном и значительно дополненном виде».

И далее: «*Воспользовавшись этим, я стал в первоначальный текст «Русских ведомостей» вставлять дополнения, которые цензор пропускал подряд, не замечая, что это позднейшие вставки. Наконец, то, что окончательно задерживалось петербургской цензурой, я проводил в других журналах, некоторые главы прошли в «Русской мысли»…*»

И еще очень важное признание писателя: «*В своих очерках я описывал лишь то, что видел. А видел я ужасные вещи, и самое страшное было то, что к этим ужасам привыкали». (С. 119).*

Короленко уточняет: «*В июле месяце 1893 года я напечатал в «Русском богатстве» последние*

заключительные главы «Голодного года» и мы решили издать его отдельной книгой. Книга была набрана, но вдруг над нею нависла цензурная гроза». Но спас случай и книга увидала свет.

***

В 1893 году писатель создает «скорбную книгу» о русской деревне и голоде, в основу которой легли лукояновские картины голода. Книга называлась «В голодный год».

К 1915 году она выдержала 7 переизданий!

***

В коллекции книг ОРИР сохраняются два издания этого сочинения писателя**:**

- В голодный год. Из Дневника. (СПб., 1894. – 375 с.).
- В голодный год. Изд. 4-е. (СПб., 1902. – 367 с.**).**

Эта книга появилась в результате активной деятельности Короленко по устройству бесплатных столовых для голодающих в Нижегородской губернии. Его газетные статьи об организации помощи голодающим в свое время дали ряд весьма важных практических результатов. Общественная деятельность Короленко за все время его 10-летнего пребывания в Нижнем Новгороде вообще была чрезвычайно яркой. Он стал своего рода «учреждением»; около него сгруппировались лучшие элементы края для культурной борьбы со злоупотреблениями всякого рода. Банкет, устроенный ему по случаю отъезда из Нижнего в 1896 году, принял грандиозные размеры. Короленко не только пишет серию очерков под названием «В голодный год». Он не ограничивается словом в защиту несчастных людей, а начинает организовывать сбор денег в помощь голодающим, открывает для них столовые.

3. Короленко В. Г. Слепой музыкант. Посмертное Собрание сочинений. Т. 8. Гос. Изд. Укр. 1924. – 118 с.
4. Короленко В. Г.Слепой музыкант. Изд. 9-е. – СПб., 1903. (Издание журнала «Русское богатство»).
5. Щербина А. М. Слепой музыкант Короленко. Подзаголовок: «Как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых. В свете моих собственных наблюдений». – М., 1916. – 51 с.
6. «Отчет московского университета за 1916 год». Ч. 2. С. 502 – 503.
7. Павловский И. Ф. «Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины 18 века». – Полтава, 1912. С. 227.
8. «Вопросы философии и психологии». 1908. Кн. 94.
9. «Дефектология». – 1992. – № 1. – С. 6 – 8.
10. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. – М., 1963. Т. 2.
11. Короленко В. Г. Письма к А. Горнфельду. – Пг., 1924. С. 139 – 141.
12. Русская мысль. – 1886. – № 3.
13. Русская мысль. – 1887. – № 7.
14. Щербина. А. М. Учение Канта о вещи в себе. – К.,1904.
15. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. – М., 1980. Т. 3. С. 444.
16. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. – М., 1963. Т. 2. С. 338.
17. Короленко В. Г. Письма к А. Г. Горнфельду. – Л., 1924. С. 139 – 141.
18. Тифлолетопись. – 2004. Интернет-ссылка.
19. Аргументы и факты. – 2004. Интернет-ссылка.
20. http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1996/965/965137.htm

2**.** - М., 1922. – 135 с.
4. Короленко В. Г. История моего современника. Т. 5. – М., 1929. – 307 с.
5. Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1–3. – М., 1930 – 1931. Издательство Академия.:
Т. 1. – М., 1930. – 680 с.
Т. 2. – М., 1930. – 584 с.
Т. 3. – М., 1931. – 792 с.
6. Короленко В. Г. История моего современника. Ч. 1.– Ч. 5. / Ред. и комментарий С. В. и Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. – М., 1935. – 542 с.
7. Короленко В. Г. История моего современника. / Подготовка текста и примечания Храбровицкого. – М.,1965.
8. Русское богатство. – СПб. 1906. – № 4, 5, 11.
9. Русское богатство. – 1910. – № 1.
10. Современные записки. – 1906. – № 1.
11. Современность. – 1906. – № 3.
12. Слово. 1879. № 7. Короленко В. Г. Избранные письма. Литературная и редакторская работа (1885 – 1920). – М., 1936. Т. 3. - 287 с.
13. Русская литература. / Е. И Меламед. Из комментария к «Истории моего современника» В. Г. Короленко. Новые материалы. 1989. № 4. С. 149 – 153.
14. Воронский (Нурмин) А. К. // Красная новь. – 1922. – № 1. С. 314 – 317.
15. Короленко В.Г. Сборник. Изд. «Никитинские субботники». – М., 1928. – 268 с.
16. www.ruthenia.ru/sovlit/j/74.html

Гл. 3

1. Короленко С. В. 10 лет в провинции. – Ижевск, 1966. – С. 35.
2. Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 3. Гослитиздат. – М., 1936. С. 257, 259.

***

Первое издание этого сочинения писателя, напечатанное в 1894 году в Петербурге, имеет подзаголовок «Из дневника»**.** Книга «В голодный год» была основана на непосредственных впечатлениях от поездок и активной, действенной работы среди голодающих. Она сыграла особую роль в понимании истинных причин этого печального и часто повторяющегося явления в России, и стала серьёзным обвинением в адрес властей, равнодушных к народным бедам

В коллекции ОРИР сохраняется также и 4-е издание, которое было напечатано гораздо позже, в 1902 году, но звучит вполне современно.

***

Среди первых поступлений в фонд ХОБ значится лирическое сочинение В. Г. Короленко «Река играет». Во время своих многочисленных скитаний по Нижегородскому краю – иной раз пешком, с котомкой за плечами, вместе с толпой богомольцев, иногда на палубе волжского парохода, иногда на лодке по лесным рекам, Короленко внимательно изучал окружающую жизнь. Разнообразные встречи, беседы, посещение раскольничьих скитов, монастырей, наблюдения над бытом и нравами лесных обитателей, жителей глухих углов нижегородского края – все это дало писателю обширный материал для понимания многих загадок и сложностей народной психологии, жизни и народного характера.

Особенно в ту пору привлекло писателя озеро Светлояр, с которым была напрямую связана старинная поэтическая легенда о невидимом граде Китеже.

По преданию, этот город построил великий князь Георгий Всеволодович. Во время монгольского нашествия князь был разбит полчищами Батыя и

скрылся в ново построенном своем городе. Когда же враги добрались до Китежа, то князь погиб в битве, а город же стал невидим, на его месте виден только лес и вода озера Светлояра.

В народе стойко бытовало мнение, что иногда иные благочестивые люди видят там, в глубине, церкви и монастыри исчезнувшего города и слышат сладкий колокольный звон.

Короленко побывал в этих местах. Ему по душе была поэзия пустынной природы, древних сказок и былей, таинственных мечтаний, неторопливых рек, заснувших берегов. А китежская легенда, мечта о невидимом граде для Короленко была полна глубокой значительности и по своему символическому смыслу. Он увидел в ней отрицание современной тусклой и порой невыносимой действительности, хотя и видимой, и стремление к иной жизни, настоящей, но пока невидимой, пока только, страстно желаемой.

Короленко видит в людях, живущих в этой глухой стороне, не только отжившие взгляды, но и нечто такое, что простыми взглядами не исчерпывается. Такие люди большей частью вовсе не рассуждают, они просто бездумно несут в себе ту силу, которая когда-либо может дать себя знать. Таким является главный герой рассказа «Река играет», написанного в 1892 году и впервые изданного в том же году. В первой главке рассказа автор вспоминает о своих смутных впечатлениях, вынесенных им с берегов Светлояра, откуда «он уехал с головой, отяжелевшей от прений о вере».

***

Наряду с прижизненным изданием рассказа «Река течет», который был напечатан в Москве в 1904 году, имеются в коллекции еще два более поздних переиздания этого рассказа:

1936. С. 352.
33. Венгеров С. А. Короленко. – Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1896. Т. 31. С. 314 – 316.
34. Короленко В. Г. Отошедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. СПб., 1910.
35. Короленко В. Г. Бытовое явление. (Заметки публициста о смертной казни). СПб., 1910.
36. Короленко В. Г. В ночь под светлый праздник. – СПб., 1910.
37. Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 1–9. – СПб.: А. Ф. Маркс, 1914.
38. Короленко В. Г.Очерки и рассказы. Кн. 2. – М., 1893.
39. Короленко В. Г. В голодный год. – СПб., 1894.
40. http://textsharik.narod.ru/
41. http://www.biografija.ru/

Источники к приложению: История книги «Падение царской власти»:

42. http://litera.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=12471&o
43. hrono.rspu.ryazan.ru/biograf/korolenko.html
44. http://lyrica.crimea.edu/pi/korolenko/koro.html
45. http://tsarevich.spb.ru/misc-bibl.php
46. http://teacher-almaty.clan.su/publ/20-1-0-19
47. http://politbook.ru/content174676/ -
48. http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/596/page/31... -
49. http://www.alternativy.ru/en/node/229 -

Гл. 2

1. Короленко В. Г. История моего современника. – СПб., 1909., ч. 1. – 470 с.
2. Короленко В. Г. История моего современника. – СПб. Кн. 1–2. 1914. (Полное собрание сочинений. Т.7).
3. Короленко В. Г. История моего современника. Т. 4., ч.

18. Короленко В. Г. Лес шумит. – Пг., 1916. – 24 с.
19. Короленко В. Г. Избранные рассказы. – СПб. Изд. Ред. журнала «Пробуждение». 1911. – 47 с.
20. Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской. – М., 1930. С. 171.
21. Коломенкина М. А. 50-ти летний юбилей Короленко // Голос минувшего. – 1914. – № 7. – С. 107 – 137.
22. Негретов П. И. В. Г.Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917 – 1921. – М., 1990. – 285 с.
23. Мельгунов С. П. Красный террор в России (1918–1923).
24. Короленко В. Г. Письма к Горнфельду. – Л., 1925. – 214 с.
25. Короленко С. В. Книга об отце. – Ижевск. Удмуртия, 1968. – 382 с.
26. Венгеров. С. А. Русские книги с биографическими данными об авторах и переводчиках. – СПб., 1899. Т. 3. – 476 с.
27. Короленко В. Г. Бытовое явление. Заметки публициста о смертной казни. Изд. редакции журнала «Русское богатство». – СПб., 1910. – 84 с.
28. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1895. Т. 31. – С. 314 – 316.
29. Систематический каталог к русским книгам И. И. Глазунова (пятое прибавление). – СПб., 1889. – 999 с.
30. Каталог Харьковской общественной библиотеки 1898 – 1913.
Т. 1. – Х., 1898. – 535 с.
Т. 2. – Х., 1901. – 581 с.
Т. 3. – Х., 1908. – 616 с.
Т. 4. – Х., 1913. – 762 с.
31. Вересаев В. В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский / – Вересаев В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – М., 1985. С. 368 – 369.
32. Короленко В. Избранные письма: в 3 т. Т. 3. – М.,

Одно – харьковское, вышедшее в серии «Библиотека в помощь голодающему» в 1922 году. «Река играет». (Б. м.) 1922. – 38 с. (Изд. Центр. комиссии помощи голодающим при ВУЦИК. Серия «В помощь голодающему». № 64).

При жизни Короленко его сочинения часто издавались в массовых сериях. И примеров таких изданий в нашей коллекции немало. Общее число рассказов Короленко, напечатанных в указанной выше серии «В помощь голодающему», значительно. И хотя эти книжечки выходили немалым для того времени тиражом – 10 тысяч экземпляров, тем не менее, до наших дней дошли единичные экземпляры этой серии.
Другое издание – не менее примечательное малоформатное московское издание рассказа Короленко, которое появилось в 1944 году, а в фонд библиотеки поступило уже в феврале 1945 года.

Книги, изданные в годы Великой Отечественной войны, составляют самостоятельную коллекцию в фонде отдела и тем примечательней, что среди них встречаются издания произведений В. Г. Короленко.

Об отдельных изданиях рассказа «Без языка»

Подлинную библиографическую редкость представляет собой книга очерков писателя под названием «Без языка», которую он создал после своей поездки в 1893 году в Чикаго. Результатом знакомства с американской жизнью явилась интересная, полная мягкого юмора повесть «Без языка».
В коллекции это сочинение представлено также двумя изданиями:

- Без языка. Изд. Журнала «Русское богатство». (СПб., 1902. – 224 с.).

- Без языка. 4 изд. Издание ред. журнала «Русское богатство». (СПб., 1906. – 222 с.).

О рассказе «Сон Макара»

Из всех сочинений Короленко наиболее популярен был его рассказ «Сон Макара», который многократно выходил в печати, и отдельные его издания также бережно сохраняются в коллекции.

Общеизвестно, что В. Г. Короленко дебютировал в литературе в 1885 году именно рассказом «Сон Макара», напечатанным в журнале «Русская мысль» (№ 3**).**

Этот рассказ писателя быстро стал подлинной классикой. Одним из первых его переводчиков на французский язык еще при жизни писателя был поэт Поль Верлен.

Рассказ Короленко многократно выходил в виде популярных изданий отдельной брошюрой. В фонде ОРИР сохранилось издание этого рассказа, напечатанное уже в 1917 году.

***

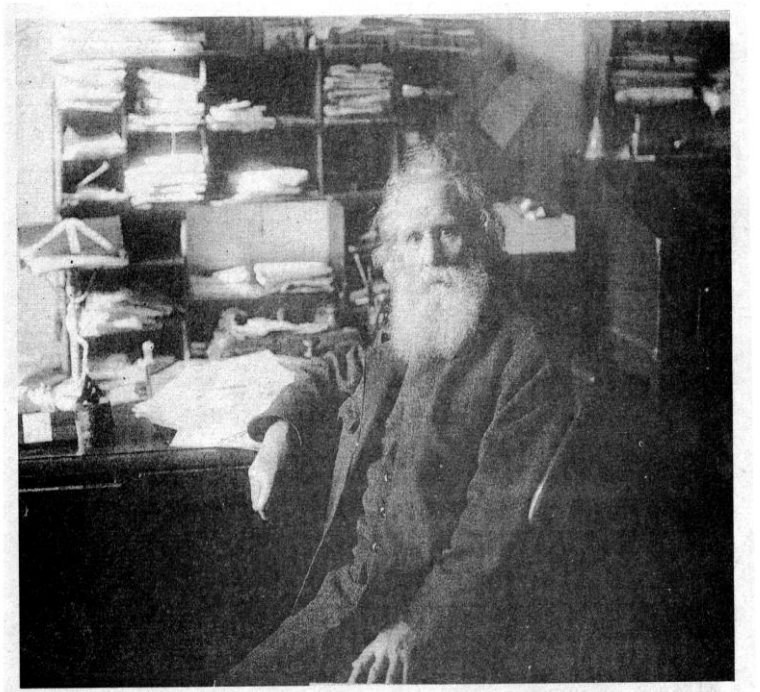
В том же 1885 году в журнале «Северный вестник» (№ 1) был напечатан рассказ Короленко под названием «Очерки сибирского туриста» или «Убивец». В нем раскрыты образы таких людей, которых было принято называть «искатели праведные».

Писатель в сердцах темных и забитых людей видит черты упрямого непокорства, жажду воли и простора и окружает поэтическим ореолом эти благородные свойства человеческого духа там, где их находит. Он верит, что и в мертвящих условиях жизни в душе человеческой не угасает надежда на лучшую долю, что, выражаясь библейским языком, «*свет во*

Список литературы

Гл. 1

1. Короленко В. Г. Очерки и рассказы. – М., 1888. Издание журнала «Русская мысль». Кн. 1. – 402 с.
2. Короленко В. Г. Очерки и рассказы. – М., 1893. Издание 6-е. Кн. 2. - 404 с.
3. Короленко В. Г. Очерки и рассказы. – М., 1918. Изд-во «Задруга». Т. 3. – 167 с.
4. Короленко В. Г. Очерки и рассказы. – М., 1919. Изд-во «Задруга». Т. 4. – 168 с.
5. Короленко В. Г. Очерки и рассказы. – СПб., 1903. Кн. 3. – 349 с.
6. Короленко В. Г. В голодный год. – СПб., 1894. – 375 с.
7. Короленко С. В. 10 лет в провинции. – Ижевск. Удмуртия. 1966. С. 118.
8. Короленко В. Г. Река играет. Эскизы из дорожного альбома. 2 изд. – М., 1904. – 40 с.
9. Короленко В. Г. Без языка. – СПб., 1902. – 224 с. Издание редакции журнала Русское богатство. – 224 с.
10. Короленко В. Г. Убивец. Очерки сибирского туриста // Северный вестник. – 1885. – № 1.
11. Сократ и его время. Сборник. / Сост. В. Сиповский. – СПб., 1894. – 110 с.
12. Короленко В. Г. Сорочинская трагедия. По данным судебного расследования. – СПб., 1907. – 82 с.
13. Короленко В. Г. На затмении – (б. г.), (б. м.). – 38 с.
14. Короленко В. Г. В ночь под светлый праздник. – СПб., 1913. Изд. М. А. Коломенкиной. – 11 с.
15. Короленківський зб. – Х., 2006. – С. 162 – 163.
16. Короленко В. Г. Дети подземелья. (Б. г.), (Б. м.). – 64 с.
17. Короленко В. Г. Приемыш. Быль. – Пг., 1915. – 12 с. Изд. М. А. Коломенкиной.



В.Г.Короленко в своём кабинете. Полтава, 1921 г.
(последний снимок)

тьме светит, и тьма не обнимет его».

***

В первом томе посмертного собрания сочинений писателя, в котором приведены тексты его писем к близким с 1879 по 1886 год, встречаются строки, адресованные сестре:

11 ноября 1883 года.

«*… Ты, Манечка, пишешь мне, что «Убивец» не будет напечатан. Печально, но я не вполне уверен. Нет ли тут недоразумения…»*

А в примечаниях сделаны уточнения по поводу первой публикации: «…«Убивец» был напечатан по возвращении из ссылки в «Северном вестнике» за 1885 год, № 1 (сентябрь) под заглавием «Очерки сибирского туриста». Рукопись рассказа, посланная автором еще из ссылки в журнал «Русская мысль», была утеряна в редакции последнего.

В коллекции сохраняется ряд переизданий этого рассказа, в том числе и при советской власти, к тому же одно из них – харьковское, изданное «Центральной комиссией помощи голодающим».

О рассказе «Соколинец»

Завершает цикл ранних рассказов писателя, созданных в одно и то же время время, рассказ «Соколинец», который имеет подзаголовок «Из рассказов о бродягах».

Казалось бы, о сибирских бродягах писали многие беллетристы, очеркисты и публицисты, и что нового можно привнести в общую картину об этой категории людей?

Для Короленко герои «Соколинца» – это люди великой тоски, но надежда на лучшую жизнь никогда не

оставляет их. В способности сохранить надежду, даже вопреки неумолимым обстоятельствам, человек сохраняет и великую жизненную силу.

Свое прозвище герой рассказа получил далеко не случайно: он вызывает в сознании окружающих его людей образ сокола, а сокол – птица смелая, вольная, хотя и хищная**.**

У автора с героем как будто есть некое внутреннее родство, поскольку они оба люди романтического склада души и люди больших надежд и ожиданий.

Стремление человека к полноценной жизни и к счастью, хотя и неизведанному, но заложенному в свойствах человеческой природы, было основным мотивом рассказов Короленко, начиная от «Сна Макара» и «Соколинца», и кончая «Слепым музыкантом».

Героям Короленко не дано было превратиться в так называемый «практический тип» людей и суметь приспособиться к окружающей среде и обстоятельствам, сколь бы логичным и оправданным ни казалось такое приспособление.

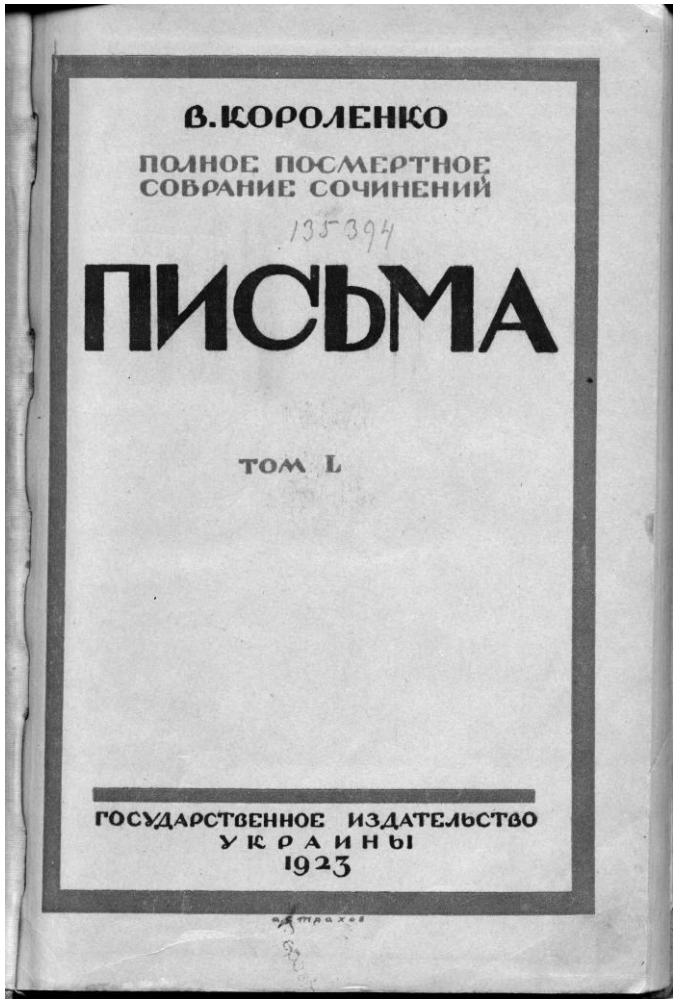
О рассказе «Судный день»

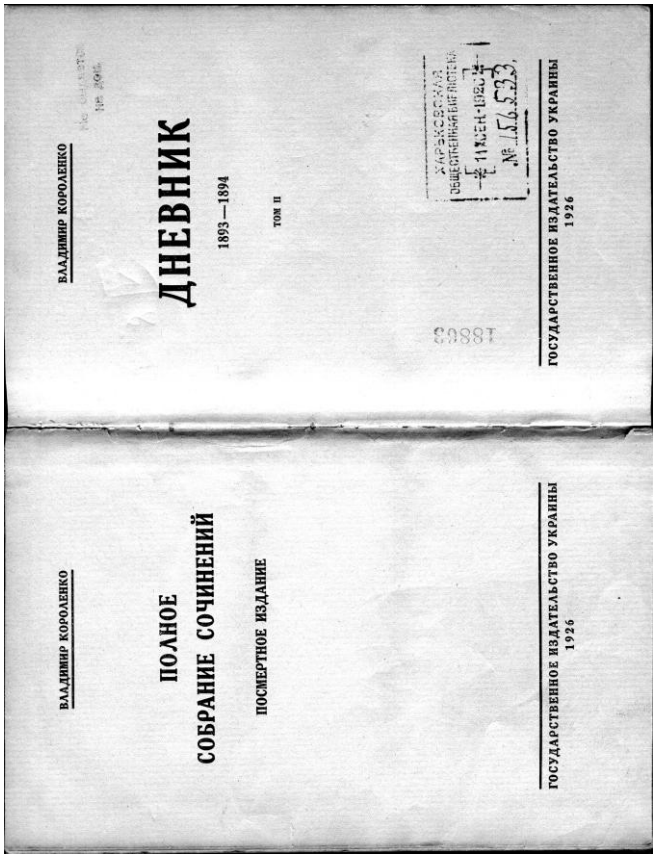
В 1914 году впервые отдельным изданием вышел рассказ Короленко «Судный день» с подзаголовком «малорусская сказка».

На сохранившемся в коллекции экземпляре этого издания на титульном листе имеется надпись следующего содержания: «*Очень желательны картины по этому поводу. Превосходный материал для народных чтений: равенство всех людей и наций, защита евреев».*

Только в 1919 году это произведение писателя дважды переиздавалось в Москве и Петрограде. И оба эти издания также присутствуют в коллекции.

На петроградском издании имеется уточнение: «издано Петроградским Советом рабочих и





красноармейских депутатов».

Обращает на себя внимание и штамп: ранее книга находилась в библиотеке «*Харьковской Окружной Инспектуры Народной трудовой школы».*

В коллекции ОРИР сохранилось три издания этого сочинения Короленко, напечатанных в разные годы, как до 1917 года, так и после революции:

- Судный день. Изд. М. А. Коломейкиной. Изд-во «Провинции». СПб., 1914. – 79 с.
- Судный день. Госиздат. Пг., 1919. – 61 с.
- Судный день. Изд. 2-е. М., 1919. – 68 с. (серия «народно-школьное дело»).

***

Следует заметить, что в 1917 – 1920 -е годы большинство произведений Короленко выходило в различных популярных сериях. Названия этих серий можно считать своеобразным отражением наступившего времени относительной и недолгой «свободы печати». В эти годы книги Короленко печатали следующие серии:

- «Дешевая библиотека».
- «Народно-школьная библиотека».
- «Библиотека Памяти прошлого».
- «Свободный народ».

На издании 1919 года был напечатан девиз в духе того времени: «*всё для народа и всё через народ!»*. Именно таким девизом была помечена вся серия брошюр серии «Свободный народ» (см. отд. приложение).

Об изданиях сочинений Короленко, выходивших в предреволюционные годы и годы революции

Примечательна судьба его рассказа под названием «Чудная». Это было одно из первых сочинений, в котором Короленко воплотил образ женщины–революционерки, которую сопровождал в ссылку простой солдат, не сумевший скрыть уважение и жалость к ней.

Вследствие запрета цензуры в печати рассказ появился лишь много лет спустя. Кто-то нелегально издал его заграницей в 1892 году на русском языке в американской газете «Прогресс».

В 1893 году он был напечатан в Лондоне в издании Фонда Вольной Русской прессы.

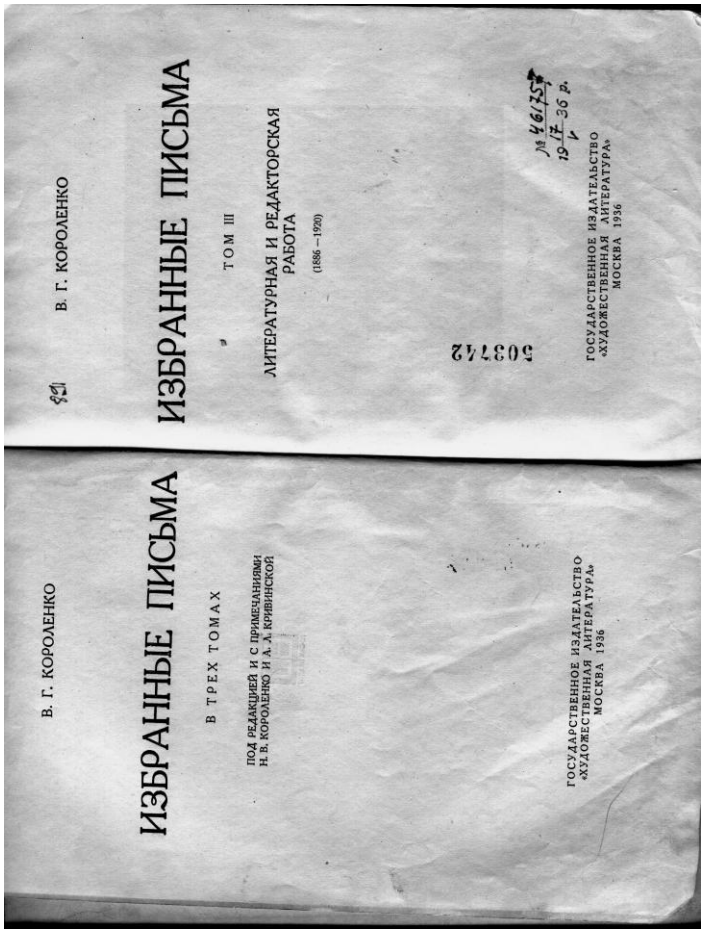
В России легально этот очерк под заглавием «Командировка» впервые был напечатан только в 1905 году в журнале «Русское богатство» (№ 9), а затем появилось и отдельное его издание, которое выпустило издательство «Донская речь» в Ростове на Дону.

В коллекции ОРИР сохраняется издание «Комадировки», которое было напечатано издательством «Задруга» уже в 1918 году в серии «*все для народа, все через народ*».

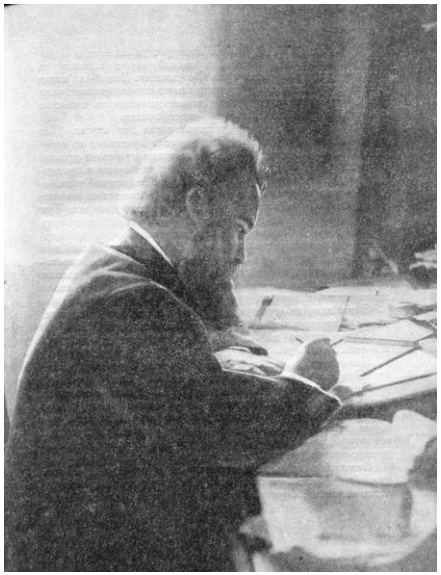
***

Отдельную страницу в творчестве писателя занимают его литературно-критические статьи и воспоминания. Именно они и составили его сборник под названием «Отошедшие».

В 1908 году редакция журнала «Русское богатство» выпустила сборник статей Короленко под названием «Отошедшие», куда вошли три его статьи: об Успенском, Чернышевском и Чехове.



Иллюстрации к главе 5



В.Г. Короленко

В коллекции ОРИР сохраняется два издания этого сборника. Один из них датирован 1908 годом и представляет собой, скорей всего, вариант журнальной публикации, а другое издание датировано 1910 годом с указанием, что это издание второе. Оба они вышли в Петербурге. Следует заметить, что этот сборник более не переиздавался.

***

В 1905 – 1907 годы Короленко публично выступал против зверств, творимых в Полтавской губернии карательной экспедицией.

В небольшой подборке изданий, вобравших эпистолярное наследие писателя, хотелось бы обратить внимание хотя бы на некоторые из них, и в первую очередь, на брошюру, помеченную 1906 годом, под названием «Письма к жителю городской окраины».

Она была написана в Полтаве осенью 1905 года в ответ на поступившие к нему письма простых людей, растревоженных событиями первой русской революции. Отдельные ответы Короленко не потеряли своего актуального звучания и в наши дни, нужно лишь вчитаться в эти тексты.

К этим публицистическим статьям Короленко можно отнести еще два страстных выступления в печати. Речь идет о его брошюре «Сорочинская трагедия» (СПб.1907. – 82 с.).

Брошюра «Сорочинская трагедия» имеет подзаголовок: «По данным судебного расследования».

В коллекции ОРИР представлено это произведение писателя. В нем более восьмидесяти страниц.

***

В заметках о смертной казни в России под названием «Бытовое явление» Короленко выразил

активный протест против этого позорного явления в общественной жизни страны. Заметки были направлены против казней и пыток, к которым прибегало царское правительство для подавления первой русской революции. Его статья получила широчайший общественный резонанс.

В коллекции ОРИР сохранился экземпляр и этого произведения Короленко, напечатанного издательством журнала «Русское богатство» в 1910 году.

Книги В. Г. Короленко, напечатанные в частном издательстве Коломенкиной.

Остановим свое внимание на характеристике ряда сочинений Короленко, напечатанных в этом издательстве и представленных в коллекции ОРИР.

Установлено, что только в 1913 году, в юбилейном для писателя году, в частном издательстве М. А. Коломенкиной было напечатано тринадцать рассказов Короленко, причем все эти издания распространялись специальным книжным складом «Провинция».

В коллекции ОРИР сохранилось шесть изданий, которые были напечатаны М. А. Коломенкиной в разные годы – с 1892 по 1916 год:

- На затмении. Изд. М. А. Коломенкиной. – СПб. 1892.-
- В ночь под Светлый праздник. Изд. М. А. Коломенкиной. – СПб. «Слово». 1913.
- Судный день. Изд. М. А. Коломенкиной. – СПб. Провинция. 1914. – 79 с.

В библиотеке писателя сохранился оттиск с корректурой «Судного дня» и замечаниями

новых идей, а комбинирует их, исходя из всех известных концепций, а не из непосредственных впечатлений жизни.

- «*Явления всегда выше изображения».*
- «*Художник – зеркало, но зеркало живое, – пишет Короленко. – Он воспринимает из мира явлений то, что подлежит непосредственному восприятию. Но затем в живой глубине его воображения воспринятые впечатления сочетаются в новые комбинации, соответственно с лежащей в душе художника общей концепцией мира. И вот в конце процесса зеркало дает свое отражение, свою «иллюзию мира…»*
- *Жизнь бесконечна. Почувствовать эту Бесконечность – это значит почувствовать религиозное отношение к жизни».*

Сознание выполненного долга было ему лучшей наградой. Короленко говорил: «*Когда человек свое удовольствие видит в знании, в борьбе за правду в облегчении страданий других, то… его душевный строй становится здоровее, сильнее, личность возвышеннее, крепче».*

Эти слова выражают глубочайшее убеждение писателя. Это – лозунг всей его жизни**.**

правительственной, а потом и общественной реакции и среди первых движений борьбы. Теперь я вижу многое из того, о чем мечтало и за что боролось мое поколение, врывающимся на арену жизни тревожно и бурно. Думаю, что многие эпизоды из времен моих ссыльных скитаний, события, встречи, мысли и чувства людей того времени и той среды не потеряли и теперь интереса самой живой действительности. И мне хочется думать, что они сохранят еще свое значение и для будущего».

Подводя итоги своей жизни, Короленко писал**:** «*… Оглядываюсь назад, пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них много «фрагментов», задуманных когда-то работ, но по тем или иным причинам не доведенных до конца…. Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде мултанского дела или помощи голодающим. Но ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась без участия в жизни».*

Вот это стремление участвовать в жизни словом, и является определяющей чертой облика Короленко. Писатель не считал, что он жертвует своими личными интересами ради интересов общества, он и не жертвовал собой, а целиком, самозабвенно и радостно, отдавал себя, свой талант художника и публициста людям.

Отдельные мысли В. Г. Короленко представляют собой неоценимые «уроки», раскрывающие атмосферу высоких гражданских поисков Истины и мучительных раздумий. Он писал:

- *«Коллективное сознание находится в такой психологической фазе, когда мысль не порождает*

Коломенкиной как издательницы. Наряду с этими надписями есть также и надписи, сделанные рукой В. Г. Короленко: «*верно*», «*нет, это можно оставить*», «*не согласен».*

А поверх этих слов есть запись писателя: «*К новому изданию*». Дети подземелья. Изд. М. А. Коломенкиной. – б.м., б.г. – 64 с.

На этой книге стоит штамп: «*Харьковское училище слепых детей*».

- Приемыш. Быль. – Пг. Изд. М. А. Коломенкиной.1915. – 12 с.
- Лес шумит. Изд. М. А. Коломенкиной. – Пг. Провинция. Т-во И. Д. Сытина. 1916. – 24 с.

Этот рассказ был написан писателем давно, еще в январе 1886 года, и тогда же опубликован в журнале «Русская мысль» (№ 1). У него есть подзаголовок «Полесская легенда».

Мелодия шумящего леса, которой проникнут весь рассказ, впервые была услышана Короленко еще в раннем детстве.

В «Истории моего современника» он передает воспоминание о своей первой прогулке в сосновом бору в раннем детстве: «Здесь меня положительно заворожил протяжный шум лесных верхушек, и я остановился как вкопанный на дорожке...»

В одном из писем Короленко говорит, что черновик рассказа был испещрен украинскими оборотами и словами, и что его пришлось сильно выправлять в основном варианте.

***

Как сообщал С. А. Венгеров, М. А. Коломенкина была известна в книжном мире как переводчица и составитель отдельных сборников стихотворений, издававшихся в 1900-е годы.

Так, например, ею был составлены и изданы

следующие сборники:

- «Песни Англии и Америки. Песни, сказания, сказки и притчи. Собрание стихотворений английских и американских стихотворцев в переводе русских писателей» (М., 1895).
- «Вторая книжка песен. Сборник оригинальных и переводных стихотворений русских поэтов». (М. 1900).

***

В книге «Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской» (М. 1930) упоминается о том, что М. А. Коломенкина была многолетней знакомой семьи писателя, и не раз издавала его отдельные рассказы.

31 мая 1916 года Короленко писал: «М. А. *«решительно протестует» против издания моих рассказов московским издательством писателей».*

***

Упоминает писатель о М. А. Коломенкиной и в своих письмах к многолетнему сотруднику журнала «Русское богатство» А. Г. Горнфельду, причем в чрезвычайно интересном контексте. Обращают на себя внимание и сами даты.

3 июля 1906 года.

«…у меня есть знакомая, Мария Александровна Коломенкина, занимавшаяся издательством для народа и пописывавшая библиографию. По-моему, у нее есть вкус и язык хороший.
Теперь она лечится заграницей и просит меня присылать ей книжки для рецензий…. Не будете ли добры попробовать послать две-три книжицы. Может статься, что дело это выйдет, и мы приобретем

чуткостью.

- *…Думая о нем, я привык вспоминать древний завет о широких и узких вратах жизни.*
- *В. Г. Короленко никогда не соблазнялся линиями наименьшего сопротивления».*
- *… Его жизненный подвиг длился почти полстолетия неустанно – от первых шагов сознательного вмешательства в общественные дела до последних ударов пульса в Полтаве.*
- *Так жить «для великого дела любви», быть может, труднее, чем умереть за это дело.*
- *… Он не чуждался скромной роли брата милосердия…*
- *Но по всему складу характера позиция воина была ему родственнее… за каждый свой шаг он отвечал в полной мере и всесторонне.*

По собственной терминологии Короленко, он обладал, скорее, «*убежденной»* верой.

Самораскрытие Короленко

«Вся нынешняя культура направлена ложно. Она достигает порой величайших степеней развития, но тип ее, теперь односторонний и узкий, только с пришествием народа станет неизмеримо полнее и выше…» (В. Г. Короленко. «История моего современника»).

«В этой книге я пытаюсь вызвать в памяти и оживить ряд картин прошлого полустолетия – как они отражались в душе сначала ребенка, потом юноши, потом взрослого человека. Раннее детство и первые годы моей юности совпали с временем освобождения. Середина жизни протекла в период темной, сначала

писал Владимир Галактионович.

***

В реальной жизни самого Короленко, по свидетельству его современников, можно отнести к разряду подлинных праведников. Он бескорыстно служил литературе, России и людям. Его личность была полна отваги и мужества на грани бесстрашия.

Короленко был заинтересованным участником, а отнюдь не сторонним наблюдателем всех драматических процессов, которые происходили в России. Он стоически переносил годы ссылки и гонений, суды и преследования, голод и потери близких.

Его жизнь служит примером и образцом.

Сотрудник журнала «Русское богатство» А. Петрищев позже писал: «*Короленко был человеком, который неизменно старался исполнять Христовы заповеди, но, подобно большинству представителей русской интеллигенции, до конца дней оставался далеким от официальной Церкви».*

Такая «не церковность» сочеталась у Короленко с живым интересом к вере и религиозности других людей. Позиция писателя в этом вопросе не оставалась неизменной.

А. Петрищев заканчивает свои воспоминания глубоко выношенными мыслями:

- *«Доле непрестанного труда и стоического спокойствия перед ударами и невзгодами он остался верен до конца.*
- *... В призме его понятий и убеждений вопросы даже чисто внешнего порядка преломлялись так, что становились личными вопросами совести и чести.*
- *... Вопросы личного достоинства решались в каждом отдельном случае большим умом. Уму малому такие дороги вообще не под силу.*
- *Большим умом решались задачи… и большой*

постоянного рецензента, что нелишне. Она знает народное издательство, не прочь писать о сборниках стихов и о беллетристике. Итак, – подберите что-нибудь и пошлите по адресу…»

11 – 24 мая 1920 года.

… завтра или после завтра идет в Москву поезд, который может захватить кое что при сей оказии до Москвы, а уже оттуда будет нетрудно препроводить к вам. Сделаем мы это, вероятно, при помощи Совзаждета, которой, в свою очередь, наша Лига Спасения детей оказывала немало помощи и услуг.

Мы просим при этом доставить посылку вам, хотя в ней будут припасы и для других лиц…. Распределить будет нетрудно: всего 5 порций и всем поровну. Лица следующие:

Вы, Федор Дмитриевич Батюшков, Мария Александровна Коломенкина, Сергей Дмитриевич Протопопов… посылаются следующие предметы: 8 фунтов кофе… 8 фунтов пряников… 8 фунтов шоколадного постного сахара… около 8-ми фунтов сухарей…

Надеюсь, что на этот раз ничто уже не помешает привести в исполнение это намерение и что друзья нас вспомнят, получив эту маленькую посылочку…»

- **16 июля 1920 года.**

… между прочим, нет известий о получении посылки…впрочем, я уже получил известие от М. А. Коломенкиной, которая пишет, что цифры полученного не совпадают с тем, что я писал… знаю, что мы посылали через несомненно честных людей, но путешествовать посылке пришлось среди нынешних

условий, т. е. среди общего воровства всего, что лежит сколько-нибудь плохо.

Вопреки всем трудностям гражданской войны, контакт писателя с издательницей, в то время находившейся в Петербурге, не нарушался.

***

В 1914 году в журнале «Голос минувшего» (№ 7) появилась обширная публикация М. А. Коломенкиной «Пятидесятилетний юбилей В. Г. Короленко в Полтаве». (С. 107–137).

В ней приведено немало интересных подробностей и текстов поздравлений в адрес писателя. Заметим, что эта публикация появилась еще при жизни писателя…

Отдельные фрагменты этой забытой публикации заслуживают особо пристального внимания.

Свидетельство современницы (Мария Коломенкина о Короленко)

- «*В то время в газетах возникла целая полемика по вопросу о том, 15 июля или 15 июня родился Короленко. Кто-то разыскал в Житомире метрическую запись, в которой значилось 15 июня. В одной заметке говорилось даже: «хоть сам писатель и относит событие к 15 июля, но доказано…*
- *Я в то время работала в Общественной библиотеке, членом комитета которой я состояла, и В. Г. время от времени давал мне маленькую записочку с обозначением года и месяца какого-либо из журналов. Это значило, что он имеет сведение, что в этом номере есть что-нибудь об интересующей его эпохе…. В. Г. очень увлекался этими материалами и с нетерпением ждал их.*

недовольство собой, работой и всей своей жизнью за последние годы. Он пишет: «*Мне стало страшно, когда я, оглянувшись, увидел, что целых десять лет я только сражался с мелочами и «описывал», почти совсем не живя. Это чисто репортерски – писательское отношение ко всему – ужасно. Я заменил жизнь суррогатами…*»

***

19 мая 1920 года Горький получил письмо, в котором Короленко писал: «… *Себя далеко не могу считать человеком религиозным. Но у меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры, которое возмущается слишком простым решением таких вопросов посредством простого насилия*».

***

27 мая 1921 года, всего за несколько месяцев до кончины, он продиктовал старшей дочери чрезвычайно важную мысль: «*Я считаю, что дело религии еще не покончено…. Когда самый атом уходит в бесконечность, открывает в свою очередь такую же бесконечность для пытливого человеческого ума, и мироздание опять превращается в тайну, это, конечно, далеко не та мистическая религия, допускающая чудеса и волхования, но все-таки это опять… бесконечность…*»

В его размышлениях, к какому бы времени они не относились, всегда присутствует мотив движения, поиска и развития.

«*Я только верю, что впереди будет все светлее, что, кроме нашего маленького смысла, есть еще бесконечно большой смысл, который, однако, преломляется в наших капельках смысла и в наших стремлениях*», –

признаю начало, но я не признаю и никогда не признаю догматизма. Есть постоянное совершенствование в религиозной мысли, как и во всякой другой, и для своего возрождения вера требует сомнения, исследования и усвоения нового материала, представляемого мыслью, познанием. Погасить тот огонь сомнения и познания – это значит отречься от истинного Бога, которого я не знаю, но который для меня более живет в истине, в познании, в совести, в правде, чем в кадильном дыму и иконах».

***

В дневнике 1895 года Короленко записал: *«...Может быть, только начинаю, а может быть, уже и верю».* Очевидно, что в этой записи речь шла именно о христианстве.

В другой дневниковой записи, которая также относится к 1895 году, он записал: «*Сам я скептик, хотя отчасти и верующий».*

***

В дневниковой записи октября 1896 года встречается такое признание: «*Меня не оставляет надежда, что вернется опять вера и сила…»*

***

Весной 1897 года он рассказывал в письме брату: «*...Что-то во мне разладилось. Главное, кажется, в настроении. Настроение меняется, и то, что я начал в одном тоне, приходится или бросить, или начинать в новом. Все окрашивается очень мрачными, совсем мне до сих пор не свойственными оттенками <...> Главное, что меня угнетает, это невозможность писать <...> Для беллетристики непременно нужна устойчивость настроения, а ее-то и нет».*

В этот момент Короленко испытывает чрезвычайное

- *... интерес к Пугачеву и его времени пропал разом и совершенно не воскресал уже в течение всего того времени – около полутора года, что я пробыла после этого в Полтаве.*
- *Осенью В. Г. написал небольшой очерк о кишиневском погроме «Дом № 13», который очень дорого обошелся ему в смысле траты нервов, но которым он остался очень недоволен. Все же он решил напечатать его в «Русском богатстве» и отдал в набор, рассчитывая переделать его уже в гранках… цензура, разумеется, не пропустила очерка.*

А через короткое время, к удивлению своему и некоторому, конечно, огорчению В. Г. Короленко получил по почте два экземпляра маленькой книжки в ярко-красной обложке «Дом №13», изданной заграницей в том виде, как он был сдан в набор.

В 1905 году очерк был переиздан книгоиздательством В. И. Рапп в Харькове».

Заметим, что в коллекции ОРИР сохраняется экземпляр этого рассказа, но который был напечатан уже в Петрограде в 1919 году.

Коломенкина продолжает:

- «*27 мая состоялось свидание Короленко с Толстым, которое оставило в обоих хорошее теплое воспоминание. До того времени они виделись, кажется, только один раз, и было это в ту пору, когда Толстой увлекался идеей непротивления злу и проповедывал ее, а Короленко – воплощение противления злу – в противовес этой проповеди писал свое «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме». В то время эти два человека, эти два олицетворения ищущей правды человеческой совести и встретились, и расстались, как противники, не умеющие понять друг друга.*
- *В начале лета 1902 года В. Г. собирался уезжать на Кавказ в имение своего брата Иллариона в Джанхоте.*

• *…серьезные, глубокие глаза задумчиво смотрели с этого портрета. Это один из наиболее удачных портретов Короленко. Теперь их несколько – любительские снимки М. И.* Сосновского, Г. Е. Старицкого, Коломенкиной и В. Н. Черносвитова, – но *в то время в обращении не было ни одного, хоть сколько удовлетворительного портрета, снятого за последний период времени, и портрет, о котором я говорю, работы фотографа г. Израилевича, являлся первым с красивым освещением, естественной позой и прекрасным выражением лица, на котором угадывается отпечаток еще не вполне пережитого горя.*

• *В погромные дни толпы народа с базарной площади посылали к «Сивой Шапке», как называли Владимира Галактионовича, не зная его имени, звать его, чтобы он шел говорить с ними и до «Сорочинской трагедии», когда стал знать о Короленко «малый хлопец каждый» во всей округе».*

Чрезвычайный интерес представляют подробности, которые сообщает Коломенкина в связи с празднованием юбилея писателя в Полтаве.

• «*… когда я читала эти приветствия, у меня все время была странная иллюзия – казалось, что слова, сказанные 13 июля в Полтаве, понеслись в бесконечное пространство и затем 15-го вернулись обратно в нее же, как эхо, повторенные уже со всех сторон, из разных точек этой дали.*

• *Я передам его сокращенно. Поставив вопрос, чем именно заслужил Короленко почет и любовь, оно отвечает: есть люди, в которых стремление к Добру, правде и справедливости, озаряющее их душу и направляющее всю их жизнь, так сильно, так ярко, что этот свет разливается на далекое пространство, иногда на весь мир. И в разных концах мира навстречу этим лучам загорается ярким пламенем в душах людей*

начетчиков. На палубе волжского парохода она видит молящегося татарина, похоронившего недавно любимого сына. Лицо старика выражало глубокое страдание, «смягченное благоговением перед высшею волею». Публика на корабле невольно притихла. Молчавшая до сих пор Груня вдруг обращается к отцу с вопросом, дойдет ли молитва татарина до Бога? Ведь этот «поганец» даже не крестится…» «Как, чай, не дойти? – отвечает ей из толпы пассажиров чей-то нерешительный голос. – Чай, тоже не кому другому молится. Все Богу же».

***

Но наиболее открыто взгляд писателя на «веру» высказан во многих его письмах, а также в отдельных дневниковых записях. Приведу только часть этих документов.

Еще в 1887 году он писал издателю журнала «Русская мысль» В. А. Гольцеву: «*Я пишу немного, и главное – никак не могу овладеть моим воображением настолько, чтобы в каждой отдельной фразе, по возможности, даже взятой отдельно от других – слышалось отражение главного мотива, центральное, так сказать, настроение. Иногда это мне дается сразу, с одного размаха, иногда подолгу не могу выждать соответственного настроения. Тогда я откладываю работу, пока основной мотив как-нибудь не зазвучит в душе».*

6 ноября 1889 года в письме к давнему приятелю А. К. Маликову он признавался: «**...** *Я сильно изменился во многом. Я, как и Вы, теперь подымаю глаза к небу. Для меня, как и для Вас, – жизнь представляется чем-то огромным, таинственным и высоким, и, чтобы отыскать ее законы и ее смысл, мое воображение порывается за пределы, ограниченные, с одной стороны рождением, с другой – смертью. Одним словом – я*

своих собственных сочувствий. Настроение его очень близко к настроению христианскому, а в то же время мысль его враждебна этому настроению».

***

Короленко был убежден, что изображение психологических типов должно основаться на той глубокой почве, где формируются вообще человеческие темпераменты, характеры и где логические взгляды, убеждения, чувства, личные наклонности сливаются в одно неделимое целое, определяющее поступки и деятельность человека**.**

***

В своей статье «Религиозные искания В. Г. Короленко или Фаусты и Вагнеры» П. И. Негретов отмечает: «*Короленко говорил, что он признает начало веры, но не признает догматизма. С ростом знаний, считал он, совершенствуется и вера. К исходу 19 века стало ясно, что христианская религия не выдержала столкновение с наукой, со всей суммой знаний, которой обладает современный человек. Этот груз она уже не может поднять, а человек не может его бросить, – значит, должна явиться новая вера, для которой самые эти знания будут уже не балластом, а одной из движущих сил. Когда старая вера умирает, а новая еще не народилась, наступает время беспощадного скептицизма, время разрушения во имя будущего созидания».*

Свои размышления критик завершает такими словами: «*Веротерпимость Короленко не ограничивалась христианскими вероисповеданиями. В 1899 году он написал рассказ о Груне, дочери старообрядца-изувера, который за одно неправильное сложение перстов при крестном знамении готов проклясть человека «в сей жизни и в будущей». Груне опостылели споры*

это же стремление, которое есть во всех, но которое так часто только едва тлеет где-то на самом дне души, как уголек под толстым слоем пепла, задавленное, заглушенное житейской сутолокой, злобой и несправедливостью.
И эти минуты душевного просветления дороги и святы были всем.

- *Владимир Галактионович Короленко принадлежит к числу этих немногих – наперечет ярких светочей любви и правды».*

Затем она приводит фрагменты отдельных приветствий:

- «*Если вы хотите разбудить в себе все, что есть в вас лучшего, читайте эти чудные рассказы, полные то тихой, задумчивой грустью, то тихим, задумчивым и ласковым смехом, всегда добрые, всегда чистые, они задевают всегда только лучшие струны души. Прочтешь, закроешь книгу, а в душе долго еще остается такое чувство, как будто только что поговорил с кем-то близким, родным, с кем-то бесконечно добрым и любящим, с кем-то страстно жаждущим и ищущим правды. И в сердце и тихая радость потому, что на свете есть такие люди, и неясная тоска о том, что сам ты так мелок, так поглощен будничными заботами и делами, о том, что так редко просыпается в тебе то большое, светлое и святое, что поднимается теперь навстречу этой прекрасной человеческой душе. Вот почему самые разнообразные люди любят и чтут В. Г. Короленко».*

И еще:

- «*Короленко говорит, что за то зло, которое происходит кругом, ответственны все. Он говорит, что дурными и злыми людей делают условия, и что эти условия и нужно менять. Сам он ведет неустанную борьбу с ними, постоянно выступает и на защиту тех, над кем совершается какая-либо неправда; и его пример ободряет, придает силы, поддерживает веру в людей,*

поддерживает веру в торжество света и добра.

- *Только вышел отдельным изданием его рассказ «На Волге». Рассказ этот на тему из области искания веры, необыкновенно поэтичный, написанный в мягких, кажется, одному Короленко свойственных тонах, не вошел в собрание его сочинений. Это отрывок из начатой и поныне еще не конченной им большой повести, который он дал для напечатания в одном из благодетельных сборников, кажется, в сборнике в пользу голодающих, и который затем был напечатан «Посредником» в его сборнике «Доброе дело».*

В приветствиях, полученных Владимиром Галактионовичем, чаще всего упоминаются два рассказа – «Огоньки» и «Сон Макара».

Биографический очерк, написанный Сосновским, появился в журнале «Мир Божий».

Несколько человек, сколько мне известно, никогда не выступавшие в качестве поэтов (как, например, профессор Овсянико-Куликовский), прислали вместо привета свои стихи, тем более трогательные. М. Коломенкина далее приводит поэтические тексты, посвященные писателю. Они заслуживают отдельного внимания.

жадному исканию цельности и гармонии духа. Если это возможно только при душевном и умственном обеднении, то – за борт душевное и умственное богатство!».

Короленко называет народную веру «наивной», которая «*нередко помогает своему обладателю смотреть на житейскую бестолочь ясным и спокойным взглядом».*

Писатель отмечает большей частью негативное отношение молодежи к религии и ее служителям.

***

Момент «искания» и само осознание разлада и дисгармонии в мире и в душе человека могут стать первым шагом к познанию Бога.

Об исканиях Короленко и его героев писал еще в начале нашего столетия иеромонах Михаил (Семенов) (об этом авторе и его отдельный рассказ ниже – С.Ш.).

***

«Поэзия и философия света» – так в свое время было сказано обо всем творчестве Короленко. И сказано это было потому, что душа писателя, испытывавшего настоящую тоску по Истине, отражала – как целое, а не разбитое зеркало – Свет.

О характере религиозности Короленко некогда высказал свои наблюдения публицист Ю. Н. Говорухо-Отрок. Он писал: «*...Веры, которая дает силу и смысл, этой веры нет у г-на Короленко, но настроение души, близкое к христианской любви и к христианскому смирению, у него есть».*

По мнению критика**,** «*Он (Короленко) не может стать выше предрассудков своего века. Его сердечные сочувствия правильны, но мысль его опутана общим предрассудком века: он не свободен, он не может «мыслить до конца», а потому не может осмыслить*

которая говорит человеку свое «non possumus» – «не могу». И не потому не могу, что то или другое полезно или вредно практически, с точки зрения ближайшей пользы, а потому, что есть во мне нечто не гнущееся в эту сторону... Нечто выше и сильнее этих ближайших соображений».

***

В представлении Короленко, любая подлинная вера снимает, не подавляя, а «разрешая», все противоречия, встающие перед человеческим сознанием.

Он писал: «*Кто успел охватить умственным взглядом все жизненные противоречия, примирить их, свести в известную перспективу, – тот имеет веру. Весь вопрос в том – где эта точка зрения, все объединяющая. Какова она?».*

Почти дословно эта мысль повторена им в его статье «Две картины» (1887): «*Выдвинуть целиком все противоречия и найти разрешение – вот путь к целостности существования».*

Он пишет: «*Темнота суеверия не только в народе здешнем не исчезает, но, по замечанию моему, народ сей является склонным к легкому восприятию всякого ложного толкования и изуверства, духу христианства противного…»*

***

По его глубокому убеждению, к мнимой цельности ведет «опрощение» в духе толстовства. Интеллигентный человек в своем смятении часто приходит к преклонению перед «народной мудростью» и готов отказаться от того духовного багажа, которым владеет.

Короленко пишет: «*Вся многообразная история толстовских душевных переживаний сводится к*

1

В. Чернобаев. Полтава. 15 июля 1903 года.

В глухие, сумрачные годы,
Когда казалось, свет угас,
Вы облегчали нам невзгоды,
Вы ободряли верой нас.
Среди унынья и печали
Вы говорили в наши дни,
Что есть просвет в туманной дали,
Что впереди горят огни.
Все громче голос ваш с годами
Звучит среди родных равнин,
И много нас идет за вами,
Родной писатель – гражданин.

2

Л. М. Василевский:

Река в угрюмых берегах
Во тьме шумит, бурлит и злится,
И небо звездное в волнах
Неотраженное дробится.
В ладьях усталые пловцы…
Слабеет руль, рука немеет…
И обессилены борцы.
И ночь зловещей тьмою веет.
С тоскою вдаль глядят они,
Туда, где отблеском востока
Горят желанные огни
Недосягаемо далеко.
При бодром свете маяка
Пучина больше е пугает,
И ослабевшая рука
Опять на весла налегает.

Привет тебе, художник благородный
Желанный свет немеркнущих огней.
Твоя душа – цветок в степи бесплодной,
В пустыне трепетный ручей.
Твой дивный дар сердца заставил биться,
Дух окрылил нетленной красотой.
И пусть во тьме река шумит и злится,
Ты с нами – светоч над рекой.
Так много нас борьбе изнемогает.
Так мало их, живительных огней,
Но есть они – и в темноте сильней
Рука на весла налегает».

«Чем они несовершенней, тем трогательнее они звучали», – заключает мемуаристка и продолжает:

- «*Сейчас, когда пишу это, передо мной выдержки из 786 приветствий (596 телеграмм и 190 писем и адресов), полученных В. Г. в 1903 году. Это еще не все, что было получено им.*

Поток этих приветствий, начавшийся, как уже знает читатель, в ночь на 15 июня, был окончательно прерван только началом русско-японской войны в январе 1904 года.

В половине июля приветствия летели целыми стаями…

Потом эти «стаи» поредели, потом приветствия стали прилетать в одиночку.

Потом, к 14 ноября, к которому петербургский литературный мир приурочил празднование 25-тилетия литературной деятельности Короленко, опять понеслась целая туча телеграмм и адресов… они продолжали лететь и в Полтаву, и в Петербург.

… эта масса поражает, прежде всег, своим разнообразием во всех отношениях…

- *…приветствия, изложенные на 4-х больших страницах и телеграмма: Живите, пишите, будите заснувшую совесть!*

связывал понятие цельности (т.е. гармонии) прежде всего со сферой нравственных «убеждений».

Понятие цельности человеческой личности напрямую связано с традиционным значением христианского смысла в контексте темы «человек создан по образу и подобию Божию».

Только цельному человеку дано сохранить или восстановить помраченный образ Божий.

Для современников Короленко был привлекателен именно своим нравственным «здоровьем» и «порядком» своей души.

«*Художник, публицист, общественный деятель – всюду творил он жизнь, как воплощение красоты и правды».*

Короленко ни разу не изменил себе. *Натура синтетическая, он не знал разлада ни в своем внутреннем «я», ни в творчестве, ни в общественной деятельности. Все стороны его бытия были прочно слажены и скреплены единым духом здорового, трезвого идеализма...»*

По мнению некоторых критиков, такое состояние души писателя отразилось в его творчестве как верность на протяжении всей жизни одной «идее», – идее любви к личности, к людям, к вечному.

***

Что же подразумевал под словом «цельность» сам писатель? Основой ее он считал веру, которую понимал достаточно широко.

«*У души должен быть свой скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии, – писал Короленко в декабре 1917 года. Этим скелетом души должна быть вера... Или религиозная в прямом смысле, или «убежденная», но такая, за которую стоят «даже до смерти», которая не поддается софизмам ближайших практических соображений,*

народничества.

***

В своем рассказе «На Волге» Короленко предвосхищал самые смелые экуменические идеи. Он писал: «Бог один у всех людей».

Ряд его ранних произведений конца 1880 – начала 1890-х годов был непосредственно посвящен проблеме поиска веры или нового мировоззрения.

Это – повесть «С двух сторон», герой которой после трудных исканий приходит к мысли о том, что «разделения нет, и жизнь следует воспринимать «в целом». Это – и поэтические рассказы «Тени», «Парадокс» и др.

В незавершенном рассказе «Чужой мальчик» писатель остро ставит вопрос о «старой вере» и сектантстве.

В ранний период творчества Короленко увлечен построением нового образа человека. Он пишет: … «*лишенные старой цельности, молодые души ищут другой, новой, стремятся сложиться по новому, еще только угадываемому типу*».

Проблема цельности души человека в творчестве Короленко стала ключевой. А сам писатель в среде русской интеллигенции считался самым цельным человеком.

В своем духовном развитии он не ведал «остановки» на путях поиска Истины, веры, при этом не терял цельности своей натуры.

Проблема цельности личности особенно актуальной стала в России в конце 19 столетия, когда весьма болезненно начало ощущаться отсутствие единства и мира, как внутри одной души, так и в обществе. Фанатизм, с точки зрения Короленко, приводит лишь к кажущейся цельности. При этом он

- *… обстоятельное, деловое перечисление заслуг юбиляра и стихи.*
- *«Молюсь Казанской Владычице, да продлит она ваш век».*
- *Или: «Борцу за самоопределение личности».*

Были также приветствия от групп лиц без конкретного обозначения числа участников этих поздравлений. Было поздравление, под которым стояло 5530 подписей!!!».

Например: «…Этнографическое отделение Географического общества благодарное за ценный вклад, сделанный юбиляром в его записке…» Или: «Нижегородская ученая Архивная комиссия», в которой много лет работал Короленко».

Отдельно М. Коломенкина останавливается на тексте телеграммы А. П. Чехова:

«Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек, сегодня с особенным чувством вспоминаю вас. Я обязан вам многим. Большое спасибо. Чехов». И еще два раза подпись Чехова – под приветствием от «Русской мысли».

Коломенкина перечисляет длинный ряд имен известных общественных деятелей, которые прислали свои поздравления, и среди них Лесгафт, Герценштейн, Южаков, Якубович, Анненский. И при этом добавляет: «и *много еще тех, что ушли за эти 10 лет… интеллигенты всевозможных профессий и национальностей, много народных учителей и городских, и сельских, и группами, и в одиночку, несколько групп ссыльных из разных мест… много учащихся».*

Трогательно звучит лаконичное поздравление от одного из священников: «*Вспоминая голодный год, молю Бога продлить вашу жизнь».* По этому поводу

Коломенкина поясняет:
«*Как известно, в 1892 году В. Г. работал на голоде в Нижегородском крае. См. его книгу «В голодный год». Эта его деятельность упоминается и во многих других приветствиях…»*
Отдельно она останавливается на текстах, которые пришли анонимно и отмечает: «*В числе приветствий было несколько совсем без подписи. Как-то особенно трогательных в своей анонимности. Казалось, неведомый автор говорил: я хочу, чтобы ты знал, что вот еще один человек здесь в Чухломе или Мерефе, любит тебя... я знаю, что я один из многих и многих, и потому для тебя мое имя не имеет значения…*
Некоторые писали только свою профессию: земский врач, народный учитель…
Это было какое-то море уважения, благодарности и любви, в отдельных случаях доходивших до поклонения, до благоговения».

Отражает она также и географию мест, откуда приходили эти поздравления:

- *Приветствия из 254 мест – От Гельсингфорса до Лондона, от Самарканда и Флоренции... были приветствия – непонятно откуда присланные, без указания мест…*
50 – столицы и губернии. 20 – города и курорты западной Европы. 180 – уездные города, посады, слободы, села и глухие углы. Глухие углы особенно испытывали потребность в «нравственной поддержке», в «бодрящем слове и примере».
- «*В числе приветствий – 17 от участников состоявшихся в разных местах чествований юбиляра и несколько извещений об учреждении стипендии имени В. Г. и об избрании его почетным членом нескольких Обществ и двух Общественных библиотек…»*

Мемуаристка задается вопросом: «Кого именно приветствуют в лице юбиляра и за что?».

Председателем Всероссийского комитета помощи голодающим. Он не считал для себя возможным остаться в стороне от этого, хотя был уже очень болен и истощен.

В одном из последних писем в 1921 году Короленко написал: «*Я чувствую, что жизнь бесконечна, что она не нами началась и не нами кончится, что это именно бесконечность. Почувствовать эту бесконечность – это значит почувствовать религиозное отношение к жизни.... Да скроется тьма...»*

Приложение 1. Короленко и вера

Во многих своих художественных произведениях Короленко обращался к теме поиска человеком веры, поскольку в начале XX века в России усилилось влияние различных сект, и потерявший веру народ становился легкой добычей сектантов. Однако это был не единственный мотив для собственных размышлений. Его отношение к духовным исканиям человека на протяжении всей жизни оставалось достаточно глубоким и уважительным. Интерес к вере обусловил его частые паломничества в святые места. Достаточно вспомнить неоднократные посещения Саровских святынь.

К теме сектантства писатель впервые обратился, находясь в якутской ссылке. Именно в Якутии возникли условия для тесного контакта В. Г. Короленко с сектантами.

Прошло много лет, прежде чем он пришел к убеждению, что религиозные вопросы им были только отодвинуты на время, но не решены. Возвращение от «нигилизма» прошлых лет к христианским традициям произошло, скорей всего, под влиянием идей

здоровье.
Врачи и медсестры Полтавы распределили между собой дневные и ночные дежурства. Извозчики бесплатно отвозили врачей и ездили за кислородными подушками. На крыльце как-то незаметно появлялись пакеты с различными продуктами. На некоторых свертках были записки следующего содержания: «Только поправляйтесь!» или «Нашему защитнику!», «Другу несчастных!». К сараю кто-то приносил дрова, ведь на дворе стоял декабрь 1921 года.

Начиная с 24 декабря, Короленко бредил и терял сознание. К утру он успокоился, узнал всех, улыбался, благодарил врачей. В 17 часов 25 декабря началась агония. В 22 часа наступила смерть. 16 врачей собрались у его постели.
Была морозная ночь. Три дня люди Полтавы прощались – от школьников и до инвалидов.
Это было всенародное горе и всенародные похороны.
По просьбе жены В. Г. Короленко представители власти не вмешивались в руководство похорон. Речей не произносили! Эта просьба была выполнена…
Начиналось посмертие писателя…

Еще несколько штрихов к портрету В. Г.

- Отказ от помощи Полтавского губисполкома снабжать его продовольствием.
- «*Писатель должен быть независимым*». Так он считал и этому следовал неукоснительно.
- Он не принял помощи и от Литературного фонда, поскольку считал, что многие литераторы находятся еще в более худшем положении, чем он и его семья.
- Отчисления от пайков (мука, крупа, соль), которые принесла ему делегация от рабочих, он принял со слезами…
- В июле 1921 года тяжело больным был избран

Из тех адресов писем и телеграмм, в которых говорится об этом (таких – большинство) все без исключения, конечно, приветствуют писателя.

- «*Многие подчеркивают, что писателя – художника, «истолкователя душевной красоты человека», «выразителя лучших сторон его святого искания правды, его стремления к вечному, непознанному», «художника, умеющего отворять в душе человеческой ту потайную дверь, которая ведет в его святая святых», «певца огоньков», «певца рассвета и поэта Ленских скал, тайги, заброшенных людей*».

Факты, сцены, разговоры – все то, что придает выпуклость и жизненную яркость воспоминаниям… Соратники В. Г. того времени один за другим сходят с жизненной сцены – нет Богдановича, нет Анненского…»
Коломенкина признается:

- «*И начинаешь бояться, что любопытная и поучительная страница общественной жизни русской провинции и ее прессы так и канет в вечность, не воспроизведенная никем…*

Конечно, воспроизвести ее в ярких красках, всю в целом, не мог бы уже никто в отдельности…
Она задает себе и другой вопрос: «*Что больше всего ценится в произведениях В. Г.?».*
И сама же на него отвечает: «*Прежде всего, и, несомненно, – «нравственная красота».*
Десятки и десятки раз повторяются все одни и те же слова: «будят все, что есть в душе лучшего, светлого, чистого и правдивого, задевают лучшие струны души, пробуждают чувство вечной красоты, стремление к высшим идеалам, жажду работы для служения им, воспитывают уважение к личности, поддерживают веру во все хорошее, веру человека в лучшее будущее, в победу правды и светлых начал».
Отмечается также часто и огромное общественное

значение произведений Короленко, и особенно часто их роль в развитии общественного самосознания: *Он – один из главных виновников пробуждения общественного самосознания в России, выразитель общественной совести…. Больше половины приветствуют В. Г. Короленко «не только как писателя, но и как человека – редкостного по уму и доброте», «неуклонно и чутко прислушивающегося к указаниям совести», готового положить душу за правду… как «обаятельную, безукоризненно светлую» личность, «дышащую закаленным идеализмом».*

Как общественного деятеля, при самых тяжелых условиях, во дни безвременья, сомнения, разочарований и индеферентизма, призывавшего людей на работу во имя правды и гуманности…. Как учителя, служащего вместе с тем «светлым образцом» служения родине, общественному и гражданскому долгу и великим заветам любви, свободы и права.

«Чуткого стража общественной справедливости» и «защитника невинно осужденных».

Как гражданина – поэта – гражданина, «великого гражданина родной земли».

Коломенкина добавляет:

- «*И как борца. Последнее повторяется чаще всего – борца за права человека, за свободу и достоинство личности, за свободу самоопределения, за новые, более совершенные формы общественной жизни, за идеалы коллективного счастья».*
- *«Светлый образец рыцарства в борьбе за правду».*

Многие приветствуют В. Г. как искателя правды, как *«человека самоотверженных, неустанных и жгучих исканий истины*».

А во многих приветствиях – общая оценка: *«честь и дорогая надежда русской литературы и общественности, нравственная сила ее, славный сын*

обнаружениями. Это путь, который привел к гибели не одно правительство… На это я смотрю с горем и печалью…»

16. 04. скончался от тифа, которым заразился в тюрьме, зять писателя – К. И. Ляхович. Для всей семьи это событие явилось трагедией. Это горе заметно подкосило силы писателя.

15 апреля 1921 года Владимир Короленко написал своему другу и врачу Осипу Аптекману: «Чувствую, что этот удар сократит мне жизнь, – Я тоже сильно болен…»

А еще через несколько дней в письме другу и коллеге по работе в журнале «Русское богатство» – Михаилу Сажину по поводу предложения выехать за границу для лечения, Короленко высказался еще горше: *«Я привык считать себя независимым писателем, и мне разъезжать в казенных вагонах «на казенный счет» дело непривычное и совершенно чуждое. И особенно это чуждо мне теперь, после того, как дорогой мне человек убит коммунистической тюрьмой. Я не контрреволюционер и никогда им не буду. Но также не перейду на казенное содержание. Лучше умру»...*

***

События, факты, поступки, отдельные подробности – все воссоздает по-своему картину прошлого.

В начале ноября Короленко заболел воспалением легких. Вскоре он увидел вещий сон: будто его преданный друг еще с времен далекой юности – Василий Николаевич Григорьев и он в Большом театре слушают реквием Моцарта.

– Это по нас с тобой (сказал В. Г – С.Ш.).

С середины декабря его состояние резко ухудшилось. Толпы простых людей стояли вдоль улицы, где жил писатель в ожидании очередной сводки о его

хуже…. Только голова работает недурно…»

15

16 июля 1920 года, подводя итоги своей жизни, Короленко, писал С. Д. Протопопову: *«… Оглядываюсь назад. Пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них много «фрагментов», задуманных когда-то работ, но по тем или иным причинам не доведенных до конца… Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде мултанского дела или помощи голодающим. Но ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась без участия в жизни».*

Это стремление постоянно участвовать в жизни своим словом и является самой определяющей чертой облика Короленко**.**

Последняя запись в дневнике была сделана 31 августа 1921 года, т. е. за 4 месяца до смерти.

В преддверии финала жизни

1921 год оказался последним годом жизни писателя, и потому так важно проследить по документам, как же прошел этот год, и как он отражен в его письмах и дневниках.

21. 03. Из письма В. Н. Золотникому:
«Разруха идет все дальше и дальше и правительству остается бороться с нею не по существу, а только с ее

земли русской, гордость России».

Впечатляют и прорывающиеся личные впечатления Коломенкиной от общения с писателем и его семьей:

- «*Читала я эти приветствия, и в памяти невольно вставал нежный, даже в старости и в тяжкой болезни как-то трогательно изящный образ Эвелины Осиповны, матери Владимира Галактионовича. Какие минуты отняла у нее судьба, не прибавив на ее долю полгода жизни… каким чувством должны были бы отзываться в ее душе эти слова, не раз и не два повторенные – «вождь русской интеллигенции», «слава и гордость родной земли», «совесть России».*

Коломенкина пишет и о непосредственной реакции писателя на поток поздравлений. Она приводит его слова: *«После долгого молчания проговорил:* ***нечем*** *гордиться…»* (курсив Коломенкиной – С. Ш.). И продолжает: «*Вечером того же дня в небольшом садике М. И. Сосновского, приютившемся в Воскресенском переулке над высоким обрывом спуска, ведущего к вокзалу, под сплошным навесом деревьев был поставлен большой стол, вокруг которого собрался кружок знакомых Владимира Галактионовича, чтобы вместе с ним прослушать полученные приветствия.*
В этих заметках невозможно передать, конечно, даже и слабой тени того впечатления, которое получалось тогда, при чтении этих приветствий всех подряд.
*…впечатление производила именно вся совокупность их, это нарастание чувства, которое как поднимающаяся волна, захватывала вас, т. е. именно то, чего передать здесь невозможно***.**

- *«Живите же, только живите такой, как вы есть… живите долго-долго…»* Без подписи.
- *Живите, шествуйте той же стезею…*
- *«Сознание, что живы вы, вселяет бодрость…»*

Лесничий, читатель «Русского богатства».

- *«Если в моей душе осталась вера «хоть в худенького – худого Бога» (это слова Микеши из рассказа В. Г. Короленко «Государевы ямщики»), то в значительной степени вам должен я за это сказать спасибо…. Порой, уходя от вас, я готов был ощупывать себя, тот ли я, куда девалась тупая тоска, куда ушло безнадежное отчаяние…»*
- «*как и многие другие, имевшие возможность в личном знакомстве с вами почерпнуть обновление, развитие и укрепление в том, что делает человека человеком, благословляю судьбу, пославшую мне это счастие».*
- «*Вместе со всеми и мне хочется сказать вам: «Я вас люблю. Люблю, как духовный ваш сын, вот уже 20 лет питающийся тем чарующим богатством, которое разлито в ваших произведениях…»*
- «*Вы – единственный из современных писателей, которому неудержимо хочется сказать это: люблю и не творения только ваши, а вас самого, как человека, со всей вашей дивной душой, как представляется она мне, отразившейся во всем, вами написанном…. Лев Толстой вызывает священный восторг и немое благоговение. Крупный талант Чехов, удивительное явление Горький, но любить – я люблю только вас, В. Г.! За что? Это вам скажут более красноречиво другие*…» Автор этого письма – заведующий ж-д. училищем в одном из крупных уездных городов.

Свои воспоминания Коломенкина завершает так: «… это была почти интимная любовь, …и та роль, которую играет ***личность*** Короленко в психике и тех, кому приходилось вступать в личное общение с ним, и тех, кто знает его только как писателя (курсив Коломенкиной – С.Ш.).

Она пишет: «*Сознавая всю затертость и обыденность этих выражений (дорогой – без конца,*

10

30. 04. Из письма С. Д. Протопопову:
«… у меня сильная усталость сердца… если прибавить, что Полтава около 10-ти раз переходила из рук в руки, что каждый раз приходится хлопотать о какой-нибудь стороне, что дело идет часто о жизнях, то легко понять, что сердцу успокоиться не на чем, и усталость все прогрессирует…»

11

6. 05. Из письма к А. Г. Горнфельду:
«… живем на вулкане… коммунизм возбуждает в населении общую вражду. Но все-таки торжествует на выборах. Этим много сказано…»

12

10. 05. Из письма Малютину:
«Чистое бедствие! Человек ведет себя, как стадо слепых животных, воющих и скалящих зубы друг на друга».

13

24. 05. Из письма к А. Г. Горнфельду
«Я все более и более укрепляюсь в мысли, что Россия должна сама изжить свои невзгоды и ошибки без посторонней опеки.
…Нужно будет большое усилие и напряжение. Чтобы признать свои ошибки и по возможности их поправить, но это – самое желательное…Возможно ли? – покажет будущее, которое я, быть может, уже не увижу. А любопытно очень!»

14

25. 05. Племяннику (В. Ю. Короленко):
«… Здоровьем похвалиться не могу. Сердце все хуже и

5

28.03.

Из дневника:

«… опять свирепствует ЧК… теперь приговаривают к бессрочной каторге или в концлагерь…»

6

Из письма к И. П. Белоконскому:

«*… безобразие, увы! С обеих сторон, а откуда придет не – безобразие, пока не видно…»*

7

30. 03. к А. Г. Горнфельду:

«… жизнь всей страны парализована. Ждем весны и какой-нибудь новой перемены…. Без пробуждения собственного здравого смысла – ничего не будет! Хватит ли его в достаточном количестве?».

8

22.04. 1920. Из дневника:

«…проклятие всякой власти, опирающейся на насилие в том, что она начинает мыслить установленными шаблонами».

9

29. 04. Из письма И. Жуку:

«*… главное дело – искренность и талант. Жизнь испытала большой сдвиг, который наложит печать и на литературу. Но писатель должен остаться, прежде всего человеком. Классовое его происхождение – дело второстепенное».*

горячо любимый...) авторы некоторых приветствий считают нужным подчеркнуть, что это именно те слова, которые ближе, точнее всего передают то чувство, которое возбуждает Короленко в своих читателях по отношению к себе…«даже всякое банальное слово не будет банально, сказанное вам в этот день».

Еще одна черточка в заключение: *в этих приветствиях необыкновенно часто, можно сказать ежеминутно, мелькает впечатление света: светлое имя, светлая жизнь, светлая мысль. Души светозарная нить, факел во мраке жизни, маяк для блуждающих в непроглядной тьме, ярким светочем сияет для русской общественности горит его деятельность.*

… И еще: *часто в массе приветствий сверкают «огоньки»*:

- *Ваша деятельность – «огни» среди мути и тумана современной жизни.*
- *Ваши рассказы – огоньки, манящие в мир правды и любви.*
- *Ваша личность – один из тех «огоньков», которые заставляют сильнее налегать на весла».*
- *«Среди мрака действительности вы указали далекие еще, но, несомненно, загорающиеся огни…. Как отклик эхо зазвучало – впереди огни, огни…*

По этому поводу Коломенкина вносит следующее пояснение, которое также интересно:

- «*Огоньки», написанные В. Г. в альбом Марии Валентиновны Ватсон весной 1900 года, были затем напечатанные в одном из благотворительных сборников. В «Русском Богатстве» они не появлялись, и лишь зимой 1903 года, т.е. незадолго до юбилея, стали известны широкой публике, когда вышло в свет первое издание третьего тома очерков и рассказов.*

Их цитирует более 10% всех приветствий. Это характерно, не только для отношения публики к

Короленко, но и для общественного настроения того времени».

Коломенкина, завершая свой подробный обзор, вспоминает: *«В тот вечер в садике Сосновского успели прочитать только небольшую часть приветствий, хотя читали до глубокой ночи. «Слегка закинув голову и глядя перед собой сияющими глазами, с ясной детской улыбкой, чуть-чуть смущенный и счастливый, он сказал**: как много хороших людей!**»* (курсив Коломенкиной – С.Ш).

Последние прижизненные и первые посмертные издания Короленко 1917 – 1921 года

Не следует забывать, что каждая книга первых лет советской власти представляет собой подлинный памятник книжной культуры того времени. Они по-своему раскрывают исторические события в России.

Многие публицистические произведения Короленко были написаны в 1917–1921 годах и тотчас же издавались.

Сочинения В. Г. Короленко в издательстве «Задруга»

Особую страницу в этой истории представляют книги В. Г. Короленко, причем, как его прижизненные издания, напечатанные в книгоиздательстве «Задруга», так и первые посмертные издания. Сочинения Короленко, выпущенные этим книгоиздательством на

однообразие» и «непрерывное хождение по мукам».

***

Показательны его записи в дневнике и в письмах за 1920 год. Все они, так или иначе, отражают угасание подвижнической жизни писателя.

1

21. 01.

«Смотришь кругом – и не видишь, откуда придет спасение несчастной страны.

… явные неудачи в созидательной работе раздражают большевиков и они роковым образом переходят к мерам подавления и насилия… Они задавили печать и самоуправление… Им приходится брести все глубже и глубже в заливающих их движение волнах насилия и себялюбия… воровство в их учреждениях страшное…»

2

31. 01.

Из письма М. Подгаевскому:

«… мне суждено стоять в оппозиции ко всем до сих пор сменявшим друг друга властям».

3

11. 03.

Из письма к Яковенко:

«…здоровье мое ухудшилось. Усталость сердца усилилась, и я мало с кем вижусь…»

4

16. 03. Из письма к С. Д. Протопопову:

«… мы живем между двумя утопиями: с одной стороны – восстановление нелепостей и гнусностей прошлого, с другой – немедленное водворение социализма бюрократическими мерами».

жестокость. Пока среди людей растет только озверение и свирепость…

И никто из вас, взаимно враждующих, этого не хочет как следует увидеть… всем только бы победить противника… Мы может быть, близки к таким страшным бедствиям, о которых нынешнее положение далеко еще не дает полного понятия».

… Подлейшее из бытовых явлений – охочий донос – действует во все времена при бессудности и произволе. И те самые охочие люди, которые прежде доносили жандармам, часто теперь доносят чрезвычайкам…. Но нет ничего опаснее, как очутиться во власти доноса.

А ваши администраторы уже в значительной степени попали под эту власть. И это опять опасно для вас самих.

… говорят, предстоят расстрелы…. Берегитесь этого средства!

Виселицы не помогли Романовым, несмотря на 300-летние корни. В политической борьбе казни вообще недопустимы, а их было уже слишком много…. Такого разгула казней, ничем не оправданных, я никогда себе не представлял…»

Этот документ вряд ли нуждается в комментариях. Он был опубликован в журнале «Вопросы истории» в 1990 году. Короленко бесстрашно указывал на «*страшную свалку, которой охвачена вся Россия, и от которой она погибает…»*

Больной и слабеющий, он не переставал упорно и настойчиво бороться за жизнь каждой человеческой личности. В. Г. Короленко испрашивал помилование осужденным перед всеми властями. Классовое положение подзащитных и их отношение к советскому строю – место в революционной борьбе – не интересовали Короленко.

По словам биографа Короленко Т. Богданович, в его дневниках можно увидать «*красноречивое*

протяжении последних лет жизни писателя, представляют несомненный интерес.

О некоторых книгах Владимира Галактионовича, которые сохраняются в отделе редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко, стоит рассказать отдельно.

***

В 1917–1918 году издательство «Задруга» напечатало 3 рассказа писателя:

- «Сон Макара».
- «Убивец».
- «Командировка» (1918).

Все три небольшие по размеру книжки вышли в специальной серии, которую выпускало издательство «Задруга» под девизом «*все для народа и все через народ*».

***

К сожалению, в коллекции не сохранилось произведение Короленко под названием «Падение царской власти», которое вышло в этом же издательстве в серии «Свободный народ», недолго выходившей в 1917–1919 годы.

О других же изданиях «Падения царской власти» рассказ пойдет ниже.

***

Помимо этого, в 1918–1919 году издательство «Задруга» выпустило два тома «Очерков и рассказов» писателя. Третий том «Очерков и рассказов» вышел в 1918 году, а четвертый – в 1919 году. Оба экземпляра также представлены в коллекции ОРИР.

***

В 1920–1921 году издательство приступило к печатанию томов главного произведения писателя

«История моего современника». В этом произведении В. Г. Короленко выступает не только как художник и публицист, но и как общественный деятель**.**

В библиотеке сохранилось 4 тома «Истории моего современника», которые успело напечатать издательство «Задруга».

В 1920 году был напечатан второй том «Истории моего современника»: части 1-я и 2-я.

***

В ОРИР сохранился экземпляр этого уникального издания. Текст достаточно быстро был набран в типографии кооперативного товарищества печатного и издательского дела «Задруга». Этот экземпляр ранее находился в библиотеке рабочего клуба текстильщиков Харькова.

Во вступительном слове «От автора», предваряющем все главы, читаем: «*Много лет прошло с тех пор, как читатель первого тома «История моего современника» расстался с его героем, и много событий залегло между этим новым прошлым и настоящим…» И далее: «Первый том я закончил в 1905 году при первых взрывах русской революции. Теперь, когда она достигла своих поворотных пунктов, я с особенным интересом обращаю взгляд воспоминания на далекий путь прошлого «пыльный и туманный», на котором виднеется фигура «моего современника»… сколько было предчувствий у этого поколения, чья сознательная жизнь начиналась среди борьбы с ушедшим, наконец, строем, а заканчивается среди обломков этого строя, застилающих горизонт будущего. И сколько еще это будущее должно захватить из крушения старых ошибок и трудно искорененных привычек».*

Эта достаточно объемная книга – более 200 страниц – состоит из трех частей (ч. 3–5) и содержит 18 глав. Следует заметить, что третья, четвертая и пятая части появились в советской России впервые. Правда, в

истории».

- *…За отсутствие героизма наказывать нельзя. На одном героизме нельзя построить широких объединений…*
- *«Власть или шайка»: от определенного ответа на этот вопрос зависит многое… всякое содействие разбойникам, хотя бы и косвенное – есть несомненное преступление.*
- *Власть доноса – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная.* (Отчеркивания в тексте – С.Ш.).

***

В 1919 году В. Г. Короленко напечатал в «Народной газете» в Ростове на Дону корреспонденцию «О большевиках», в которой он писал: «*... возмущает меня и ужасает и самый способ этих расстрелов: ночью, тайком, с издевательством, как собак. Пропало всякое уважение к жизни человеческой. Надо уважать жизнь человеческую*».

Во второй половине августа 1919 года появляются его «Пять писем из Полтавы» сначала в газете «Утро Юга» (Екатеринодар), а затем в сборнике «Перевал» (1919). В «Письмах из Полтавы» отражены события лета и осени 1919 года. В них Короленко высказывает свои представления о началах, на которых могла бы возродиться Россия.

***

20. 03. 1919 года Короленко написал Раковскому**:** «*... карать можно лишь за поступки. А не за мысли…. Это будет не борьба за идеи и за новый уклад жизни, а звериная свалка…. Приглядываясь к происходящему, я ниоткуда не вижу того, что мог бы признать настоящим, правильным, верным. Все картины несут односторонность, ослепление,*

приносит страшный вред той стороне, которая его применяет».

Публикация такого интервью в разгар гражданской войны, надо полагать, была делом невозможным и даже небезопасным.

18

2. 07.

«…Арестован Немировский за то, что освободил арестованных…»

19

10. 07. Запись диалога:

– Отец Короленко! Вы ведь читали что-нибудь о коммунизме?

*– Вы еще не родились, когда я читал и знал о коммунизме***…**

***

3 августа 1919 года Короленко отказался принять проезжавшего через Полтаву Л. Д. Троцкого.

…«большевизм упразднил само понятие общей свободы и правосудия. Он прямо объявил диктатуру одного класса, вернее даже не класса, а беднейшей его части с ее вожделениями…

… с большевизмом наша революция сходит на мрачное бездорожье, с которого нет выхода».

***

Помимо дневниковых записей, в журнале «Вопросы литературы» приведены отрывки из разных писем и очерков Короленко. Так, например, приведен отрывок из неизданного 32-го тома полного собрания сочинений писателя.

- *«нерадостно началась <u>новая страница местной</u>*

Одессе, в 1918 году, в период господства немцев, второй том «Истории» уже появлялся в печати, но вышел он небольшим тиражом в сокращенном виде. Российский читатель с одесским изданием практически не был знаком.

Издательство «Задруга» напечатало и второй том в расширенной редакции автора в количестве 10000 экземпляров, тем не менее, книга тотчас исчезла с книжных прилавков. Напомним, что первая и вторая части «Истории моего современника» из второго тома были сначала напечатаны в «Русском Богатстве».

Затем вышли в виде литературного приложения к «Ниве», и только после этого отдельным томом в издании «Задруга».

В одном из ранних откликов рецензента Нурмина отмечалось, что об этом прекрасном художественном осколке старого литературного мира, уже отошедшего в прошлое, трудно говорить объективно. «*Эта книга последнего из могикан, современная памятка о лучших временах нашего художественного слова и о героических днях русской интеллигенции, полной всяческих иллюзий, но и идеализма горячей веры в народ и протеста против социальной несправедливости*», – заключал рецензент. По его глубокому убеждению, «*История моего современника» представляет собой великий пример и высокий образец для подражания: в эпохе, воспроизводимой писателем, чувствуются живые люди, живая жизнь и, прежде всего, своя, человечная, праведная душа современника, – а в личном и своем преломляется общественно-ценное пережитого, а не случайное и узко индивидуалистическое. Как художественный исторический документ 70-х годов, книга Короленко – вне всяких сравнений».*

В этой рецензии интересно следующее замечание: *«Почему-то «Задруга» не признает новой орфографии.*

Конечно, «Задруга», выражаясь мягко, не является издательством, стоящим на советской платформе, но для того, чтобы оставить старое правописание, не нужно «осоветиться». Это поняли теперь даже некоторые публицисты из «Руля», рекомендующие признать «советское» правописание. В заключение следует пожелать, чтобы советская власть оказала непременное содействие в новом издании «Истории моего современника» и не в размере десятка тысяч экземпляров».

***

В объявлении кооперативного товарищества «Задруга» на 1922 год было объявлено о следующих изданиях В. Г. Короленко:

- Очерки и рассказы. Т. 5. – 146 с.
- Очерки и рассказы. Т. 6. – 142 с.
- История моего современника. Т. 3. – 339 с.
- Памяти Короленко. Сборник статей А. и Е. Редько, А. Г. Горнфельда, Е. Мендельсона, А. Кизеветтера, В. Н. Фигнер, Н. Н. Полянского, А. Петрищева, В. А. Розенберга, В. К. Хорошко, Б. Д. Федорова, В. А. Мякотина с порт. + 3 рис. – 134 с.

***

В 1922 году книгоиздательство «Задруга» выпустило продолжение «Истории моего современника» (т. 4, ч. 2. М., 1922), оказавшееся, к сожалению, последним. В этой книге более 130 страниц. Она включает в себя 29 глав, и все они композиционно объединены общим названием: «Якутская область». Однако тираж этого тома был значительно меньше предыдущего – всего 3000 экземпляров.

Согласно регистрационному штампу, в фонд ХГНБК один из экземпляров поступил уже в феврале 1923 года.

Обращает на себя внимание вступление «От

Встаю, прощаюсь и ухожу с тяжелым сердцем…

16

23. 06. Короленко записывает в дневнике впечатления от разговора с председателем ЧК Долгополовым о провокации в деле Храневич**:**

– *Товарищ Короленко… нет, простите. Я понимаю, что я вам не товарищ. Отец Короленко!*

…самые простейшие понятия о следствии и правосудии отсутствуют у этих людей, поставленных игрою жестоких российских судеб, к делу следствия и правосудия…»

«*… вчера Харьков взят… люди уезжали из Харькова при громе выстрелов… открывается опять новая страница нашей злополучной истории. Полтава переживает, быть может, еще один «переход власти»…»*

17

26. 06. В дневнике приведен отрывок интервью Короленко корреспонденту Роста**:**

«Основная ошибка советской власти – это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе. Отсюда огромная ошибка – классовая диктатура.

…я считаю, что расчет на мировую революцию ошибочен.

…Закрытие демократических самоуправлений, попытка все сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил вредит даже лучшим начинаниям этого рода. Например, в области народного просвещения, где, мне кажется, сделано немало хорошего.

Считаю проявление красного террора признаком не силы, а слабости и страха. Глубоко убежден, что он

советских служащих…

14

10. 06.

«…когда я гулял вчера, ко мне подошла заплаканная девочка (просила за брата, которого арестовали)… Я ее успокаиваю: бессудных расстрелов не может быть. У меня есть обещание Раковского, прекратившего расстрелы в апреле.

… бедная девочка плакала не напрасно. Брат, мальчик 17 лет – единственный работник в семье. У матери – вдовы 7 человек детей… среди чрезвычайников заметно что-то вроде смущения и волнения».

15

14. 06.

«Тревога сгущается… мне показалось так странно, что эти люди, так близко стоящие к расстрелам и крови, могут еще думать о литературе, о стихах. У меня не было никакой охоты вести литературные разговоры среди таких впечатлений. Но я шел говорить о жизни людей…

…(чиновник) приготовляется слушать с тем же видом официального не расположения к моему вмешательству и неодобрения.

…последний смотрел на меня с удивлением, очевидно, мои речи были слишком непривычны в этом месте. Я сказал, почему я пришел, почему меня интересуют эти вопросы, как вышло, что с давних пор население привыкло обращаться ко мне в случаях тревоги и экстренных событий.

…Он возражает что-то, и я тоже возражаю. Разговор принимает характер какого-то особого возбуждения… в конце я ставлю ребром вопрос:

– могу ли я ответить на вопросы, что расстрелов не предстоит?

– На ваши вопросы я отвечать не стану.

редакции»: «*Настоящий 4-й том «История моего современника» является и последним ее томом. В. Г. Короленко работал над ним буквально до конца жизни – всего за 9 дней до смерти он оставил эту работу. И все же задуманный труд остался незаконченным – Короленко довел рассказ о своей жизни лишь до момента своего поселения в 1885 году по возвращении из ссылки, в нижний Новгород, и последние главы этого рассказа остались без окончательной редакции автора. Судьба не дала, таким образом, писателю выполнить весь его грандиозный замысел. Но и то, что осуществилось из этого замысла, имеет громадное значение и является драгоценным вкладом в русскую литературу и в историю русской общественности».*

Завершается вступление краткой характеристикой, указывающей на непреходящее значение сочинения писателя: *«История моего современника» – не только автобиография писателя. Это история целого поколения русской интеллигенции в один из самых трагических моментов ее существования, история, написанная современником, обвеянная дыханием жизни, блещущая всеми ее красками. Ни один человек, интересующийся историей России, русского общества и русской интеллигенции в 60–х., 70–х., 80–х годах прошлого столетия не сможет пройти мимо этой замечательной книги, дающей так много материла для мысли, и так много художественного наслаждения».*

На жизненных дорогах

(Мельгунов и Короленко)

С. П. Мельгунов писал о Короленко всего несколько раз. Поводом послужил 60–летний юбилей писателя. Так, в 1913 году это был небольшой отклик на статью В. Г. Короленко, напечатанную в газете «Русские ведомости».

Публикация Мельгунова появилась в печати почти накануне дня рождения Короленко – 6 июля 1913 года под названием «Цель и средства», но подписана не была. Оба многолетне выступали на страницах именно этой газеты, и тем самым выделяли ее среди других столичных периодических изданий.

В том же 1913 году в журнале «Голос минувшего», основанном С. П. Мельгуновым, появились его слова особой признательности в адрес Владимира Галактионовича Короленко. Публикация была непосредственно связана с 60-летием писателя, но почему-то снова без подписи.

***

Журнал «Голос минувшего» просуществовал почти 10 лет – с 1913 по 1923 год. Было выпущено 60 номеров. В редакцию входили: С. П. Мельгунов, В. И. Семевский, А. К. Дживелегов, П. Н. Сакулин. Журнал выходил в Москве, но знали об этом издании по всей России.

***

В 1918 году в журнале «Голос минувшего» (№ 10 – 12) Мельгунов опубликовал признания Егора Сазонова об его участии в убийстве Плеве.

Сазонов покаянно писал: «*Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя*

встречает всюду ненависть… Деревня вся анти-большевистская…»

11

14. 05.

«…Вообще «гонение на веру» очень непопулярно всюду. Результаты обратные: церкви полны, исповедывавшихся перед пасхой небывало много. Сами священники подтянулись: явилась ревность к гонимой идее.

(Я – Ивакин был арестован Чрезвычайкой… вы за меня хлопотали. Позвольте вас благодарить).

ПОДОБРАТЬ ДРУГОЕ МЕСТО!

«… пробуждающееся сочувствие к «гонимой вере» – есть то самое чувство, которое когда-то воодушевляло и наше поколение, только в ином направлении. В некоторых селах население заставляет учителей опять вешать в школах иконы, вынесенные «по приказу начальства». Красноармейцы, проезжая мимо церквей часто крестятся… вообще – народ не так уж легко отрекается по декрету от своей веры».

12

24. 05.

«Отчет о заседании окружного ревтрибунала по делу полтавского ЧК.(взяточничество!)… отчет составлен бледно и сухо… все дело- позорное для Чрезвычайки, но впечатление какое-то неясное и путанное. Чувствуется гнусность…»

13

25. 05..

«… для русского теперь нет неприкосновенности своего очага, особенно, если он «буржуй». Нет ничего безобразнее этой оргии реквизиций. При том у нас в этом, как ни в чем нет меры.

…«уплотнение» тоже сомнительно: часто выдворяют целые большие семьи и вселяют небольшую семью

оправдывают, а только вызывают жестокости с другой… Все это, очевидно, не задевает сознания этого человека… этот молодой человек в «Чрезвычайке» искренне не понимает, что такое «гарантии правосудия» и почему они обязательны даже по отношению к «врагам народа»… Слепые люди, сами закрывающие свои глаза и уши.

Сколько будет недосева из-за этого усердия чрезвычаек.

В его дневниках приведена масса имен и фамилий реальных людей, пострадавших и погибших безвинно.

8

17 – 19. 04.

Приводится копия приговора на бывшего городского голову при Раде С. Семенченко.

«… время было тревожное… мне пришлось хлопотать и, кроме того, участвовать в нескольких заседаниях по делам «Лиги спасения детей».

9

23. 04.

«*…союзники довольно неблаговидно поступили с добровольцами и своими приверженцами. Они, не предупреждая население, сдали Одессу без боя.*

… полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы – большевиков. Большевики – добровольцев. Но озверение проникло всюду…»

В. Г. Короленко посильно отстаивал людей от «озверения и жестокости надвигающейся новой власти».

10

13. 05.

«…События опережают мой дневник!.. Я записал не все, что хотелось записать, а уж горизонт меняется… Большевизм на Украине изжил себя. «Коммуния»

кровью…. После страшной борьбы и мучений только под гнетом печальной необходимости мы брались за меч, который не мы первые поднимали.... Не мог я отказаться от своего креста.... Поймите же и простите.... Народ скажет про меня и про моих товарищей, казненных и оставленных в живых, как сказал на суде мой защитник: «Бомба их была начинена не динамитом, а горем и слезами народными... бросая бомбы в правителей, они хотят уничтожить кошмар, который давил народную грудь», скажет и оправдает нас, а наших противников, тех, которые своими насилиями над народом доводили нас до необходимости проливать кровь, осудит, и память их предаст вечному проклятию».

Мельгунов назвал эти воспоминания о совсем недавних событиях «замечательными».

***

В книге Мельгунова «О современных литературных нравах». (М.1916. – 71 с) цитируется фрагмент письма В. Г. Короленко, напечатанный в газете «День» (1916, 5 августа) по поводу распространившихся слухов о его части в новой банковской газете Протопопова: *«Я считал до сих пор, – пишет В. Г. Короленко, что даже не очень большого внимания к моей долгой общественно-литературной работе достаточно, чтобы оставить, по меньшей мере, даже без особых разъяснений: новая газета издается на средства, г. торговцев, промышленников и банкиров, которые, конечно, не напрасно решаются тратиться на эту дорогую затею. Газета обязана рассматривать вопросы общественной справедливости в зависимости от взглядов щедрых издателей, а я привык работать лишь в независимых органах, и не вижу ни малейших оснований изменять этой своей практики».*

Мельгунов заключает: *«Это голос самого крупного представителя старых литературных традиций».* Для него Короленко был высшим авторитетом и в жизни, и в творчестве, и в общественно-публицистической деятельности.

***

В 1922 году в журнале «Голос минувшего» (№ 1. С. 3– 4) были напечатаны скорбные, проникновенные слова некролога «Памяти В. Г. Короленко», которые написал Мельгунов, но публикация была подписана: «Редакция».

***

К сожалению, сохранилось всего несколько писем Короленко к историку С. П. Мельгунову, которые, безусловно, не отражают в полной мере их творческие контакты. Тем не менее, они представляют интерес.

Весной 1919 года Мельгунов запросил писателя в связи с какими-то соглашениями, которые требовала советская власть.

5 (18 мая) 1919 года Короленко ответил С. П. Мельгунову:

«*Я не принадлежу к числу тех, которые бойкотируют большевистское правительство, во что бы то ни стало. Факт состоит в том, что один режим сменяется другим, и нельзя при этих переменах останавливать некоторых сторон жизни».*

***

10. 06. 1919 года. Короленко в письме к С. П. Мельгунову просил уточнить, чем заканчивалась посланная им в издательство рукопись второго тома «История моего современника»: «*…с болезнью я стал очень рассеян, и вот теперь не знаю точно, что*

4

22. 03.

«… темно со всех сторон. Страх перед новым переворотом может подсказать большевикам бесцельные, слепые жестокости…»

5

23. 03.

«*В Полтаве начались смертные казни… заметно вообще при переменах власти стремление стушевать личные выступления…*»

6

30. 03.

И снова В. Г. Короленко посещает «Чрезвычайку».

«… мне пришлось не раз при прежней власти заступаться за население в печати, организовывать защиту, и ко мне идут по старой памяти и по слухам… в благо Чрезвычайки я не верю…. У вдовы страдальческое угнетенное лицо: осталось 7 детей…

*З*апись*: «картинка с натуры*» (определение В. Г. – С.Ш.).

…*В повстанческом движении заметна ненависть к коммунизму и «юдофобство».*

«Мы теперь под властью жидов». Они не видят, что масса еврейская разных классов сама стонет под давлением преследования реквизиций и произвола.

7

4. 04.

«В воскресение 30. 03. расстреляли 9 человек… был в «Чрезвычайке». Впечатление чрезвычайно тяжелое…

Состоялась беседа Короленко с тов. Председателя «Чрезвычайки». Писатель записывает**:**

– Я постарался бы встать между расстреливающими и вашими товарищами… жестокости одной стороны не

Наступил 1919 год.

Приведу отдельные отрывки из дневника, помеченного 1919 годом.

1

14. 01.

«Обращение: «Родному господину Короленко»:
«Умоляю вас спасти меня от расстрела. Поспешите. Дни жизни моей сочтены» (А. Чижевская).

2

17. 01.

«*…месть только усиливает рост жестокости…»*

3

И снова в дневниках большой разрыв в датах.

13. 03.

«*Было так много событий и так много хлопот, что записывать было невозможно… мы под большевиками с половины января.*
… мы пережили много кризисов при царской власти, но кое-как жили. Теперь не только закрыли журнал, но реквизировали бумагу для «коммунистической газеты» и квартиру, которую и принялись отапливать нашими книгами из склада.
Такого кризиса еще не бывало. Большевики вообще считают свободу печати «либеральным предрассудком». Вся независимая печать закрыта сплошь…
Свойства всякой охранки – неизбежно плодить безответственно глупые дела….

отослал…»

Несмотря на ухудшающееся общее состояние здоровья, он спешил продолжить работу над книгой, которой придавал большое значение.

***

1 (14). 02. 1920 года.

В письме к С. П. Мельгунову Короленко сообщал: *«… посылаю Вам кн. Т. 2 «Современника», изданного в Одессе…. Теперь я написал и закончил 1-ю часть т. 3. и скоро, вероятно, смогу послать ее Вам».*
Видимо, Мельгунову стало известно об одесском издании, и он запросил писателя, что-то уточняя в связи с готовящейся работой в издательстве.
Все члены редакции относились к писателю трепетно и благоговейно. Многие знали его по общественной работе еще со времен Нижнего Новгорода. Они прекрасно понимали, сколь необходимы были в России книги Короленко в это тяжкое время…. Несмотря на все трудности издательского дела, в этот период они работали самозабвенно и напряженно, чтобы сочинение Короленко было выпущено без промедлений. Жизненное мужество самого писателя было для них примером и стимулом в работе.

***

Ранней весной 1920 года С. П. Мельгунов был арестован. Узнав об этом событии, Короленко тотчас активно включается в дело освобождения коллеги и сообщает в письме к С. С. Анисимову, заменившему в издательстве «Задруга» арестованного С. П. Мельгунова, что о деле С. П. Мельгунова он пишет Х. Г. Раковскому в Харьков. Это письмо датировано 16 марта 1920 года (старый стиль). Он следит за столичной прессой. В газетах стали появляться материалы о так называемом «Деле Тактического центра».

В архиве В. Г. хранятся собранные им вырезки из газет под рубрикой «Тактический центр» (ГБЛ., ф.135. 3. 34–36).

С. П. Мельгунов и В. А. Мякотин были осуждены как раз по делу «Тактического центра». Однако под общественным давлением власти были вынуждены их освободить. А вскоре их выслали из России.

***

В 1920 году по делу «Тактического центра» Мельгунов был приговорён к расстрелу, заменённому впоследствии 10 годами тюремного заключения. Началась кампания по его освобождению. Инициатива в этой кампании принадлежала Вере Николаевне Фигнер и П. А. Кропоткину. Известно, что за него вступился и Владимир Галактионович Короленко.

Благодаря их настойчивым ходатайствам, а также ходатайству Академии наук, Мельгунов был освобожден из тюрьмы 13 февраля 1921 года.

В мае 1922 года, по окончании процесса над эсерами, он был приговорен к ссылке в г. Чердынь, замененной высылкой заграницу. Вскоре он был лишен и российского гражданства.

***

Как только Мельгунова освободили, он непосредственно содействует тому, чтобы московский профессор медицины В. К. Хорошко спешно выехал в Полтаву в связи с резким ухудшением состояния здоровья Короленко. О дружеском, активном содействии больному писателю всей редакции издательства «Задруга» рассказано в специальном сборнике «Памяти В. Г. Короленко», который был напечатан к первой годовщине со дня смерти писателя.

убийствами из-за угла. И без того массы к этому склонны. Потакать этой склонности – не значит достойно служить народу».

14

2. 08. 1918 года.

«*Почтовые отношения между Российской и Украинской державой восстановлены. Только нельзя пересылать печатных произведений в бандеролях и газет: украинская держава ограждается от «русской культуры».*

***

14. 08. Короленко вместе с дочерью Натальей выехал в Киев хлопотать об освобождении зятя – Константина Ляховича, т. к. тот находился в концлагере под Брест-Литовском. Они добились его освобождения.

Далее следует разрыв в датах – с августа по 26 ноября**.**

15

26. 11.

«*Лживые обещания и уверения. Это очевидно. Система немецкого управления…»*

Записей, датированных декабрем 1918 года, также либо не сохранилось, либо не было представлено в современной публикации.

В журнале «Вопросы литературы» в октябрьском номере за 1990 год появилась следующего содержания запись от имени редакции: «*мы вынуждены прервать публикацию Дневников из-за опоздания выпуска номеров за 1990 год. Продолжение предполагает редакция опубликовать в 1992 году. Полностью тексты Дневников и письма В. Г. Короленко к Луначарскому и Раковскому, статьи 1917–1921 выйдут в ближайшее время отдельной книгой».*

11

28. 03

«*Большевики послали карательный отряд. Захватили волостное правление, взяли все деньги, арестовали всех членов волостного земства и этих восемь арестованных привезли в город…»*

Короленко активно вмешался, добиваясь их освобождения.

…*«когда мы вошли в вагон-тюрьму, Золотарев вздохнул и сказал: – когда-то мечтал стать Короленко, а стал маленьким солдатом».*

12

5 мая 1918 года.

«Самое плохое в этом – поддержка переворота немцами, без которых он, очевидно, совершиться не мог, а значит – может ли устоять? Немцы в глазах большинства народа остаются врагами.

Нашу внутреннюю болезнь – большевизм всякого, в том числе и земельный, – нам надо пережить внутренне, иначе – он только будет вогнан внутрь плохими средствами».

13

4. 07. 1918 года.

«*…О Володарском говорят, что он был нехороший человек и демагог в худшем значении слова. Но если это действительно террор, то лекарства не лучше болезни…*

Вместо разумного сопротивления и борьбы действительных сил – пошли убийства из-за угла и дикие репрессии. Никого этим запугать нельзя, а для интеллигенции – роль самая неподходящая… Прислужничество перед массами, которые как раз не хотят признать лучшего, что может внести интеллигенция, – так прислужничество худшим:

***

После высылки заграницу поздней осенью 1922 года С. П. Мельгунов вскоре написал книгу «Красный террор в России» (1918 – 1923). Он подготовил ее на основе исторических свидетельств и документов.

В 1924 году книга вышла уже вторым и дополненным изданием. Обращает на себя внимание, что текст его книги предваряют слова Короленко: *«Страшная правда, но ведь, правда».* Эти слова взяты составителем в качестве эпиграфа.

Во вступлении Мельгунов приводит фрагмент письма Короленко к А.Г. Горнфельду: *«Незаметно эта вещь вряд ли пройдет, если только у читателей и критики хватит мужества вчитаться (возможно и то: увидят, что тут расстреливают, и обойдут сторонкой)», – так писал Короленко Горнфельду по поводу рассказа Вл. Табурина «Жива душа», напечатанного в 1910 году в журнале «Русское богатство»….*

Затем Мельгунов продолжает: «*Невольно вновь вспоминаешь слова В. Г. Короленко, мимолетно брошенные им по поводу его работы над «Бытовым явлением». Он писал Горнфельду в цитированном выше письме из Алупки (18 апреля): «работал над этим ужасным материалом о «смертниках», который каждый день по несколько часов отравлял мои нервы. И когда читатель перевернет последнюю страницу моей книги, я думаю, он поймет то гнетущее чувство, которое должен был испытывать автор ея в течение долгих дней, погружаясь в моря крови, насилия и неописуемых ужасов нашей современности. По сравнению с нашими днями, эпоха «Бытового явления» даже не бледная копия».*

Для Мельгунова нравственный авторитет Короленко оставался неизменным и служил

своеобразным эталоном в собственных работах и публикациях, а тем более в тех, в которых говорилось о насилии над личностью.

Участие В. Г. Короленко в деятельности «Книгоиздательства писателей в Москве»

В 1912 году писателя В. В. Вересаева избрали редактором только что основанного «Книгоиздательства писателей в Москве» Одним из первых, кто получил приглашение к сотрудничеству, был В. Г. Короленко. В письме к нему Вересаев делился своими планами объединить вокруг издательства всех прогрессивных писателей, чьи произведения отвечали бы программным положениям сборников: «*... ничего антижизненного, антиобщественного, антиреволюционного; стремление к простоте и ясности языка; никаких вывертов и кривляний».*

В ответном письме В. В. Вересаеву Короленко сообщал, что полностью поддерживает его начинание: *«...действительно нужно простое, здоровое течение, ясно отгораживающееся от всех кривляний, признающее простоту, то есть прямое и честное отношение к слову, образу и мысли – основным требованиям искусства*»**.**

Под грифом этого издательства выходили в свет в разные годы как старые, так и новые произведения писателя. Их по тем временам было немало:

- «Ат-Даван».
- «Без языка».
- «Война, отечество и человечество».
- «Лес шумит».

мелких землевладельцев… отслужили молебен и провозгласили «гетманом» ген. Скоропадского… Скоропадский взял на себя спасение «рідної України».
… дурацкая «социализация земли» должна привести к реакции. Вопрос о том, где эта реакция остановится. Декоративная «гетманщина» может подкупить интеллигенцию.

9

23. 07.

«30 мая я получил анонимную ругательную открытку: «Ты либо большой плут, старина, либо неисправимый социальный дурак! Третьего не дано! Было бы большой и несомненной пользой, если бы таких, как ты, одержимых, просто-напросто вешали без утопических рассуждений» (из Киева).
Финал этой дневниковой записи: «*Чиновники изливают свои чувства ругательными анонимами: это показывает, какие чувства они питают к независимой и особенно социальной печати и как они готовы свести свои счеты, раз у них будет власть*».

Представляет определенный интерес запись писателя о личности Раковского: «*… Его также жаль: исхудал, облысел, глаза усталые, жалкие, горящие…. Но необходимо было указать на скверную фальшь его позиции. Не очень умный человек – он запутался… он не сумел удержаться на прежней позиции и вмешался не в свое дело…»*

10

25. 03.

«За ночь ограблено 6 магазинов. Днем разгромы продолжаются».
В каждой записи – летопись очевидца.

…Несомненно, большевистские подстрекательства первые породили зверства дикой толпы над «буржуазией». Но зверства, хотя бы и ответные, – все-таки зверства».

***

Статья Короленко «Грех и стыд» появилась 2. 04. 1918 года в газете «Свободная мысль».

6

5. 04.

… пришла женщина молодая, взволнованна на глазах слезы: – вам нужно поскорее скрыться. Приговорены к смерти 12 человек, в том числе и вы….

… мы вас любим. Хорошие люди нужны. Уезжайте куда-нибудь поскорее… я попросил ее достать список остальных обреченных и принести мне…

… я вернулся и продолжал работать, хотя не скажу, чтобы сообщение не произвело на меня никакого впечатления…

7

6. 04.

… опять из нового источника: « вот когда б удалось… злодейство большевистской банды делает зверем Шаповалова…

8

26. 04.

… сегодня молоденький офицер-украинец в сопровождении пехотинцев явился ко мне с предписанием коменданта (укр. с-р!!) Самойленка произвести обыск для отобрания оружия. Офицер конфузился и на мое заявление, что оружия у меня нет, решил уйти… Самойленко счел меня опасным.

… собрался съезд «хлеборобов-собственников», т. е.

- «Отошедшие» (Об Успенском, Чернышевском и Чехове).

В. Г. Короленко особенно охотно печатался именно в этом книгоиздательстве.

14 сентября 1917 года по поводу, например, брошюры «Война, отечество и человечество» он писал Вересаеву: «Ко мне обратились сразу несколько издательств..., если «*Книгоиздательство писателей» найдет для себя удобным издать мою брошюру, буду очень рад. В таком случае телеграфируйте в Полтаву писателю Короленко одно слово*: «*Издаем», – и я сейчас же вышлю Вам исправленный экземпляр».*

1

В коллекции ОРИР сохранился экземпляр рассказа «Ат-Даван (Из сибирской жизни)», напечатанный этим издательством в 1919 году в серии *«Библиотека для всех. Народные произведения русских писателей*».

Книга напечатана на довольно плохой бумаге. В ней всего 36 страниц и ее лишь условно можно назвать книгой. По размеру она ближе к брошюре или популярному в то время изданию для народа. Об этом же свидетельствует тематическая направленность всей серии.

На титульном листе указывается, что это уже второе издание в этом издательстве (№ 4869). Регистрационный номер говорит о том, что книга вошла в первые тысячи фонда, чего не могло быть, т. к. она вышла в 1919 году. Видимо, ранее под этим номером была зарегистрирована книга Короленко, поступившая в библиотеку в 1888-1890 году.

2

В 1918 году «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило сборник рассказов Короленко под названием «В пустынных местах». В этом сборнике более ста страниц.

Заметим, что для того трудного и трагического времени выпуск такого рода книг был сопряжен с немалыми издательскими трудностями. Брошюры выпускать было гораздо легче.

3

В 1917 году «Книгоиздательство писателей в Москве» едва ли не самым первым напечатало страстное публицистическое произведение Короленко под названием «Война, отечество и человечество»**,** которое затем издавалось еще несколько раз, но уже другими издательствами. В коллекции хранится экземпляр, изданный в Харькове в 1919 году. Это сочинение писателя имело и подзаголовок – «*Письма о вопросах нашего времени».*

Более раннее московское издание на титульном листе имело еще ряд интересных уточнений. Так, указывалось, что книга напечатана фирмой «Московский листок» для серии «культурно-просветительная библиотека».

4

Рассказ Короленко «Лес шумит» впервые был опубликован в 1916 году. Его подготовила к печати М. А. Коломенкина. А в 1921 году перепечатку осуществило «Книгоиздательство писателей в Москве» (№ Б.68.046).

5

В 1917 году в серии «Дешевая библиотека товарищества книгоиздательства писателей в Москве»

программы. Большевистский идиотизм погнал их в эти ряды из простого чувства самосохранения. Многие у нас плакали, – говорит тот же офицер, – узнав о заключении мира и союза с немцами…

5

По поводу посещения его Раковским Короленко даже приводит прямую речь состоявшегося диалога:

3. 04.

«*Номер расходится нарасхват и производит впечатление. Какой-то офицер-украинец принес в редакцию «Ответ»… Автор говорит о том, как «в наши квартиры врывались серо- шинельные банды Красной армии, как на наших глазах убивали и истязали наших младших братьев только за то, что были они украинцами или за то, что трудом усидчивым и долгом, годами учения и научений было достигнуто когда-то офицерское звание».*

…«Не мы, – говорит он далее, – бросали в Севастополе в бурное море сотни трупов офицеров; не мы устраивали кронштадтские застенки; не мы поставили в Харькове на запасных путях «вагоны смерти», куда без счета и без приговора бросали темной ночью чьи-то тела… автор признает, что это «грех и стыд».

«Зверем сделали меня, звери-убийцы на убийство толкнули».

Верьте, Владимир Галактионович, что мы понимаем всю тяжесть вашего справедливого обвинения».

«Но автор верит, что и я пойму тот ужас безнаказанный, те муки безотчетные, которые свободолюбцев и идеалистов сделали убийцами и дикими мстителями». Письмо производит впечатление искренности.

целоваться с Муравьевым, хвастающим публично, как он беспощадно расстреливал противников советской власти, громил в Киеве лучшие здания и церкви…
Большевики решили оставить Полтаву без боя… хотят, будто бы, взорвать аптеки, склады и банки…
Пришел доброжелатель предупредить, будто большевики составили список заложников, которых увезут с собой при отступлении, в том числе – меня».

2

24. 03.

Был Раковский. Человек, несомненно, честный и энергичный, но… Я писал о нем в «Русских ведомостях» (17. 06. и 12. 08. 1917). Раковский стал ярым большевиком и в Одессе публично в собрании целовался с Муравьевым…

3

30. 03.

…немцы и гайдамаки вступили в город…. Пролетают ядра и рвутся под городом. Это большевики, застигнутые еще на вокзале, обстреливают город. Зачем? Эта стрельба совершенно бессмысленная… жителей переранили немало. В этом – весь большевизм. Все не-большевистское – враги. Весь остальной народ для них ничто.
… в доме Янович была квартира, занятая, очевидно, красногвардейцами – грабителями. На них нагрянули, захватили, побоями вынудили указать место, где зарыто награбленное, и потом расстреляли…. Избивать перед казнью могут только истинные звери.

4

31. 03.

… среди гайдамаков рядовых, оказывается, много русских и украинцев – офицеров. Тут уж не

был опубликован рассказ Короленко «На затмении». Один экземпляр сохраняется в коллекции ОРИР.

6

В этой же серии в том же году был напечатан и другой рассказ писателя «Ночью».
Это произведение дважды перепечатывалось в Москве в 1919 – 1920 годы.

7

В 1917 году в серии «Дешевая библиотека» в этом же книгоиздательстве был напечатан рассказ Короленко «Черкес».

На сохранившемся экземпляре указано, что рассказ Короленко был уже 23 названием, которое издательство выпустило в этом году в этой серии.

8

В 1918 году «Книгоиздательство писателей в Москве» опубликовало широко известный рассказ Короленко «Соколинец» в серии «народно-школьная библиотека». Один из экземпляров представлен в коллекции ОРИР.

Следует заметить, что вопреки всем трудностям грозного времени, в 1917–1921 годах это книгоиздательство многократно публиковало рассказы писателя.

В коллекции сохранилось 8 названий сочинений, которые были напечатаны именно в этом книгоиздательстве. Интересно, что они выходили в разных сериях, которые в то время издавало «Книгоиздательство писателей в Москве». Перечислю их еще раз:

- Библиотека для всех.
- Дешевая библиотека.
- Народно-школьная библиотека.
- Культурно-просветительская библиотека.

Все эти серии относятся к краткому периоду с 1917 по 1920 год.

Приложение 1. О книге Короленко «Падение Царской власти»

Одним из первых, кто откликнулся на Февральскую революцию 1917 года, был В. Г. Короленко. Он написал страстную статью под названием «Падение царской власти» с подзаголовком «Речь простым людям о событиях в России». В ней Короленко констатирует, что *«царской власти уже нет места в будущей России», и* Учредительное Собрание, *как некогда Земский* собор, *установит будущую форму правления русским государством». Короленко подчёркивает, что «нужно много мудрости, чтобы прекратить внутри страны разногласия, опасные споры о власти и междоусобия, пока родине грозит нашествие и гибель ее молодой свободы».*

Короленко, как и многие его современники, с радостью восприняли февральскую революцию 1917 года, которая сулила долгожданную свободу. Ему казалось, что это было начало исполнения всех его чаяний. Его радовал нараставший протест против войны – этой «ужасной свалки». Короленко часто выступал на митингах и собраниях, в Совете рабочих и солдатских депутатов, на учительском и крестьянском съездах. Именно в это время он и выпустил брошюру «Падение царской власти».

19. 03.

«…стоило прийти немцам, и русские поезда пошли, как следует… и этому народу, не умеющему пустить поезда, внушил, что он способен пустить всю европейскую жизнь по социалистическим рельсам. Идиотство кровавое и безумное.

… эти дни был занят писанием «Истории современника»…»

***

В это время Короленко напряженно работал над второй частью своих воспоминаний, начатых в 1909 году. Отдельное издание малым тиражом вышло в 1919 году в Одессе.

А в 1920 году – в Москве в книгоиздательстве «Задруга».

***

Новое сочинение создавалось писателем вот, в какой атмосфере и политической обстановке:

- *«В Полтаве, вероятно, как и всюду не общество людей, а какое-то стадо….*
- *…масса, пожалуй, не прочь от большевизма, но против данного бытового явления (погрома, грабежей).*
- *…Большевик – это наглый «начальник», повелевающий, обыскивающий, реквизирующий, часто грабящий и расстреливающий без суда и формальностей.*
- *…В Пб. все голодают. Но стоит быть близким к большевикам, чтобы не терпеть ни в чем недостатка: они питаются от реквизиции».*
- *Кстати о Раковском: я писал по поводу легкомысленных бурцевских обвинений его в немецком шпионаже и это, конечно, неправда. Но, я, пожалуй, не стал бы выступать с этой защитой, если бы мог предвидеть, что этот же Раковский станет публично*

- Побольше честности.
- Грех и стыд!
- Суд и закон!
- Максимализм и государственность.
- Маятник власти.
- Власть или шайка.
- Власть доноса.

17

В декабре 1917 года Короленко записал: «*У души должен быть свой скелет, не дающий ей гнуться при всяком давлении, придающий ей устойчивость и силу в действии и противодействии. Этим скелетом души должна быть вера... Или религиозная в прямом смысле, или «убежденная», но такая, за которую стоят «даже до смерти», которая не поддается софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку свое «non possumus» – «не могу». И не потому не могу, что то или другое полезно или вредно практически, с точки зрения ближайшей пользы, а потому, что есть во мне нечто не гнущееся в эту сторону... Нечто выше и сильнее этих ближайших соображений».*

***

Когда вчитываешься в дневниковые записи писателя, датированные 1917 годом, то не покидает ощущение скрытой сопричастности, и одновременно чувство острой боли за людей, которым пришлось пережить ужас происходивших событий.

***

Не менее важны записи дневника 1918 года. Первая запись датирована мартом.

6 марта1917 года на митинге в Полтаве Короленко в своем выступлении выразил отношение к Февральской Революции 1917. Он сказал: «*…Монарх уходит – Россия остаётся... Будем же едины... враг ещё на нашей земле».* В то же время Короленко предостерегал от «насилий и мести».

11 марта 1917 года он был избран председателем митинга солдат Полтавского гарнизона. Он призвал солдат к единению с народом и сохранению спокойствия и дисциплины.

14 марта 1917 года в «Русских Ведомостях» появилась хроника о выступлении писателя.

Короленко, называя себя беспартийным социалистом, тем не менее, не разделяет идей большевиков и принципов пролетарской диктатуры. А именно эти идеи начинали преобладать в растревоженном, словно улей, обществе. Он призывает «*поставить интересы всего населения выше партийной борьбы».*

17 апреля 1917 года депутаты от Народно-социалистической партии на проходившем в Полтаве съезде крестьян предложили Короленко выдвинуть его депутатом в Учредительное Собрание, однако он отказался, ссылаясь на нездоровье.

***

Статья «Падение царской власти» была напечатана 2 – 4 мая 1917 года в газете «Русские Ведомости».

1

В ОРИР сохранилось *пять изданий* этого публицистически страстного сочинения писателя. Все они вышли в 1917 году.

Несмотря на небольшой размер, в статье очень

четкая композиция, которая состоит из 9 разделов, каждый из которых имеет заглавие. Назову основные из них:

- Дом Романовых. Вал, отделяющий царей от народа. Народные надежды. Ходоки к царям.
- Александр Третий.
- Николай Второй.
- Ходынка.
- Японская война. Волнения. Манифест 17 октября.
- Нарушение обещания. Царь-помещик. Распутин.
- Великая война. Убийство Распутина.
- Волнения из-за хлеба.
- 9 января. Отречение царя.

Названия главок указывают на те вехи, которые в современной истории России писатель считал определяющими судьбу страны.

В финале Короленко писал: *«Царское правительство привело Россию на край гибели. Настоящая историческая минута решит нашу судьбу на много десятилетий – быть может, на целые века. Нужно много мудрости, чтобы прекратить внутри страны разногласия, опасные споры из-за власти и междуусобия. Нужно, чтобы Россия единой душой и единым сердцем стала на стороне независимости…»*

2

В Москве это сочинение писателя напечатало издательство «Набат» в серии библиотека «Памяти прошлого» (№ 4).

На титульном листе этого издания читаем:

Библиотека «Память прошлого»: В. Короленко. Падение царской власти. Кн. издательство «Набат». Здесь же изображен колокол. Из текста на титульном листе следует, что в этом издании приведен и портрет

***

После 37 лет эмиграции 31. 03. 1917 года Г. В. Плеханов вернулся в Петроград. Он выступил с призывом к классовому миру. Октябрьскую революцию он решительно не принял. Вскоре Плеханов был арестован. Короленко отправил телеграмму, в которой выражал решительный протест против этого насилия и надругательства над личностью. Текст был напечатан в газете «Слово в цепях» 22. 11. 1917 года. Это действенное заступничество писателя за Плеханова – еще один выразительный штрих к портрету Короленко – человека. В его поступках – активное неприятие торжествующих насильников и отсюда – повседневное, абсолютное бесстрашие в словах.

Большевики хотели взять Короленко заложником, но не смогли, затем был налет грабителей и бесконечные обыски. Одновременно с этим он получал немало анонимных подметных писем, но ничто не могло устрашить его или сломить. Пока были физические силы, он продолжал посещать тюрьмы, и был постоянным ходоком в ЧК и контрразведку, а также к городским властям. Все его поступки были направлены на то, чтобы спасать любого человека, кто обращался к нему за помощью. Количество обращений ходоков к нему было огромным, а в письмах к нему обращались чаще всего так: «*Родному господину Короленко*» или «*Отец Короленко*».

Поражает мужественная гражданская позиция Короленко, когда он бесстрашно заявлял: *«В благо от Чрезвычаек не верю! Считаю проявление красного террора признаком не силы, а слабости и страха».*

***

Вслушаемся в названия его статей, написанных только в 1917 году:

- Прежде и теперь.

сообщает уже официальный орган харьковского губернского комиссариата «Нова громада»: кровопролитие в самом сердце России» (ЮК от 26. 11)».

Далее В. Короленко подробно цитирует харьковскую газету «Южный край».

15

29. 11.

«*Три раза врывались с обыском к Плеханову. Положение больного ухудшилось. Пошла горлом кровь…*»

16

5. 12.

… самое страшное, что есть в нашей революции – наша психология – психология всех русских людей – это организм без костяка, мягкотелый и неустойчивый. Русский народ якобы религиозен. Но теперь религии нигде не чувствуется. Ничто «не грех»! Это в народе – то же и в интеллигенции…. Это и есть страшное: у нас нет веры, устойчивой, крепкой, светящей свыше временных неудач и успехов.

Для нас «нет греха» в участии в любой преуспевающей в данное время лжи…

И оттого наша интеллигенция вместо того, чтобы мужественно и до к о н ц а (Знак Короленко) сказать правду «владыке народу», когда он явно заблуждается и дает увлечь себя на путь лжи и бесчестия – прикрывает отступление сравнениями и софизмами и изменяет истине…. И сколько таких не убежденных глубоко, но практически пресмыкающих к большевизму в рядах той революционной интеллигенции, которая в массе способствует теперь гибели России, без глубокой веры и увлечения, а только из малодушия и без увлечения… русская душа – какая-то бесскелетная!

автора. Однако не указано ни место, ни год издания, и лишь по косвенному признаку можно уточнить, что оно было напечатано в Москве.

На сохранившемся экземпляре есть штамп, из которого следует, что ранее книга находилась в библиотеке Каменец-Подольского государственно университета. В харьковскую научную библиотеку им. В. Г. Короленко поступила лишь 30. X. 1940 г.

На обороте титульного листа воспроизведен текст письма Короленко от 17. 05. 1917 года, согласно которому это его сочинение может перепечатываться и другими издательствами.

Помимо этого, книжное издательство «Набат» сообщало о том, что оно «поставило себе целью в серии «Памяти прошлого» подвести итог всему тому, что выпало на долю нашей многострадальной родины, и, считая для себя лестным воспользоваться разрешением В. Г. К. в напечатании этого исторического очерка, выполнит при этом поставленные им условия. (Май, 1917. Москва)».

Какие еще тексты были напечатаны в этом издательстве, чья деятельность была очень короткой, выяснить, к сожалению, пока не удается.

3

Затем статью Короленко напечатали в 1917 году в Оренбурге. На сохранившемся экземпляре этого уникального издания обозначено следующее: «Оренбургское губернское земство. Владимир Короленко. Падение царской власти. – Оренбург. Типография кооперативного союза «Народное дело». 1917-го».

Этот экземпляр имеет особенность – штамп, который указывает, что ранее книга находилась в библиотеке харьковского кредитного общества и

поступила в фонды библиотеки лишь 23 марта 1939 года. На страницах ее встречаются карандашные подчеркивания.

4

Текст Короленко был также напечатан и в Петербурге издательством «Освобожденная Россия» (№ 21), но без указания года издания.

Это издательство имеет следующее уточнение: «*Временный комитет Государственной Думы».* Пройдет всего несколько месяцев и Россия потеряет этот орган власти в стране.

Эта брошюра поступила в фонд библиотеки уже 30 августа 1917 года. Дата в данном случае весьма красноречива**.** Это было, пожалуй, самое раннее по времени поступления издание в фонд библиотеки.

5

Статья Короленко была издана в 1917 году и в Чугуеве чугуевским обществом грамотности в частной типографии М. А. Лубенцова.

Сохранившийся экземпляр чугуевского издания поступил в декабре 1937 года.

Интересен язык дат, который раскрывает бытование книги во времени, а время было грозным и трагическим.

***

Однако эта малая коллекция далеко не исчерпывает общего количества изданий этого сочинения Короленко, выходившего в разных городах и весях России в грозовом 1917 году.

В правильности этого вывода убеждают нас сведения, приведенные на обратной стороне брошюры

выиграли в процессе модернизации своих общественных структур.

И нам пора конструктивно отреагировать на приобретения и издержки своего героического, трагического и противоречивого прошлого, не поддаваясь запальчивости и нетерпимости, толкающими к конфронтации. И важно сделать из этого надлежащие выводы, помня предостережения великого русского историка В. О. Ключевского: «история... наказывает за незнание уроков»…»

Короленко завешает свою мысль словами: *«Не пристало и нам находиться в положении нерадивых школьников, не желающих считаться с реалиями исторического опыта своей страны».*

13

20. 11.

«*…Большевистское безумие ведет Россию к неизвестным авантюрам… это безумие большинства активно-революционной демократии… Как-то даже замирает естественное чувство жалости: жаль этих опивающихся и сгорающих скотов, а, в сущности, конечно, должно быть жаль…. Доморощенная митинговая внешняя политика… даже в умеренном «Народном слове» – пламенные статьи против большевиков…*

Отсутствие людей, неразборчивость в них – это проклятие нашей революции, которая в глазах всех не ослепленных людей определяет ее бессилие для социальных реформ…»

14

28. 11.

«… в Полтаве продолжаются гнусности…

Под Белгородом в харьковской губернии идет форменное кровопролитное сражение. Об этом

всего человечного в стране».

Короленко как бы размышляет вслух*: «Мне теперь часто приходит в голову следующее сравнение: из одного и того же углерода получается в лаборатории природы самоцветный кристалл алмаза и аморфный черный уголь. Почему? Химики говорят, что в частицах алмаза атомы расположены иначе, чем в угле. Люди такие же частицы. Одними учреждениями их не заменишь. В социальной лаборатории должна еще долго происходить их перегруппировка. Народ неграмотный, забитый, не привыкший к первичным социальным организациям: сколько не предписывай ему сверху – не кристаллизуется в алмаз. Останется ли он и после революции аморфным угольным порошком, который ветер анархии или реакции будет еще долго взметать по произволу стихии, – вот роковой вопрос нашего времени*».

Продолжая записывать свои размышления, он приходит к обобщению: «*Наше время, при всей его специфике, сродни 1917 году, в том числе и по масштабности происходящих в стране перемен, над уяснением смысла которых ещё предстоит немало потрудиться. Это обстоятельство будет настойчиво толкать читателя на путь исторических сопоставлений. Неизбежно встанут вопросы: в каком отношении современная общественная мысль и социальная практика, по сравнению с 1917 годом, ушли вперёд, в каком остались на тех же рубежах и, наконец, в каком плане они претерпели попятное движение, возвращаясь к мифам, догмам и стереотипам давних лет. Метод обращения к прошлому с целью более глубокого уяснения проблем настоящего давно уже взят на вооружение человечеством. История свидетельствует: социальные силы тех стран, которые извлекли из опыта российского 1917 года наиболее важные уроки,*

современником и сподвижником Короленко Иваном Петровичем Белоконским.

Именно из этого источника стало известно о том, что статья Короленко «Падение царской власти» была напечатана *также издательством «Задруга» в специальной серии «Свободный народ».*

Среди организаторов этой серии было немало тех, кто лично и многолетне был знаком с писателем (Петрищев, Пешехонов, Мякотин и, конечно же, Мельгунов).

Среди авторов была и первый биографии Короленко Наталья Дмитриевна Шаховская

Сведения об изданиях статьи Короленко «Падение царской власти» в разных городах.

В книге П. И. Негретова «В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества». 1917–1921. (М. 1990. С.19 – 20) указано, что эта статья выдержала в 1917 году около 40 отдельных изданий общим тиражом 6000 экз.

Добавим, что география этих изданий не указана, и можно предположить, что далеко не все эти раритеты дошли до наших дней. Тем важней указать те, которые все-таки дошли до нас и находятся в разных книгохранилищах страны:

- Падение царской власти. Вятка, 1917.
- Падение царской власти. Саратов, 1917.
- Падение царской власти. М., тип. т-ва Задруга.
- Падение царской власти. Алтырь, тип. С. Ф. Родионова.
- Короленко В. Г. Падение царской власти. Воронеж, 1917.

***

Февраль 1917 года Короленко воспринял как долгожданную возможность демократического обновления России. Увы, обновление не состоялось. Оно было потоплено в братоубийственной войне, свидетелем которой стал писатель.

После «Падения царской власти» он вскоре написал статью «Война, отечество и человечество», призывая к созиданию, а не разрушению. Эти «письма» Короленко первоначально появились в газете «Русские ведомости» в 1917 году в августе месяце. В дальнейшем это сочинение выдержало 8 отдельных изданий!

В. И. Ленин, прочитав статью Короленко, назвал его «*жалким мещанином»,* заявив, что «*таким талантам не грех посидеть недельку в тюрьме*» (Т. 51. С. 48). Возможность ознакомиться с этими словами вождя появилась лишь недавно.

Таким было еще одно «зеркало», в котором отразилась публицистическая деятельность чистейшего и бесстрашного человека, каким был Владимир Галактионович Короленко.

***

В ОРИР сохранился экземпляр книги Короленко «Война, Отечество и человечество», которая имела также и подзаголовок: «Письма о вопросах нашего времени».

Ее издало т-во книгоиздательства писателей в Москве. (Культурно – просветительная библиотека. № 5). Дата издания на титульном листе отсутствует.

В конце текста стоит дата создания книги – август 1917 года.

В книге всего 55 страниц и очень четкая композиция.

Каждый раздел имеет заглавие:

- Вместо вступления.
- Война всех против всех. Семья, род, область,

лисицу или волка. Он верит, он убежден в измене… Можно ли поверить, что теперь после революции этого дьявола уже нет? Он тут же. И это он, именно он изменяет Отечеству… Демон большевизма так легко плетет свои сети».

12

13. 11.

«*Трагедия России идет своей дорогой. Большевики победили и в Москве, и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников. Ленин прямо заявил: «Мы обещали, что в случае победы закроем буржуазные газеты, и мы это исполнили». Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. Арестованных после сдачи оружия юнкеров вели в крепость, но по дороге останавливали, ставили у стены и расстреливали и кидали в воду. Это, к сожалению, точные рассказы очевидцев. С арестованными обращаются с варварской жестокостью. У Плеханова (больного) три раза провели обыск.*

…Теперь его положение опасно совершенным в лице Плеханова над истинными друзьями народа, не забывшими, что сила революции в возвышенном стремлении человечности, разума и свободы, а не в разнуздании животных инстинктов вражды, произвола, насилия. Животное побеждает порой человека в человеке, но такая победа не прочна. Бывают в борьбе случайные положения, когда, по словам поэта Якубовича: «не тот, кто поверженво прах, побежден. Не тот, кто разит – победитель!».

С зловещей печатью Каина на челе нельзя оставаться вождями народа.

Плод этой победы: убивающее партию негодование

и грабежи со стороны... опять-таки солдат. Близ станции – виноградники. При остановке с поездов солдаты кидались туда и для скорости рвали виноград с плетьми! Автор письма пишет с отчаянием, что же ему думать о такой «свободе»?

Это – анархия. Общественных задерживательных центров нет. Где хорошие люди – солдаты – они защитят от притеснения железнодорожника, где плохие, там никто их не удержит от насилия над теми же железнодорожниками, честно исполняющими свой долг. Общество распадается на элементы без общественной связи.

Я как-то написал статью «Побольше честности!». Да, прежде всего, нам недостает простой элементарно-гражданской честности. И это определяет многое в нашей революции».

И далее: *«…недостает простой элементарной гражданской честности. И это определяет многое в нашей революции»…*

Эту мысль В. Г. Короленко более конкретно развил в статьях под выразительными названиями «Прежде и теперь» и «Побольше честности!».

Свидетельства писателя о происходящих событиях настолько яркие и ёмкие, что трудно ограничиться краткими извлечениями из его записей.

11

6. 11.

«При мне в Лондоне оратор Армии спасения говорил, что он верит в существование дьявола. Больше: он знает, что дьявол есть, как знает, что есть волк и лисица. (Июль 1893. Проездом в Америку. Эпизод изображен в очерке Короленко «В борьбе с дьяволом»)… и этот солдат с усталыми печальными и несколько враждебными глазами знает тоже своего дьявола, как

отечество.

- Любовь к родине. (В этой главке с. 12–13 о П. Якубовиче).
- Война всех против всех между народами.
- Мечта о вечном мире и социализм.
- Интернационал и отечество.
- Предвестники войны. Базельский съезд.
- Война – трагедия.
- Тоска о мире. Русский мирный призыв.
- Отечество и человечество.
- Урок русской революции.

На отдельных страницах имеются карандашные подчеркивания, которые свидетельствуют о внимании, с которым читались эти страницы современниками Короленко.

***

Сохранился также экземпляр еще одного издания этого сочинения В. Г. Короленко, которое было напечатано в Харькове в 1919 году. Это издание осуществил Всероссийский центральный союз потребительских обществ, который издавал в то время специальную серию «Библиотека гражданина».

Книга напечатана на очень плохой газетной бумаге и читается с большим трудом. В фонд библиотеки она поступила лишь в 1934 году, и к тому времени уже была библиографической редкостью как памятник печати времен революции и гражданской войны.

***

Установлено, что первоначально В. Г. Короленко назвал этот цикл *«Трагедия войны и отечества»*.

В «Южно-русском потребителе» (Х., 1918, № 2) была помещена рецензия, в которой обращают на себя

внимание следующие строки анонимного автора: «*Можно различно относиться к основным идеям прекрасной книги. Но прочесть её следует всем, к кому обращает свой голос всеми чтимый писатель*».

Приложение 2. Книговедческий экспромт о серии «Свободный народ»

На последней странице книжки Натальи Дмитриевны Шаховской «Свобода совести», изданной в 1917 году, меня заинтересовало объявление следующего содержания: «Серия народных брошюр на современные политические темы «Свободный народ» выходит под редакцией: Е. Н. Ефимова, М. А.Осоргина, Т. И. Полнера, В. Е. Сырочковского.

Далее следовали названия выпущенных уже книг этой серии:

- А. С. Буткевич. Выбор народных представителей.
- С. П. Мельгунов. Церковь в новой России.
- № 19. Н. Д. Шаховская. Свобода совести.
- № 20 – не названа.
- № 21. Н. И. Тимковский. Свобода, равенство, братство.
- № 34. И. Н. Розанов. Песни о свободе.
- № 41. В. Короленко. Падение царской власти.
- № 42. М. А. Осоргин. Про нынешнюю войну и про вечный мир.

Всего было названо 47 изданий этой серии. При этом указан адрес книгоиздательства «Задруга»: Москва. Воздвиженка. Это позволяет сделать вывод, что вся серия выпускалась широко известным в то время книгоиздательством, у которого при советской власти оказалась драматическая судьба.

ним работать. Почта тоже не признала новой власти, но все-таки «совет революции» существует, выпустил свое воззвание («призыв к спокойствию», смысл выжидательный) и установил цензуру!

Вчера я написал статью «Опять цензура» и отдал ее одновременно в две газеты: «Вестник областного комитета» и в «Полтавский день». В «Вестнике» статья появилась. «День» вышел в виде белого листа с надписью поперек: «Редакция «Полтавского дня» протестует против воскрешения предварительной политической цензуры». Оказывается, ночью явился член «Совета революции» большевик Городецкий (полуграмотный портной-закройщик) с каким-то студентом и потребовали предъявить им оттиск газеты. Когда им дали – Городецкий зачеркнул известие о постановлении Центрального комитета социалистов-революционеров – за временное правительство. В это время студент указал на мою статью: «Смотрите: статья Короленко». Городецкий посмотрел и говорит: – Ну и что ж! Вы думаете, у меня дрогнет рука? – и зачеркнул статью.

«Совет» постановил закрыть газету и реквизировать типографию. Затем большевики привезли ночью отряд саперов, настроенных большевистски. Если бы здесь в Полтаве, было 3-4 решительных представителя власти, стоило бы только сказать слово – и все кончилось бы мирно. Но все охвачено каким-то параличом, и большевизм расползается как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть диктаторов».

10

4 ноября.

«*Я получил письмо от железнодорожного служащего из Бендер: каждый день, отправляясь на службу, он прощается с семьей, как на смерть. Насилия*

цензуру. Но почтовые служащие единогласно отказались этому подчиниться. Известия, приходившие среди дня, говорят о ликвидации восстания. Фронт единодушно высказался за Временное правительство и посылает отряды в столицу. Все остальные социалистические и несоциалистические партии тоже. Железнодорожники стали на сторону "совета" и решили не пропускать этих войск, но едва ли помешают. В вечерних телеграммах, которые стали известны, сообщается, что и в Петрограде части гарнизона уже раскаялись. Жалкое малодушное стадо, действительно человеческая пыль, взметаемая любым ветром! Характерно, что в "революционный совет" в Петрограде избран, между прочим, Дзевалтовский, которого в Киеве солдатская масса внушительным давлением на суд освободила от приговора за несомненно изменнические действия на фронте, а у нас – жалкая его копия Криворотченко, который был арестован как дезертир за уклонение».

9

3 ноября.

«*Полтава повторяет Петроград: попытка «захватить власть». Но силы нет. Другие социалистические партии в ночном совещании призвали делегатов от войсковых частей и прямым опросом выяснили, что за выступление ни одна не стоит. Но... Совет рабочих и солдатских депутатов все-таки выделил из себя «совета революции», заявившего притязание подчинить своему контролю почту и телеграф, и пославшему своих эмиссаров к губернскому комиссару. Губернский комиссар сбежал в Киев. Остался его помощник Николаев. Когда к нему явился эмиссар, дезертир Криворотченко, – тот отказался с*

Согласимся, круг авторо достаточно пестр и очень интересен. За каждым автором стояла яркая творческая биография и непростая судьба при всей разнице масштабов их личностей. Конечно, особенно примечательны фамилии Короленко и Мельгунова.

Не менее значительны творческие личности И. Розанова и М. Осоргина.

Мне предстоит провести интересный историко-библиографический поиск, который, может быть, позволит привнести новые штрихи к биографиям этих авторов.

1
О Мельгунове

В современной России имя Сергея Петровича Мельгунова остается мало известным.

Как правило, о его работах знают историки – профессионалы. Книговеды знают о его редакторской деятельности, в то время как он был одним из крупнейших исторических публицистов русского зарубежья, редактором, издателем, политическим и общественным деятелем. В начале XX века Мельгунов был известным автором трудов по истории церкви, масонства, революционного движения в России.

Он родился 25 декабря 1879 года (7 января 1880 г.) в Москве и происходил из старинного дворянского рода.

Научная и общественно-политическая деятельность С. П. Мельгунова, известного историка, публициста и редактора ряда исторических журналов представляет несомненный интерес.

Мельгунов был автором многих публикаций по истории русского общественного и революционного движения XVIII – XX вв., в которых выступал с

либерально-народнических позиций.

Ещё студентом-первокурсником он начал сотрудничать с либеральной газетой «Русские ведомости» и это сотрудничество продолжалось до 1916 года.

В этой редакции Мельгунов вскоре стал единственным специалистом по религиозной тематике, и поэтому его точка зрения становилась точкой зрения газеты по вопросам истории вероисповедания.

С 1900 года Сергей Петрович стал сотрудничать как публицист не только в газете «Русские Ведомости», но и в журналах «Русское Богатство», «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Вестник Воспитания» и других периодических изданиях.

Короткое время он работал преподавателем русской истории в средних учебных заведениях Москвы.

В 1904 году он опубликовал работу «Из истории студенческих обществ в русских университетах», которая привлекла внимание историков.

***

Значительным событием в его жизни стала встреча с Л. Н. Толстым. 10 июля 1905 года Мельгунов посетил писателя в Ясной Поляне. Позже он напишет: «*Наши мировоззрения, конечно, слишком радикально расходились между собою, чтобы найти точки соприкосновения... Толстой попытался, было, меня направить на путь истинный и советовал заняться исключительно изучением религиозных движений в России – может быть, единственное положительное и самое важное в современной общественной жизни».*

***

В 1905–1907 годы он совместно с педагогом П. М. Шестаковым организовал издательство «Свободная Россия», которое, к сожалению, просуществовало

Таким образом, в столице уже льется кровь. У нас в Полтаве совет рабочих и солдатских депутатов давно стал большевистским и сделал попытку тоже захватить власть. Бедняге Ляховичу опять пришлось провести тревожную ночь. Все говорят, он действовал энергично и прямо. Он потребовал от большевиков категорического ответа – чего вы хотите? Если захвата власти по примеру петроградских большевиков – скажите это. Тогда – война.

Гласный городской думы Ляхович говорит о действиях меньшинства революционной демократии, проводившего политику раздробленная, преступную политику разрушения единства демократии, оратор называет большевиков – преступной кучкой заговорщиков.

«Мы должны вынести свое мнение относительно этого выступления и осудить его, как опирающееся на дезорганизованные массы», – сказал Ляхович. Если большевики продержатся у власти хотя бы 2 недели, то перед всей страной станет ясным положение, жалкое и бессмысленное, в которое себя поставит новая власть. Городское самоуправление должно сказать, что его отношение к этому заговору только отрицательное, и постараться предотвратить вооруженное столкновение. Полтавские большевики должны выяснить свою позицию. Я требую ответа, считают ли полтавские большевики, что необходимо захватить власть в свои руки, и надеюсь, что он будет отрицательным. Тогда лишь мы сможем предупредить бессмысленное пролитие крови, – заявил он.

Перед этим голосом человека, знающего твердо, чего он хочет, жалкие полтавские большевики растерялись. Они лепетали что-то маловразумительное. Правда, резолюция «совета» была все-таки двусмысленная. Между прочим, попробовали захватить почту и телеграф и даже на время ввели

человеческой жизни и человеческой личности».

…«В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не осквернённым, не обруганным».

… все кончилось бы мирно, но все охвачено параличом, и большевизм распознается, как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть самозваных диктаторов».

8

29 октября.

«*Узнали точно, что в Петрограде большевистский мятеж. Давно уже большевистский совет рабочих и солдатских депутатов образовал военно-революционный комитет и потребовал, чтобы штаб Петроградского военного округа подчинился его контролю. Правительство потребовало роспуска комитета. Большевики призвали гарнизон к вооруженному выступлению. 25 октября в 11 часов из Петрограда была отправлена телеграмма Временного правительства всем комиссарам. Вот что в ней говорится: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера "Аврора", стоящего на Неве. Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а посему постановлено не сдаваться и передать себя защите народа и армии, о чем послана телеграмма ставке.*

Ставка ответила о посылке отряда. Пусть армия и народ ответят на безответственную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии.

сравнительно короткое время. Убеждённый демократ и противник полицейского государства, Сергей Петрович смело критиковал ту несовершенную свободу, которая была дарована России после революции 1905 года. Он выступал за равноправие всех религиозных объединений и против того привилегированного положения, в котором находилась Синодальная Церковь.

Он писал: «*Ныне господствующая Церковь должна быть немедленно освобождена от прежней государственной опеки. Она должна быть Церковью автономной, самоопределяющейся и самоуправляющейся. Наряду с уничтожением государственной опеки, уничтожаются и монополии господствующей Церкви – монополии пропаганды и уголовной охраны».*

Он был автором ряда научных работ по истории Русской церкви и, в частности, 2-томника «Церковь и государство в России» (т. 1-2, М., 1907 – 1909).

В 1906 году Мельгунов вступил в Партию конституционных демократов (кадетов), но вскоре перешёл на позиции Народно-социалистической партии, что в некоторой степени повлияло и на направление его издательской деятельности.

Перед революцией выходят его книги, многие из которых посвящены религиозным проблемам, старообрядчеству и сектантству:

- «Москва и старая вера».
- «Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.».
- «Церковь и государство в России».
- «Старообрядцы и вопросы совести».

В 1917 году в издательстве «Задруга», по его инициативе, стала выпускаться пропагандистская

литература.

В 1917–1920 годах среди частных и кооперативных издательств, занимавшихся преимущественно изданием учебной и педагогической литературы, следует выделить такие издательства, как «Начатки знаний» и *кооперативное издательство «Задруга»*.

С. П. Мельгунов критически относился к всплеску шовинистических настроений в стране, и это тоже сближало его с Короленко.

Помимо исторических исследований, Мельгунов ведет активную политическую деятельность.

***

Мельгунов приветствовал Февральскую революцию 1917 года. Временное правительство назначило его ответственным за обследование и приём архивов охранного и жандармского управлений, а также документов Министерства внутренних дел. С марта 1917 года он приступил к работе как уполномоченный Временного правительства по обследованию архивов. Он развил энергичную деятельность по сохранению и упорядочению архивов Московского губернского жандармского управления и охранного отделения, а также по изучению и публикации документов этих ведомств. Получив доступ к секретным бумагам, Мельгунов решил незамедлительно опубликовать их.

К диктатуре пролетариата Сергей Петрович Мельгунов, как противник любой диктатуры, отнёсся враждебно. Он занял решительно непримиримую антибольшевистскую позицию, которая рано или поздно должна была привести его к открытому конфликту с новой властью.

В апреле 1917 года как член редакции новой газеты под названием «Власть Народа» Мельгунов на Всероссийском съезде редакторов ежедневных газет был

что может выдумать и измыслить недружелюбие, зависть, месть.

Нет в России ни одного большого, уважаемого имени, которого бы сейчас кто-нибудь не пытался осквернить, унизить, обесчестить, ужалить отравленной стрелой позора и самого тягостного подозрения в измене, предательстве, подлости, лживости, криводушии.

Даже в среде самой демократии ругательски ругают всех и вся: и Керенского, Ленина,

Чернова, Либера, Дана, Троцкого, Плеханова, Церетели, Иорданского... Ругают с ненавистью, с жестокой злобностью, с остервенением, не останавливаясь в обвинениях, самых ужасных для честного человека. И все это с легкостью необыкновенной. Нет ничего теперь легче, чем бросить в человека камень.

Внезапно, как-то катастрофически бесследно угасла повсюду вера в честность, порядочность, искренность, в прямоту. У человека к человеку не стало любви, не стало уважения. Забыты, обесценены и растоптаны все прежние заслуги перед обществом, перед литературой, перед родиной. Люди превращают друг друга в механически говорящих манекенов. Жизнь переходит в какой-то страшный театр марионеток.

Жить так нельзя – это невыносимо ни для каких сил. Отдельный человек, утративший веру во все и во всех, не воспринимающий окружающего мира душой, поставленный в безысходный нравственный тупик, сходит с ума или накладывает на себя руки. Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного настоящего. Отрава безверия страшней, чем мы думаем. Ее надо уничтожать всеми доступными нам силами. Надо вернуть ценность

солдатских депутатов и в переговорах с юнкерским училищем. Юнкера раздобыли 20 пачек патронов и везли с вокзала себе в училище. Солдаты остановили автомобиль и отняли патроны. Это было ночью. Юнкера предъявили ультиматум: если к 3 ночи не отдадут патронов, они идут на совет с орудием. Кое-как удалось достигнуть компромисса и предотвратить столкновение. Полтава рисковала проснуться в огне междоусобия. Вечером заседание Думы (публичное) в музыкальном училище. Будут рассуждать о положении. Теперь идет кризис повсюду: большевики требуют передачи власти советам. Другие, более умеренные партии – за временное правительство.

В городском саду стоит часовой у цейхгауза. Стоят они часов по 10-ти подряд. Скучают, охотно вступают в разговоры. Я подошел. Молодой парень, бледный, довольно изнуренный. Был уже 2 года на фронте, у Тернополя участвовал и в наступлении. Говорит, что если бы удержались наши, – были бы уже во Львове. Пришлось отступить. – Почему?

Солдаты не захотели наступать? – Нет. Офицеры «сделали измену». Солдаты хотят защищать отечество. Начальство изменяет, «снюхались с немцем».

Это довольно низкая тактика большевиков. Большевистская агитация, с одной стороны, разрушает боеспособность, агитирует против наступления и затем пользуется чувствами, которые в армии вызывают наши позорные поражения, и объясняет неудачи изменой «буржуев-офицеров». Ловко, но подло. В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не оскверненным, не обруганным. Партия на партию, класс на класс, человек на человека выливают все худшее, что может подсказать непримиримая вражда,

избран в Совет по организации Всероссийских съездов деятелей печати.

В мае того же года он активно участвовал в организации Совета депутатов трудовой интеллигенции.

Как специалист по церковным проблемам в своих публицистических статьях Мельгунов выступал за немедленное «отделение церкви от государства, то есть за полную и действительную свободу совести».

Только в 1917 году вышли из печати следующие его работы:

- Как создавалась в России государственная Церковь. (М. 1917).
- Последний самодержец: Черты для характеристики Николая II (М. 1917).
- Церковь в Новой России (М. 1917).

***

После Октябрьского переворота С. П. Мельгунов стал активным участником антисоветских организаций, таких, например, как Московский комитет защиты Учредительного Собрания.

В январе 1918 года С. П. Мельгунов вошёл во Временный Совет Лиги федералистов.

Весной 1918 года он как член лекторско – ораторской Комиссии читал лекции на тему «Церковь и государство», выступал с публичными докладами о современном положении в Московском университете. Непродолжительное время он был редактором газеты «Народное Слово» и приложения к этой газете – журнала «Понедельник». Помимо этого, С. Мельгунов редактировал московский журнал «Народный Социалист».

После покушения на В. И. Ленина в ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года начались массовые аресты. В числе арестованных оказался и Мельгунов.

Его допрашивал Ф. Э. Дзержинский. По приказу «железного Феликса», Мельгунова выпускают, а через несколько дней, по приказу Я. Х. Петерса, опять арестовывают. Установлено, что *свободы для него удалось добиться только благодаря заступничеству В. Г. Короленко.* Однако впереди его ждали новые обыски и аресты.

С апреля 1918 года Мельгунов вошел в состав «Союза Возрождения России», а с марта 1919 года он участвовал в заседаниях «Тактического центра».

18 февраля 1920 года Мельгунов был арестован по обвинению в руководстве Московской группой «Союза Возрождения».

До ареста в 1920 году Мельгунов был редактором журнала «Голос минувшего» и председателем правления кооперативного издательства «Задруга».

Верховный революционный трибунал ВЦИК 16–20 августа 1920 года признал его виновным в сотрудничестве с контрреволюционной организацией в целях свержения Советской власти путем вооруженного восстания и приговорил к расстрелу, позднее замененному тюремным заключением на 10 лет**.** Постановлением Президиума ВЦИК от 10 февраля 1921 года, по ходатайству Российской Академии наук, из-под стражи освобожден.

В период с 1918 по 1920 год**,** обвиняемый в «контрреволюционной деятельности», Мельгунов в общей сложности пережил *23 обыска и 5 арестов, 6 месяцев провёл* в подполье, скрываясь от чекистов, и *полтора года просидел в тюрьме.*

В октябре 1922 года Мельгунова с женой выслали из Советской России в Германию. В том же году он переехал в Париж. В эмиграции Мельгунов сразу же включился в жизнь русского зарубежья.

В 1923–1928 гг. совместно с В. А. Мякотиным и Т. И. Полнером издавал историко-литературный журнал

4

9. 03.

«…С этих пор события побежали с такой быстротой, что ни обсуждать, ни даже просто записывать их некогда…

… Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского…»

5

15. 06.

Из письма к А. С. Малышевой:

«*Что сказать о всем происходящем? Пыль поднялась до самого, можно сказать, неба и ничего не разглядишь. До сих пор удержались от общей свалки. Авось, и дальше удастся».*

6

22. 08.

Из письма к М. Ф. Николевой:

«*Чего я жду? Трудно сказать что-нибудь о ближайшем будущем: туманная туча закрывает дали. Как всегда, я верю в жизнь, но думаю, что вблизи времена тяжелые и трудные. Надо их как-нибудь пережить…. И что бы ни наступило, все-таки это уже будет нов е.Той установившейся, прочной гнусности, которая называется теперь старым режимом – уже не будет…»*

***

После перерыва записи продолжаются в октябре.

7

26 октября.

«*Костя Ляхович вернулся сегодня в 9 часов утра. Всю ночь провел в Полтавском совете рабочих и*

Короленко фиксирует в дневнике факты запугивания его, угрозы и анонимные записки и предупреждения об аресте, причем как с одной враждующей стороны, так и с другой. Он достаточно трезво и с долей иронии относился к этим запугиваниям, равно как и к оценке ситуации вокруг него.

***

Литература, посвященная событиям октября 1917 года, довольно обширна, но чаще всего очевидцы описывают события, происходившие в Петрограде и Москве. Естественно, что в советское время дневники Короленко, не публиковались. Тем важней свидетельства, оставленные Владимиром Галактионовичем, который в то время находился в Полтаве. Он сразу и безоговорочно осудил захват власти большевиками.

Вот наиболее интересные записи 1917 года.

1

25. 01.

«*События бегут быстро… продолжается министерская чехарда…»*

2

26. 01.

«*Украина осталась для меня в виде воспоминаний детства и прошлого…(«Лес шумит» и «Судный день»).*

3

3. 03.

«*Приезжали из Пг-да и Харькова, сообщили, что 1 марта в Петрограде – переворот…*

…в Полтаве – ни энтузиазма, ни подъема. Ожидание. Похоже, что это не революция, а попытка переворота»…

«На чужой стороне», с 1926 года название журнала изменилось на «Голос минувшего на чужой стороне».

Как свидетель разыгравшейся на его глазах всероссийской смуты, он посвятил дальнейшую свою жизнь наиболее полному и правдивому воссозданию истории российских революций 1917 года и гражданской войны.

В эмиграции как историк С. П. Мельгунов одним из первых дал научный анализ истории Февральской и Октябрьской революций, а также гражданской войны.

***

За долгие годы эмиграции (с1922 по 1950 год) он написал целую серию исторических и публицистических книг. Мельгунов был одним из первых, кто, обратившись к этим сюжетам как историк-исследователь, постарался разобраться в разноречивом материале и установить фактическую канву событий, отделив правду от легенд. Западная историография приняла выводы Мельгунова – историка.

Среди книг, написанных в эмиграции, наиболее значительными были:

- «Красный террор в России: 1918–1923 гг.». (Берлин. 1923–1924),
- «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности. 1917–1925 гг.)». (Париж, 1929),
- «Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова: критико-библиографический очерк по поводу «Россия на переломе». (Париж, 1929),
- «Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири» (ч. 1–4. Белград, 1930–1931),
- «На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года». (Париж, 1931),

- «Российская контрреволюция. Методы и выводы генерала Головина». (Париж, 1938),
- «Золотой немецкий ключ большевистской революции». (Париж, 1940),

В 1931 году в семи выпусках еженедельника «Борьба за Россию», издаваемого Мельгуновым, публикуется его исследование «Чекистский Олимп», так и не вышедшее отдельной книгой.

***

Он начал бороться словом и в Берлине уже в 1924 году выпустил знаменитую книгу «Красный террор в России», имевшую большой резонанс и неоднократно впоследствии пере издававшуюся.

В книге «Красный террор в России 1918–1923» (Берлин. 1924) Мельгунов показал, что «красный террор» был организован новой властью и преднамеренно направлен против всех слоев населения.

Эта книга была тотчас переведена на несколько европейских языков, а в России она появилась в печати лишь в 1990 году.

***

Во время второй мировой войны, находясь под Парижем, он решительно отверг любую форму сотрудничества с нацистами.

После войны Мельгунов продолжает вести исследовательскую работу. Выходят и пользуются спросом его книги:

- «Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки». (Париж, 1951),
- «Как большевики захватили власть: октябрьский переворот 1917 года». (Париж, 1953),
- «Мартовские дни 1917 года». (Париж, 1956),
- «Легенда о сепаратном мире». (Париж, 1957).

архива В. Г. Короленко началось сразу же после его смерти. (Письма к Луначарскому. Париж, 1922. Современные записки.).

- Очерк «Земли! Земли!» – там же, 1922 – 1923.
- Письма Горькому. Летопись революции. Кн. 1. Пг. – Берлин, – М. 1923.
- Выдержки из дневников (1917 – 1920) появились в 1977 году – В сб. Память. Париж, Вып. 2.
- Книга Короленко в годы революции и гражданской войны. Биографическая хроника. Сост. Негретов П. и Бенсон. США. 1985.

***

Рассмотрим появление в отечественной печати дневников писателя хронологической последовательности. Только в 1990 году в «Вопросах литературы» появилась первая полная публикация дневников писателя за 1917 год, хотя его архив поступил еще в 1938 году от семьи писателя. Но сами дневники, как сообщается во вступительной статье к этой публикации, были переданы в 1952 году. (ОР ГБЛ, ф. 135. р. 1).

Во вступительной статье к этой публикации отмечается, что дневники 1917 года начинаются с 4. 1., но имеют разрыв в датах – с апреля по октябрь. А затем с октября по декабрь.

В отстаивании жизненных интересов многих людей он был неутомим: «я шел говорить о жизни людей» – спасти их от «озверения и жестокостей новой власти».

Короленко писал: «*С давних пор население привыкло обращаться ко мне в случаях тревоги и экстренных событий…*»

В каждой его фразе звучит бесстрашие, спокойствие и непоколебимое внутреннее достоинство. Эти качества проявлялись и в простых реалиях его жизни в те годы.

Вслушаемся в некоторые из них. До чего же они звучат современно, глубоко и проникновенно.

Но если в дневнике за 1917 год содержится больше описательного элемента, то в дневнике за 1918 год его суждения в оценке текущих явлений жизни становятся жестче и непреклонней.

Без сомнения, дневники Короленко представляют собой важные свидетельства о прошлом, значение которых трудно переоценить.

В. Г. Короленко включал в свои дневники:

- Фрагменты писем к нему самых разных корреспондентов, практически из всех социальных слоев общества.
- Газетные статьи и сообщения хроники (фрагменты).
- Собственные рассуждения по тем или иным проблемам.
- Он вносил в дневник, по его собственным словам, так называемые «картинки с натуры», а также фиксировал факты появления его публицистических выступлений.

Стоит обратить внимание даже на названия этих публикаций, которые весьма выразительны и могут служить прекрасным дополнением к творческому портрету Короленко.

Во многом его суждения звучат как своеобразное духовное завещание, направленное к современникам и потомкам.

Во время последней болезни он сказал своим близким: «*Издадите дневники. Думаю, много будет в них любопытного*».

Жена и старшая дочь подготовили 6 томов дневников для ПСС. В 1925 – 1928 годах были изданы т. 1 – 5 (1904–1916), но уже подготовленный к печати т. 6 (1917 – 1921) напечатан не был.

За рубежом освоение послереволюционной части

Одновременно в 1949–54 годы он редактировал в Париже общественно-литературный журнал «Возрождение», который в эмигрантских кругах был достаточно популярен.

26 мая 1956 года Мельгунов, страдая тяжелой формой рака горла, скончался и был похоронен в Шампиньи-сюр-Марн, одном из дальних пригородов Парижа.

В 1961 году посмертно была издана его книга «Мартовские дни 1917 г.». После его смерти увидели свет «Воспоминания и дневники» (ч. 1-2. Париж, 1964), подготовленные к публикации его супругой.

***

Творческое наследие С. П. Мельгунова чрезвычайно велико и до сих пор почти не изучено. Поражает количество работ Мельгунова, особенно если представить, в каких условиях эти работы готовились: активная общественно-политическая и предпринимательская деятельность предреволюционного времени, подполье первых лет советской власти и, наконец, 35-летнее скитание в эмиграции.

Многое из исторического и публицистического наследия Мельгунова и по прошествии полувека по-прежнему остается актуальным. Написанные около ста лет назад, они не утратили своей значимости и в наше время: проблемы свободы совести и равноправия религиозных объединений остаются в России насущными и злободневными.

Современно звучат слова Мельгунова: «*За истекшее прошлое религия насильственно привязывалась к политике, религией пользовались как орудием властвования, а потому полицейская рука так охотно копошилась в тайниках души у русских граждан. К той же цели она по старой традиции всё*

ещё стремится и теперь: казённое тавро благонадёжности должно лежать на каждом вероисповедовании».

Современные библиографы составили список его работ, который включил в себя более 1100 наименований.

Газетные и журнальные статьи, рецензии и обзоры насыщенны у него огромным фактографическим материалом. Он был автором не только монографических исследований, но и автором в коллективных изданиях и сборниках, включая и его участие в редактировании большого числа изданий, публикации ценных исторических источников. Сейчас, когда наблюдается новый всплеск интереса к закрытым страницам прошлого, все острее чувствуется необходимость в серьезном осмыслении жизненного и творческого опыта С. П. Мельгунова.

2

Штрихи к портрету Михаила Андреевича Осоргина (1878 – 1942)

Среди больших русских писателей, чьи книги возвращаются из небытия архивов и спецхранов, имя Михаила Осоргина – одно из самых громких.

Михаил Андреевич Осоргин (Ильин) родился 7. X. 1878 года в Перми. После окончания московского университета в 1902 году началась его адвокатская работа в Москве…

Осоргин Михаил Андреевич в дореволюционных справочных изданиях представлен как «*адвокат и литературный критик»*.

Его отец – потомственный дворянин, образованный и либерально мыслящий деятель, был участником судебной реформы.

отношения Короленко к разным властям в период гражданской войны отражена в его дневниках и письмах…. Владимир Галактионович вел дневники с 1881 по 1921 год. Дневники Короленко сохранили многие черты русской общественной летописи за несколько десятков лет.

В. Г. Короленко служил, да и продолжает служить *нравственным ориентиром* не только для своих современников, но и для нас – его потомков.

Читая его дневники, мы как бы приобщаемся к апокалиптическим событиям первой половины XX столетия, и это приобщение весьма поучительно.

В. Г. Короленко был не только участником и свидетелем революции и гражданской войны, но и воином в отстаивании незыблемых основ свободы любой человеческой личности.

Основным рефреном многих его записей является, пожалуй, одна фраза – «*глубоко возмущен насилием…»*

Да, безусловно, он был борцом, но его оружием было слово, бесстрашное и беспощадно правдивое.

Короленко в своих записях тех лет предстает отнюдь не бесстрастным летописцем переживаемых событий…. В его дневниках отражена и широкая палитра общественной жизни, и какие-то частные случаи и события, и даже фрагменты писем в его адрес (ведь для многих современников он был непререкаемым авторитетом и совестью нации). Звучат их голоса, звучит ушедшее время, как бы на миг повернутое вспять.

Сам Короленко в своих дневниковых записях раскрывается удивительно полно и с разных сторон. В нем проявляются и свойства психолога, и черты социолога, и мудреца, наделенного острым умом. Его выводы и прозрения чаще всего облечены в предельно лаконичную и выразительную форму. Отдельные мысли звучат почти как афоризмы.

(30. 04).

В июле 1903года российской общественностью широко отмечался 50летний юбилей писателя. В свой день рождения он совершил пешеходную экскурсию по деревням и монастырям саратовской губернии и был на торжестве в Сарове.

14 ноября 1903 года в Петербурге состоялось торжественное юбилейное заседание.

Он записал в дневнике: «*Я подчинился, понимая хорошо, что дело тут не в точной оценке моей личной деятельности, а в том, что русское общество выражает свои симпатии русскому слову и литературе…. Мысль переходит в слово. Слово же ищет также и своего выражения, которое называется делом. Мысль, слово и дело – это три ступени, по которым двигается история.*

***

В посмертное собрание сочинений включены дневниковые записи только до 1903 года. Страницы, охватывающие период от 1904 года до последних лет жизни писателя, до сих пор лежат в фонде В. Короленко в отделе рукописей бывшей государственной библиотеки им. В. И. Ленина и выдаются исследователям, увы, по-прежнему по особому разрешению.

***

Только начиная с 1990 года, стало достоянием слово Владимира Галактионовича, запечатленное в разных документах последнего периода его жизни и творчества, совпавшего с революцией и гражданской войной. Это, прежде всего, его дневники и частично эпистолярное наследие. В этих документах звучит голос ушедшего времени. Долгое время публицистика Короленко печаталась очень избирательно. Картина

Превыше всего Михаил Осоргин ставил право личности на вольный полет мысли, не скованной предрассудками.

Учился на юридическом ф-те московского ун-та. У него было миросозерцание настоящего демократа**.** Пол жизни он провел на перекрестках Европы

М. Осоргин занимался адвокатурой совместно с К. А. Ковальским, А. С. Буткевичем и другими. Основал в Москве издательство «Жизнь и правда», выпускавшее лубочную литературу.

В 1903 писатель женился на дочери известного народовольца А. К. Маликова.

Позже Осоргин создаст мемуарный очерк «Встречи. А. К. Маликов и В. Г. Короленко», который будет напечатан уже в эмиграции в 1933 году. К сожалению, разыскать этот текст пока не удалось.

В 1904 вышли брошюры Осоргина о Японии и «Русские военачальники на Дальнем Востоке» (биографии Е. И. Алексеева, А. Н. Куропаткина, С. О. Макарова и др.).

В декабре 1905 года во время московского вооруженного восстания был по ошибке арестован, из-за совпадения фамилий с одним из руководителей боевых дружин и едва не казнен, но затем приговорен к ссылке. В мае 1906 был временно освобожден под залог.

Пребывание в Таганской тюрьме отразилось в его очерках – «Картинках тюремной жизни». Последовал спешный отъезд Осоргина заграницу.

О своей революционной деятельности Осоргин позже рассказал скромно: *«был незначащей пешкой, рядовым взволнованным интеллигентом, больше зрителем, чем участником* в книге «Свидетель истории». (Париж, 1932. С. 231).

В 1906 году Осоргин пишет о том, что «*трудно отличить революционера от хулигана»***.**

С 1907 года он попадает в Италию, откуда посылает в русскую прессу корреспонденции, рассказы, стихи и

детские сказки, часть которых вошла в книгу «Сказки и несказки» (1918).

С 1908 года постоянно сотрудничает в журнале «Вестник Европы», где опубликовал рассказы «Эмигрант» (1910), «Моя дочь»(1911), «Призраки» (1913) и др.

***

Подписываться псевдонимом писатель начал с 1907 года. Осоргин – это писательский псевдоним (такой была фамилия его бабушки по отцу).

До революции он, как и Короленко, был многолетним корреспондентом либеральной газеты «Русские ведомости».

В 1911 году М. Осоргин публично заявил о своем внутреннем отходе от общего партийного течения и стал уклоняться от всякой политической деятельности. Чувство коллективности с ее строгой иерархией его угнетала. По наивности Осоргин считал, что за убеждения наказывать нельзя. Он поселился в Италии.

В книге «Очерки современной Италии» он не удержался от иронии, говоря о любви русских «водить кампанию» при полном неумении «организовываться на началах терпимости». Книга об Италии писалась им для специальной серии «История нашего времени», которую издавали знаменитые издатели энциклопедического словаря – братья Гранат.

Изучив в совершенстве итальянский язык, Осоргин пристально следил за новостями итальянской культуры.

Он написал ряд статей о творчестве поэта Г. Д′Аннунцио и о «разрушителях культуры» – итальянских футуристах в литературе и живописи.

Осоргин стал крупнейшим специалистом по искусству Италии и одним из самых видных русских журналистов, выработал специфический жанр беллетризованного

«Мне кажется, что я за это время потерял несколько лет жизни…» Обозначилась, по его собственным словам, «*резкая грань в жизни».*

22 апреля 1897 Короленко выехал заграницу на лечение. Нездоровье объясняет отсутствие дневниковых записей за этот период, и только с 1898 года дневниковые записи возобновились.

***

В его ранних дневниках часто встречаются выписки из книг, но со временем количество выписок сокращается и даже несколько изменяется их характер.

***

В 1928 году вышел четвертый том дневников писателя, в который были включены записи с 1898 по 1903 год. Во вступлении «От редакционной комиссии» отмечалось: «Настоящий том включает записи с X.1898 по 1903 год включительно. Вошло 5 тетрадей! В 1900 году дневник не велся. В 1902 году – только первая половина года. В 1903 году – июнь».

Этот дневник подобен «зеркалу», в котором отразились настроения в России перед первой революцией. В нем встречаются слова о «самодержавной беспомощности» и усилении сыска.

Дневник включает также записи о 2-х демонстрациях – в 1901 году в Харькове (19. 02) и в Петербурге (4. 03). Он пишет о вспышке аграрных волнений в Полтаве и харьковской губернии, о массовых арестах и еврейских погромах. Короленко скрупулезно отмечает основной ход происходивших событий. Он показывает зарождение симптомов будущей революции.

В этом томе частично отразились и житейские события его семьи. В 1900 семья переехала в Полтаву. В 1903 году умерла мать, которая долго и тяжело болела

характера (осенью 1893 года умерла его дочь). У писателя вновь появилась потребность осмыслить вечную проблему жизни и смерти.

***

30. 05. 1893 года он записал:

«*...все мы, довольные и счастливые, роковым образом коллективно виновны перед всеми несчастными... рядом плачут на ветру и в темноте неповинные дети... не этому ли поколению, теперь ещё дремлющему в своем детском неведении, придется вынести всю тяжесть вопросов, которые мы мнили разрешить еще так недавно...*

...странное щемящее предчувствие будущего, не скажу, чтоб угнетающее или пугающее, но торжественное и значительное, с примесью грусти...

Хочется верить, что их жизнь будет продолжением лучших ожиданий нашей, хотя так часто теперь история отцов и детей повторяется навыворот».

Этот отрывок из дневника был помещен в харьковском издании «О голоде», посвященном памяти Короленко и изданном в 1922 году. Ранее он не публиковался.

***

В 1927 году был напечатан третий том, в который вошел дневник писателя с 1895 по 1898 год. В него вошли записи о мултанском деле. В. Г. Короленко выступил с докладом в антропологическом обществе в качестве защитника.

В 1896 году не было в его жизни ни досуга, ни надлежащего спокойствия.

Когда процесс был выигран, пришла телеграмма о смерти дочери, после чего у Владимира Галактионовича началось тяжелое и мучительное нервное заболевание.

13 октября 1896 года он записал в дневнике:

эссе, с конца 1910-х годов нередко пронизанного характерной для манеры писателя лирической иронией.

В июле 1916 года полулегально Осоргин вернулся в Россию.

В августе того же года в «Русских ведомостях» была опубликована его статья «Дым отечества», которая вызвала гнев «псевдо-патриотов».

Продолжая работать разъездным корреспондентом, выступил с циклами очерков «По Родине» (1916) и «По тихому фронту» (1917).

***

Февральскую революцию принял сначала восторженно. М. А. Осоргин был опьянен сознанием наступивших общественных свобод.

Весной 1917 выпустил брошюры:

- Борцы за свободу (1917, о народовольцах),
- «Про нынешнюю войну и про вечный мир» (2-е изд., 1917), в которой ратовал за войну до победного конца,
- Охранное отделение и его секреты (1917).

***

Михаил Осоргин всегда опирался исключительно на собственный жизненный опыт и высоко ценил роскошь внутренней свободы.

В том же году в Москве он напечатал книгу «Призраки. Три повести». Она вышла в издательстве «Задруга». Он активно сотрудничал с этим книгоиздательством, деятельность которого была ему очень созвучна.

***

Но вскоре пришел Октябрь1917. Большевизм принес с собой организованное насилие над личностью.

Перед идеологическими твердынями Осоргин не преклонял головы и полагал свою внутреннюю свободу

гораздо важней самого существования.

После Октябрьской революции Осоргин активно выступал против большевиков в оппозиционных газетах и призывал к всеобщей политической забастовке.

В статье «День скорби» предсказал разгон большевиками Учредительного собрания. Укрепление большевистской власти побудило Осоргина призвать интеллигенцию заняться созидательным трудом, сам он стал одним из организаторов и первым председателем Союза журналистов, вице-председателем Московского отделения Всероссийского союза писателей (совместно с М. О. Гершензоном подготовил устав союза), а также создателем знаменитой Книжной лавки писателей, ставшей одним из важных центров общения литераторов и читателей и своеобразным автографическим («рукописным») издательством.

Принимал активное участие в работе московского кружка «Студия Итальяна».

В 1919 был арестован, но вскоре освобожден по ходатайству Союза писателей и лично поэта Ю. К. Балтрушайтиса.

***

В 1921 году Михаил Осоргин, как и многие другие известные деятели общественной культуры и литературы, принимал участие в работе Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Всероссийский комитета помощи голодающим «Помгол»), был редактором издаваемого ею бюллетеня «Помощь».

В августе 1921 года вместе с некоторыми членами комиссии вновь был арестован.

От смертной казни их спасло вмешательство Ф. Нансена.

Зиму 1921–1922 года провел в ссылке в Казани, где редактировал «Литературную газету», но вскоре вернулся в Москву.

На страницах дневника встречаются размышления Короленко на религиозные и философские темы. Помимо этого, встречаются отрывочные записи о монастырях и монашеской иерархии. Несколько этих фраз из дневника потом войдет в его рассказ «Птицы небесные».

Отдельный, особый раздел представляет раздел «Мои дети», в котором содержатся меткие наблюдения над развитием детей. Встречаются и размышления автора над важными жизненными проблемами.

***

Самая ранняя запись датирована 27 августа 1881 года. Ежедневные записи велись им с 1881 по 1884 год.

В мае 1879 году В. Г. Короленко вместе с братом Илларионом был арестован. Затем последовала их высылка в Глазов Вятской губернии.

Короленко органически не мог замыкаться только в своем внутреннем мире, и потому так интересен его ранний дневник, проникнутый активностью, движением, борьбой и дающий обильный фактический материал каждому, особенно историку русской общественной мысли России.

Короленко как художник и писатель-психолог выступал в своих записях, прежде всего, как документалист…

***

Дневник 1893 – 1895 годов составляет второй том, который вышел в 1926 году, напечатанный в Полтаве в издательстве «Більшовик Полтавщини».

Отличительной особенностью второго тома являются путевые впечатления от его поездки в Америку в 1893 году на 3 месяца.

Часть этих записей была напечатана еще при жизни, а часть впервые появилась в полном посмертном собрании его сочинений (т. 17 и 18).

Настоящий дневник содержал элементы чисто личного

Глава 5

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

(По страницам дневников и писем В. Г. Короленко)

О первых изданиях дневников Короленко.

В ОРИР сохраняется экземпляр первого тома полного посмертного собрания сочинений писателя, который был напечатан в 1925 году в Харькове Государственным издательством Украины. Книга вышла тиражом в 3000 экземпляров и быстро превратилась в библиографическую редкость. Редакционная комиссия сообщала, что том печатается по решению Совета народных комиссаров. В него вошли дневниковые записи писателя с 1881 по 1893 год.

По мнению редакционной комиссии, в этих дневниковых записях «*отливаются все живые документы человеческой личности».* Дневник Короленко отражает также его литературные интересы и фиксирует какие-то вопросы художественного творчества, которые занимали его в то или иное время.

В дневнике писателя нашли отражение многие вопросы, касающиеся внутренней жизни человека и не только:

- Хроника личной жизни.
- Внутренняя работа духа.
- Жизнь других людей, его современников.
- Окружающий мир.
- История внутреннего роста автора.
- Динамика сильного творческого духа.
- Динамика общественного сознания.
- Черты русской общественной летописи.

***

Он продолжал деятельно заниматься и литературной работой, публиковал сказки для детей, рассказы. По просьбе Е. Б. Вахтангова, перевел пьесу К. Гоцци «Принцесса Турандот», которая была отдельно издана в 1923 году, переводил он также и пьесы Карла Гольдони.

Осенью 1922 с группой оппозиционно настроенных представителей отечественной интеллигенции был выслан из страны.

***

В 2006 году в альманахе «Континент» была напечатана статья Виктора Полянского, из которой стали известны подробности одного из арестов Осоргина и его поведения на допросе.

Так, В. Полянский приводит текст диалога: «Осоргин, которого не покидало приподнятое настроение «веселых дней», обозлил следователя при первой же встрече.

– *«Мы все уже знаем. Лучше признавайтесь сразу. Ваше дело безнадежно»*, – зловеще произнес следователь трафаретный набор фраз, заимствованный из дешевых романов о сыщиках и ворах.

– *«Это ваше дело безнадежно*, – мгновенно отпарировал Осоргин. – *Вам надо создать процесс, а материала у вас нет»*…»

Речь шла об аресте в связи с деятельностью Комитета помощи голодающим.

И затем Полянский пишет: «*Люди мы логически мыслящие,* – писал Осоргин через три года, – *ясно понимали затруднительное положение правительства. Обвинить нас, конечно, не в чем; единственное, в чем виноваты, – хотели сделать то, чего правители сами сделать не могут: помочь голодающим. Нам все верят, и деньги дают, и помогать идут; им же никто не верит, уж очень народ сомнительный. Ладно. Но с государственной точки зрения такое положение*

невыносимо, нельзя же в такой острый момент признать свою несостоятельность и нашу популярность. И совершенно правильно решили нас убрать. Но как убрать? Вся Россия интересуется, и вся Россия знает имена комитетчиков. За что их убрали? Значит ясно: нужно обвинить в заговоре политическом. Выдумать заговор всегда легко. А, начав дело – нужно уж до конца довести, иначе получится недостойная комедия, и перед заграницей неудобно. Хоть не всех, а кое-кого расстрелять необходимо. Простая государственная логика! Слюнявость в государственных делах неуместна».

В архивном деле этого процесса сохранилась официальная характеристика на Михаила Осоргина. Текст ее примечателен и показателен:

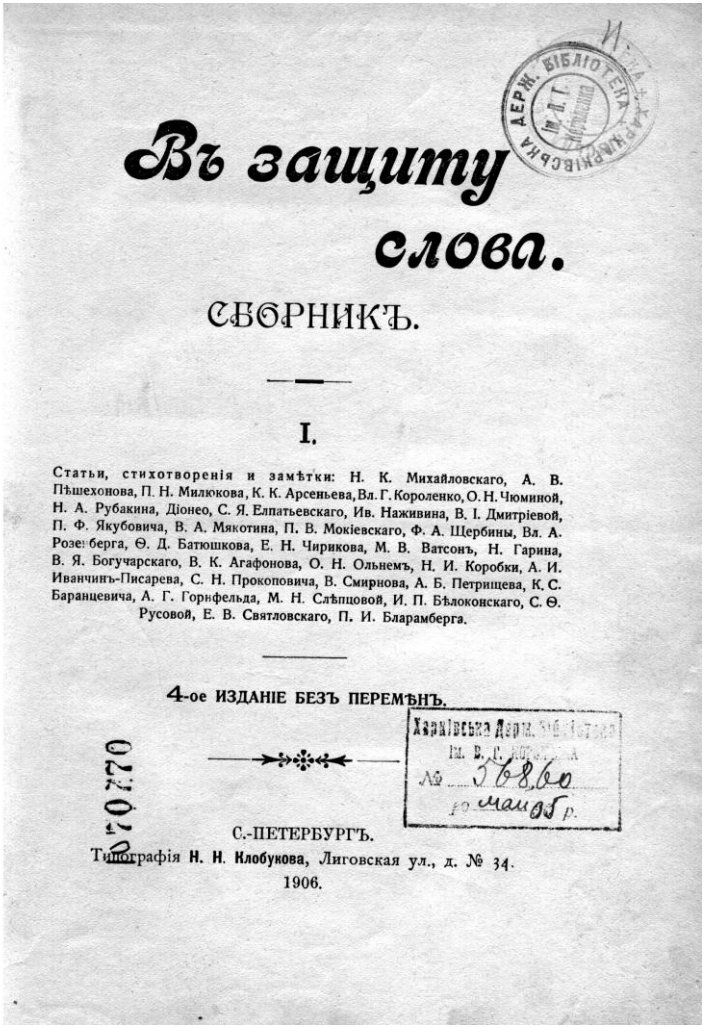
«*Осоргин Михаил Андреевич. Правый кадет, несомненно, антисоветского направления. Сотрудник «Русских ведомостей». Редактор газеты «Прокукиша». Его книги издаются в Латвии и Эстонии. Есть основание думать, что поддерживает связь с заграницей. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку*».

Изгнанный в 1922 году из России вместе с группой видных представителей интеллигенции, М. Осоргин жил и умер за рубежом, долгие годы оставаясь неизвестным российскому читателю.

Тоскуя по Родине, до 1937 года он сохранял советский паспорт. Жил в Берлине, выступал с лекциями в Италии, с 1923 – во Франции.

Незадолго до войны Осоргин начал работу над мемуарами (Детство и Юность изданы в 1938 году, и книгу «Времена», которая будет напечатана лишь посмертно в 1955 году).

Его книга «Времена» (Париж. 1955) представляла собой не автобиографическую прозу, а скорее – портрет эпохи со всеми ее противоречиями. На широком историческом



Въ защиту слова.

СБОРНИКЪ.

I.

Статьи, стихотворенія и замѣтки: Н. К. Михайловскаго, А. В. Пѣшехонова, П. Н. Милюкова, К. К. Арсеньева, Вл. Г. Короленко, О. Н. Чюминой, Н. А. Рубакина, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, Ив. Наживина, В. І. Дмитріевой, П. Ф. Якубовича, В. А. Мякотина, П. В. Мокіевскаго, Ф. А. Щербины, Вл. А. Розенберга, Ѳ. Д. Батюшкова, Е. Н. Чирикова, М. В. Ватсонъ, Н. Гарина, В. Я. Богучарскаго, В. К. Агафонова, О. Н. Ольнемъ, Н. И. Коробки, А. И. Иванчинъ-Писарева, С. Н. Прокоповича, В. Смирнова, А. Б. Петрищева, К. С. Баранцевича, А. Г. Горнфельда, М. Н. Слѣпцовой, И. П. Бѣлоконскаго, С. Ѳ. Русовой, Е. В. Святловскаго, П. И. Бларамберга.

4-ое ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Иллюстрации к главе 4

фоне разворачивалась хроника духовного взросления юного провинциала, пережившего эпоху революционного хаоса. Так воспринимать свою прожитую жизнь мог лишь тот, кому нечего было стыдиться.

Осоргин не был сухим документалистом. Он мастерски владел словом, передавая тончайшие движения души.

В 1940 писатель перебрался из Парижа на юг Франции. В 1940 – 1942 годах публиковал в «Новом русском слове» (Нью-Йорк) корреспонденции «Письма из Франции».

Пессимизм, осознание бессмысленности не только физического, но и духовного противостояния злу отражены в книгах «В тихом местечке Франции» (изд. в 1946) и «Письма о незначительном» (изд. в 1952). Умер Осоргин в Шабри (Франция) 27 ноября 1942 года.

Это был яркий и самобытный представитель русского зарубежья. Лучшие страницы его литературного творчества посвящены неповторимому уральскому отечеству. Самым значительным произведением считается его роман «Сивцев Вражек» (1932). Роман «Сивцев Вражек» имел успех необычайный. Автор давал читателю шанс непредвзятого взгляда на изменившийся лик России после событий февраля и октября 1917 года. Осоргин старался объективно раскрыть трагедию Октября, изначально ориентированного на идеи принуждения и единомыслия.

М. Осоргину была очевидна абсурдность такого положения, когда слепая и темная сила не желая подумать о результатах своих разрушительных действий, подталкиваемая идеологическими поводырями, ломала сложившиеся веками общечеловеческие нравственные устои. Роман был пронизан почти физической болью за мелкую людскую суету и взаимную вражду.

Спустя три года он издал «Книгу о концах», в которой было осмысление судьбы России (1935). В этом произведении он пытался разобраться в происшедшем, показать трагическую противоречивость жизни людей, с которыми его свела судьба в годы первой русской революции.

В книге «Свидетель истории» он рассказывал о полной риска и лишений деятельности боевиков-максималистов в период первой русской революции.

Вот когда автору пригодился обширный запас жизненных наблюдений. Ему мастерски удалось осветить эту непривычную для отечественной литературы тему.

В его очерках таилась созидательная сила ностальгии. Всю жизнь он прожил подлинным скитальцем…

***

Обладая отменным литературным вкусом, Осоргин успешно выступал и как литературный критик. Примечателен цикл его романов на автобиографическом материале «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935) и «Вольный каменщик» (1937).

В первых двух дано художественное осмысление революционных умонастроений и событий в России начала века, не лишенное черт авантюрно-приключенческого повествования и приводящее к мысли о тупиковости жертвенно-идеалистического пути максималистов.

Писатель Борис Зайцев назвал Осоргина *человеком «мягкой и тонкой души».*

3

О других авторах и соредакторах этой серии, к сожалению, удалось найти крайне мало.

детский возраст. За этими пределами должен господствовать один общий для всех закон, ***закон человеческой взаимности****. Полагаю, что это бесспорно. Когда-нибудь борьба стихнет на почве тех или других новых отношений. В отношении детей она не должна существовать уже и ныне*» (выделено Короленко – С.Ш.).

19 мая 1920 года Горький получил письмо от Короленко, в котором была просьба не допустить закрытия еврейской религиозной школы в местечке Любавичи.

Короленко писал: «*Я мало знаю особенности этой школы. Себя далеко не могу считать человеком религиозным. Но у меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры, которое возмущается слишком простым решением таких вопросов посредством простого насилия».*

Эти признания раскрывают высоко нравственную личность В. Г. Короленко в самом ее природном естестве. Наблюдая за разгулом бесовских сил, воплощенных в антирелигиозной чудовищной кампании, начавшейся после 1917 года, Короленко не мог остаться в стороне в роли стороннего наблюдателя.

27 мая 1921 года, всего за несколько месяцев до кончины, он продиктовал старшей дочери: «*Я считаю, что дело религии еще не покончено…. Когда самый атом уходит в бесконечность, открывает в свою очередь такую же бесконечность для пытливого человеческого ума, и мироздание опять превращается в тайну. Это, конечно, далеко не та мистическая религия, допускающая чудеса и волхования, но все-таки это опять… бесконечность…»*

Отношение Владимира Галактионовича к духовным исканиям человека всегда оставалось уважительным и глубоким, о чем свидетельствует едва ли не каждая его публицистическая работа.

произведения «Судный день», «Дом № 13», «Сказание о Флоре» поражают тонкостью, задушевностью и человечностью.

В позиции писателя не было слащавости. Он руководствовался чувством «конкретной справедливости».Этот же вопрос он освящал не только в своих художественных произведениях, но и в публицистических выступлениях.

***

Его голос часто был грозен и всегда правдив. Он вполне осознавал, что проблема антисемитизма чрезвычайно глубока и продолжает сохранять свою актуальность даже после свершившейся революции.

В. Г. Короленко неизменно отстаивал права тех, кто был притесняем в России.

В июне 1918 года он писал А. Кремневу: *«Когда мне случалось выступать на защиту евреев, упреков раздавалось еще больше. Когда же в 1905 году, а позже в 1911 году я нарисовал картину усмирения сорочинских мужиков и полицейских истязаний над мужиками саратовской губернии, то даже и тогда у меня спрашивали, считаю ли я эти случаи более важными, чем многое другое, о чем я не писал.*

Если вскрыть общую мысль этих упреков, то выйдет, что писатель, слова которого привлекают общественное внимание, вправе говорить ***лишь о самом важном в данное время****. На это я отвечал и отвечаю, что считаю себя вправе писать правду, не справляясь, – самая ли важная она в данную минуту, лишь бы была правда»* (выделено Короленко – С.Ш.).

1 января 1919 года Короленко направил председателю Директории Украинской республики В. К. Винниченко письмо. Вот небольшой его фрагмент: *«Вражда и раздоры, разделявшие народности бывшей России, должны стихать у предела, где начинается*

***

Из протоколов следственного дела по процессу «Тактический центр»:

«*Озерецковский Вениамин Сергеевич (1888–?) – литератор, член правления издательства «Задруга». Член народно-социалистической партии. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Член Юридического общества. По постановлению Коллегии ГПУ от 8 сентября 1922 г. выслан заграницу».*

По другим источникам: «*Озерецковский Вениамин Сергеевич. Член товарищества «Задруга». Бывший сенатор. Юрист. Раньше был эсером. Близок с Мельгуновым и Мякотиным. Вреден».*

Тихон Иванович Полнер (1864 – 1935)

Т. И. Полнер был, прежде всего известен как специалист по гражданскому праву. Ему принадлежат слова: «*земские ходатайства не были зеркальным отражением общественных стремлений, т.к. ограничивались рамками местных польз и нужд».*

Он также разрабатывал проекты «Правовых основ финансирования земских органов самоуправления в начале XX века». Т. И. Полнер всю жизнь оставался преданным другом и С. Мельгунова, и М. Осоргина.

В библиографии, посвященной С. П. Мельгунову, указано издание, в котором он принимал участие вместе с Т. Полнером. Это сборник под названием «Война и мир: Памяти Л. Н. Толстого». Под ред. Т. И. Полнера. (М. «Задруга». 1912).

Обращает на себя внимание, что это издание также печатало книгоиздательство «Задруга».

Все это доказывает, что к 1917 году в этом издательстве уже сформировалась определенная группа авторов-единомышленников и всех их объединяла яркая личность С. П. Мельгунова.

***

Оказывается, Л. Н. Толстому была посвящена и другая его книга. Так, в 2000 году в Москве издательством «Наш дом» была издана книга Полнера Т. И. «Лев Толстой и его жена. История одной любви». В аннотации книги читаем: «*Собрание сочинений, дневников и писем Льва Толстого составляет добрую сотню объемистых томов, а литература о его жизни и творчестве и вовсе представляется безбрежной. На этом фоне книга Тихона Полнера выделяется своей взвешенностью, автор не навязывает читателю своих мнений, не делает никаких выводов, но ему удалось очень плотно и ясно показать путь духовного развития, религиозные и душевные метания великого писателя, неразрывно переплетенные с обстоятельствами его земного существования после того, как им были созданы гениальные произведения русской и мировой литературы. Сквозь ровную и неяркую словесную ткань этой книги читатель удивительным образом ощущает колоссальную духовную энергию, которой был наделен Лев Толстой, сопоставимую разве что с цепной реакцией в ядерных материалах и приводящую к огромным разрушениям, когда она становится неуправляемой*».

***

Предисловие было написано самим автором еще в 1928 году. В нем он писал: «*Творения Толстого теснейшим образом связаны с его интимной жизнью. Это утверждение относится не только к беллетристике. Оно всецело подтверждается*

памяти В. Г. Короленко».

***

В приведенном в сборнике «Щит» отрывке из письма Короленко к Вл. Соловьеву читатель имел возможность познакомиться с четкой позицией и взглядами писателя на эту проблему.

Короленко признавался: «*Я всегда смотрел с отвращением на безобразную травлю еврейства в печати, травлю, идущую о бок с возрастанием всякой пошлости и с забвением лучших начал литературы...» Он доверительно писал: «... и дед, и отец мой всю жизнь служили в Юго-Западном крае, где и я вырос и получил образование (это была «черта оседлости – С. Ш.). Таким образом, мне может быть лучше, чем многим другим понятны чувства, питаемые темной массой народа к евреям».*

Он хорошо знал «историю страданий и угнетений» в среде обитания простых людей. И видел «единственно верное решение всех самых сложных общественных вопросов – решение справедливое».

Он писал Владимиру Соловьёву: «*Ни один человек не должен отвечать за то, что он родился от тех, а не других родителей. Никто не должен нести наказание за свою веру, потому что верность религии, пока человек не убеждён в ее ошибочности, есть достоинство, а не порок. Это – аксиомы, которые должны лежать в основе решений еврейского вопроса…*»

***

Так называемый «еврейский вопрос» служил своеобразным оселком, на котором оттачивалась русская публицистика в преддверии 1917 года.

Короленко вырос в черте еврейской оседлости и наблюдал разные картины жизни на Волыни. Его

1905 году.

В совокупности с другими материалами этот документ представляется более значительным и естественно дополняет текст рассказа «Мнение мистера Джаксона о еврейском вопросе».

В рассказе воспроизводится диалог американца с его русскими попутчиками о национальных притеснениях, в том числе и евреев. Характерно приведенное автором мнение Джаксона: *«Я не люблю этого народа. Это верно, но из этого не следует, что я требую ограничения их прав...»*

И затем он продолжает: *«Как американец, я чувствовал бы себя оскорбленным, если бы были неполноправные граждане в моем отечестве...»* Короленко заключает: *«В эту минуту его устами говорил опыт и мудрость великого народа, у которого есть уже твердо выработанные аксиомы».*

Заканчивается рассказ мудрым выводом: «*Любовь капризна. Она, как благодать, веет, веет, где хощет, а* ***с п р а в е д л и в о с т ь о б я з а т е л ь н а,*** *как воздух».*

***

Это произведение Короленко написал в 1904 году, но лишь десятилетие спустя ему удалось его напечатать.

Позже Н. Брюллова-Шаскольская в сборнике, посвященном писателю, уже в 1922 году напишет:

- *«...в «Щите», в этой доброй и слабой памятке литературного протеста, В. Г. был «единственным»... статья В. Г. «Мнение мистера Джаксона о еврейском вопросе» стоит совсем особо.*
- *… рыцарем справедливости, рыцарем без страха и упрека, борцом словом и делом, таким» единственным» и, может быть, последним, которому мы могли верить до конца, останется в нашей вечной*

внимательным рассмотрением философских, религиозных и политических работ великого автора. Говорят: наслаждайтесь произведениями искусства и оставьте в покое личность автора. Даже и это не верно. Часто биографические изыскания углубляют понимание произведений искусства... И все-таки в мою задачу вовсе не входят ни реабилитация памяти гр. Софьи Андреевны, ни установление виновных в трагедии жизни Толстого. Я сознательно не углубляюсь во многие опубликованные подробности. Деликатной темы супружеских отношений я касаюсь лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания творений Толстого и в особенности – эволюции идей его проповеди. При этом я стараюсь быть беспристрастным».

***

Первое русское издание книги вышло еще в Париже и базировалось не только на печатных источниках, но и на неизданных дневниках Толстого и рукописных воспоминаниях о нем. В одной из рецензий на это издание отмечалось, что «*автору... удалось очень плотно и ясно показать путь духовного развития, религиозные и душевные метания великого писателя, неразрывно переплетенные с обстоятельствами его земного существования».*

***

В 2001 году в Москве в издательстве «Русский путь» вышла историческая монография Т. И. Полнера: «Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова [Текст]: личность, взгляды, условия деятельности. [Вступ. ст.: Ю. А. Трубников]». – (М.: Русский путь, 2001. – [3], 455, [4] с.: портр; 22. – Библиогр. в подстроч. прим.».

Книга вышла тиражом 2000 экз. В аннотации к этому изданию читаем: «*В книге автор, долголетний*

сотрудник и друг князя пишет о многообразной деятельности Г. Е. Львова по улучшению условий жизни крестьян, о его неутомимой заботе о раненых во время Русско-японской войны, о политической карьере человека, по сути своей далекого от политики, но необыкновенно близко к сердцу принимавшего судьбу народа».

Так стали известны новые подробности биографии Т. И. Полнера.

***

Не менее интересные сведения принесло сообщение о том, что в Петербурге обнаружено издание, предшествовавшее появлению современного: Полнер Т. И. Жизненный путь Князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности**.** (На правах рукописи. Париж**.** Издание друзей**.** 1932 г. 312 с., 2 л. Фото)**.**

В характеристике его сообщается следующее: «Полнер Тихон Иванович (1864–1935) – журналист, историк, издатель, с 1919 в эмиграции в Париже, в 1920 основал и возглавил издательство «Русская земля», соредактор журналов «Голос минувшего на чужой стороне» (1926–1928), «Борьба за Россию» (1926–1931)**.** Член Комитета помощи русским писателям и учёным.

Редкая книга о князе Львове Полнера, бывшего его секретарем».

На сохранившемся уникальном экземпляре на авантитуле сделана надпись чернилами: «экземпляр графа Константина Александровича Бенкендорфа. Г. Париж. 12-го августа 1932 г.».

***

Так возвращаются в Россию труды ученых, позорно высланных из страны советским правительством в 1922 году.

традиции, заложенные изданием более раннего сборника под названием «Помощь», да и круг авторов во многом повторял прежнее издание.

Однако новые имена также были представлены на страницах этого сборника. Назовем самые яркие имена и их работы:

- Академик Бехтерев – «Мне отмщение и Аз воздам» и «Из мрака к свету»;
- Сергей Булгаков – «Сион»;
- Кн. Павел Долгоруков – «Война и положение евреев»;
- А. Калмыкова. – «Еврейский вопрос в жизни русских детей и юношества»;
- Максим Ковалевский. – «Равноправие евреев и его враги»;
- Ф. Кокошкин. – «Корни антисемитизма»;
- Статья А. Пошехонова «Без вины виноватые».
- Стихотворения Валерия Брюсова, Ивана Бунина, Зинаиды Гиппиус, Вячеслава Иванова.

Третье издание было почти на пятьдесят страниц больше, чем первое. В него вошла также давняя работа Владимира Соловьёва «О национализме» (текст его речи на одном университетском обеде), а также письмо Льва Толстого к Ф. Б. Гецу. Вошли в новое издание и стихи Щепкиной-Куперник «И мне хочется плакать».

***

Один из экземпляров сборника бережно сохраняется в фонде библиотеки в коллекции редких альманахов и сборников первых десятилетий XX века.

Если в первом издании В. Г. Короленко напечатал лишь «Мщение мистера Джаксона», то в третьем издании этого сборника он опубликовал свое письмо к Владимиру Соловьеву, касающееся непосредственно «еврейского вопроса». Впервые текст этого письма был напечатан в газете «Новости» еще в

- Нужно, чтобы *новое* отношение к миру было добром по отношению к старому.
- Хорошая, здоровая и добрая душа отражает мир хорошим и здоровым образом.
- Художники запечатлевают это свое отражение и сообщают его другим.
- …и вот воспринимающая душа человечества – меняется сама…
- Я ищу в произведении искреннего, глубокого, нового, оригинального чувства или строя чувств, новой глубокой оригинальной мысли или цепи мыслей…»

Эти выношенные мысли писателя на назначение литературы и искусства стали для него в последующие годы собственного творчества определяющими.

***

В последующее десятилетие – с 1911 по 1917 год – В. Г. Короленко в альманахах и сборниках почти не участвовал.

Согласно библиографическому указателю «Литературно-художественные альманахи и сборники (1912 – 1917) гг.» (т. 2. М. 1958), выявлено всего несколько публикаций Короленко.

10

В 1915 году в Москве под редакцией Леонида Андреева, М. Горького и Федора Сологуба был издан литературный сборник под названием «Щит» (тираж 5000 экз.). Сборник быстро исчез с книжных прилавков и был переиздан еще дважды в 1916 году, причем с заметно расширенной тематикой и кругом авторов.

Непосредственное участие в издании принимало «Русское Общество для изучения еврейское жизни». Тираж третьего издания был уже 6000 экз.

Сборник «Щит» в какой-то мере продолжил

О Н.И. Тимковском

Он принадлежал к старинному украинскому дворянскому роду, который вел свое начало от казака Переяславского полка Тимка (Тимофея) Антоновича, вышедшего из заднепровской Украины.

Н. И.Тимковский был известен, прежде всего как драматург и мемуарист. Установлено, что пьеса Н. И. Тимковского «Дело жизни» была поставлена в Московском Малом театре еще в 1903 году. В этой пьесе бесстыдному хищничеству дворянства и буржуазии противопоставляется благородная деятельность землевладельца Черемисова и земского врача Корягина, охваченных народническими идеями и стремяшихся облегчить жизнь крестьян путем земских и благотворительных мероприятий.

В 1906 году в журнале «Новое слово» Н. И. Тимковский писал о реакционерах, называвших себя «патриотами». Его публикация раскрывает частично и его собственное мировоззрение. В частности там есть и такие строки: «*Они кричат, что любят русский народ, – зачем же они бьют его, истязуют, разоряют, преследуют его угрозами, карами и делают из его жизни каторгу? Разве так поступают любящие люди? И какую же Россию они любят*? *Ту ли, которая работает до кровавого пота на родных полях, добывая для России хлеб, на фабриках, заводах, рудниках, в бесчисленных мастерских, или ту Россию, которая сидит в канцеляриях, издает циркуляры, катается в каретах, ворочает миллионами?..»*

Развивая свою мысль, Н. И. Тимковский справедливо называет представителей этой второй России «фальшивыми патриотами» и пишет по их адресу, что они громче других кричат: «Ура, за Русь святую! За веру православную!», а, в сущности, им нет никакого дела до России, работающей на полях, на фабриках и в

мастерских».

В библиографии Мельгунова встречается его рецензия на книгу «Н. И. Тимковский. «Свобода, равенство, братство», датированную 1906 годом и напечатанную в газете «Русские ведомости».

До революции Н. Тимковский наряду с И.Буниным, И. Шмелевым принимал участие в издании альманаха «Слово». Отдельные его сочинения вошли в сборник «Русские повести XIX века (70 – 90-х годов).

В 1915-1916 году книгоиздательство писателей в Москве выпустило одиннадцать томов его прозы, в основном на мелкие бытовые темы. Некоторые тома сохранились до наших дней в фондах харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, в которых имеются карандашные маргиналии читателей.

***

Сохранились мемуарные строки Н. И. Тимковского о Л. Н.Толстом: «*Мне приходилось нередко слышать от лиц, знакомых с ним, самые противоречивые отзывы. Одни находили, что Лев Николаевич – прежде всего аристократ; другие утверждали, что он любит поклонение и не выносит, чтобы при нем кто-нибудь мог «сметь свое суждение иметь», третьи восторгались приветливостью и сердечностью Льва Николаевича. Одни утверждали, что у Толстого прямо волчьи глаза, другие находили в них ангельскую кротость... Скажу больше: у одного и того же лица получались от него впечатления, которых, по-видимому, невозможно примирить между собой».* Далее следуют его собственные впечатления от встречи с писателем: *«И сам я иногда на протяжении одного вечера видел перед собой двух, трех и больше Львов Николаевичей, не имеющих как будто друг с другом ничего общего: то это – человек, с которым*

В другом письме без даты он повторил просьбу: «*Присылайте ее (т. е. повесть) всю к майской книжке»* **(8. X. б. г.).**

В январе 1892 года Гольцев писал: *«… с истинным удовольствием прочел январские «размышления»…»*

Последнее из напечатанных в сборнике писем Гольцева в адрес Короленко датировано 14 марта 1894 года. Отдельные его строки частично раскрывают дружеское отношение редактора к писателю. Он признается: *«… дорогой друг,…вместить тебя и Чехова в одну лекцию оказалось невозможным… надо будет прочесть статьи о тебе Говорухи. Он прислал их мне отдельной брошюрой».*

***

Писем В. Г. Короленко к В. А. Гольцеву всего несколько В письме от 11 марта 1894 года Короленко затрагивает чрезвычайно важные вопросы. Он пишет Гольцеву:

- «…как я смотрю на задачи искусства и процесс творчества? Я немало думал об этом предмете, но и теперь затрудняюсь высказать результаты, к которым пришел в краткой, по крайней мере, формуле.
- В художественном произведении мы имеем мир отраженный, преломленный, воспринятый человеческой душой. Это не просто беспочвенная иллюзия, а *это новый факт, новое явление вечно творящей природы.* Дух человека вечно меняется! (Курсив Короленко).
- …мы ***создаем*** или *проявляем* рождающееся в нас *новое отношение* человеческого духа к окружающему миру… (Курсив В. Г.).
- в этом вечном стремлении к совершенству, которое я допускаю, как закон – есть движущая сила и сопротивление: одно рождается и развивается, другое – отметается и гибнет.

ежемесячной прессы в Москве. Как по числу подписчиков, так и литературному и моральному влиянию она занимала первое место в русской ежемесячной журналистике. Впоследствии это значение относительно ослабело…. Но и в период расцвета, и в более трудные дни В. А. Гольцев являлся истинным двигателем, душой этого издания.

- *В этой краткой заметке, я, конечно, не имел в виду восстановить перед читателем все черты этой сложной, живой, интересной и чрезвычайно своеобразной литературно-общественной физиономии В. А.*
- *Гольцев был человек очень живой и даровитый, с ярким общественным темпераментом, выбитый из колеи бессмысленной реакцией и бесцельными депрессиями. Истинное его призвание было устное слово, кафедра, быть может, парламентская трибуна*».

***

Задержим свое внимание на письмах В. Гольцева к Короленко **(**Первое из них датировано 28. 01. 1887 года, следующее – 7. 03. 1887 года. На ряде писем год не указан.

Так, 18. 07. (б. г.) Гольцев писал: «*…(я от все души рад, что ты чувствуешь себя бодрым, весело идешь странничком по лесам и полям*». Примечательно дружеское обращение к писателю.

В другом, не датированном письме, он сообщал Короленко, что журнал «*получил довольно грозное внушение»* по поводу рассказа писателя «Прохора и студентов».

Но Гольцев не поддавался натиску цензуры и просил Короленко: «*…будем ждать рассказа для ноябрьской книжки… прилагаю письмо г. Мудрова, который желает перевести на чешский язык ваши рассказы».*

нельзя разговаривать, а надо лишь сидеть и трепетно внимать его проповедям, как Моисей внимал гласу Божьему на Синае, то это – великий человеколюбец, глубоко и ласково смотрящий в вашу душу; то – любознательный ученик, который жадно расспрашивает обо всем и удивляет своей почти детской впечатлительностью. Иные странности, резкости, головокружительные парадоксы объяснялись именно его страшной впечатлительностью. Порой какая-нибудь мелкая житейская подробность в рассказе посетителя так поражала Льва Николаевича, что он приходил в непонятное для окружающих волнение: вдруг вспыхивал гневом или готов был заплакать».

Такое свидетельство раскрывает самого автора достаточно ярко и определенно.

В 1923 году в Москве в издательстве «Зиф» вышел сборник его рассказов под названием «Среди топей».

Анатолий Степанович Буткевич (1859 – 1942)

Он был известен как ученый – пчеловод, единомышленник Толстого, бывший народоволец. В 1882 – 1886 гг. отбывал ссылку в Тобольской губернии.

Это была весьма колоритная фигура, резко отличавшаяся от соратников по издательству. Судьба его сложилась более спокойно, чем у его коллег С. Мельгунова и М. Осоргина.

Он также был знаком с Л. Н. Толстым, с которым познакомился в 1886 году, после чего неоднократно бывал в Ясной Поляне. Толстой отвечал на письма А. С. Буткевича. Л. Н. Толстой, в свою очередь, не раз посещал братьев Буткевичей. С Толстым встречались и братья Анатолия – Андрей и Владимир. Имена братьев

Буткевичей мы находим в дневниках Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Анатолий и Андрей оставили свои воспоминания о писателе.

А. С. Буткевич открывает на своем хуторе Русаново бесплатную школу для крестьянских детей и обучает их, следуя толстовским педагогическим принципам. Но власти, усмотрев в учителе человека, который может «дурно влиять на детей», запретили ему заниматься педагогической деятельностью. Увлечение толстовской идеей опрощения приводит молодого Буткевича на юг России, где он принимает участие в земледельческой общине, просуществовавшей недолго, работает по столярной части в деревнях

***

А. С. Буткевич был автором воспоминаний о Толстом, напечатанных во втором томе «Летописей Государственного Литературного музея».

Он был автором статей, которые регулярно печатал в журнале «Опытная пасека». А затем свой опыт пчеловода он обобщил в книге «Самоучитель пчеловодства» (1926 г., 316 л.), которая затем многократно переиздавалась.

***

И вот еще ряд дополнительных сведений и подробностей из его биографии:

Он родился 15 ноября 1859 года в Ярославской губернии, где служил в то время его отец – майор русской армии, участник Крымской кампании. Вскоре отец вышел в отставку, и семья переехала в Тульскую губернию, приобретя небольшое имение на хуторе Русаново близ Крапивны. В этом живописном месте, где протекает тихая Упа и тянутся знаменитые Тульские засеки, прошли детские годы Буткевича. Учился он сначала в Тульской гимназии, потом, с пятого класса, в Орловском реальном училище.

гражданской войны почти весь архив редактора журнала «Русская мысль» погиб, и поэтому хотя бы малая часть его эпистолярного наследия, напечатанная в 1910 году, обретает особое значение.

В третьем разделе представлено достаточно много писем: письма Гольцева к 11-ти адресатам. Среди них – Толстой, Чехов, Чернышевский, Г. Успенский, Н. К. Михайловский.

Письма к Гольцеву включают 13 адресатов. Среди них – Лесков, Репин, Э. Ожешко, И. Левитан, Г. А. Мачтет, Вл. Соловьев, С. Н. Трубецкой.

***

Короленко писал о Гольцеве (фрагменты):

- «*В. А. Гольцев умер в 56 лет, в возрасте, когда общественные работники на Западе считаются в расцвете сил, т. е. когда жизнь дала им то, что могла дать из области познаний и опыта, а старость не успела еще подточить деятельные силы и энергию... Печальный и ранний закат.*
- *Мы не умеем экономить своих сил, мы не способны правильно организовать собственную работу. Мы не знаем меры в труде и отдыхе. Мы часто придаем последнему формы, не способствующие восстановлению растрачиваемой нервной энергии.*
- *Редкая биография русского даровитого человека обходится без этих мотивов.*
- *Он (Гольцев) стал журналистом русским и это, конечно, уже материал для трагедии…*
- *Земля наша, как известно, велика и обильна разнообразием всякого гнета…*
- *Судьбы оппозиционной печати в Москве в общем были гораздо тяжелее, чем в Пб.*
- *«Русская мысль» долгие годы являлась единственной представительницей независимой*

- *Отстаивая идею освобождения человеческой личности от всякого рода оков, В. А. Гольцев носил в себе эту идею не только как теоретически созданное построение, но, прежде всего, как непосредственное влечение своей натуры.*
- *Истинное умение уважать человеческое достоинство отличало его от других.*
- *Гольцев был истинный гражданин и демократ».*

***

В заключение редактор выражал благодарность всем, кто предоставил для этого сборника письма и другие материалы.

Композиционно сборник состоял из трех разделов:

1. Монографический очерк.
2. Ряд личных воспоминаний.
3. Письма разных корреспондентов.

Биографический очерк был написан литературным критиком Чешихиным-Ветринским.

Во второй раздел вошли воспоминания С. А. Муромцева, И. И. Петрункевича, М. М. Ковалевского и В. Г. Короленко. Всего 7 воспоминаний.

Писатель сделал подзаголовок: *«Несколько слов памяти В. А. Гольцева»*

В обширном третьем разделе, где, с одной стороны, представлены письма разных лиц Гольцеву, а с другой – письма самого Гольцева, содержатся тексты писем Гольцева к Короленко. В основном они связаны с историей отдельных публикаций рассказов и очерков писателя, появлявшихся в разное время на страницах журнала «Русская мысль».

Помимо этого, в третьем разделе приведены тексты писем Короленко к В. А. Гольцеву**.** причем отдельно оговорено, что это лишь малая часть их переписки.

Следует заметить, что в годы революции и

В 1880 году поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию (ныне Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева). Петровская академия всегда отличалась своим демократизмом, а в бурные 80-е годы в студенческой среде были особенно сильны идеи народничества и революционности.

Анатолий Буткевич, в то время студент-второкурсник, принимал участие в нелегальных студенческих кружках, демонстрациях. Он был одним из организаторов выступления студентов и, как зачинщик, был арестован и «по политическому делу» осужден и сослан на пять лет в Сибирь, в Тобольскую губернию.

В ссылке началась литературная деятельность Буткевича. Он писал вольнолюбивые стихи, рассказы и статьи, печатался в сибирских газетах и журналах. Опасно заболев, был по состоянию здоровья досрочно, после четырех лет заключения, возвращен на родину, под надзор полиции.

В конце срока, как неблагонадежный, снова был арестован и посажен в Крапивенскую тюрьму, но второе заключение, к счастью, длилось недолго. После освобождения Буткевич увлекся философией и идеями Л. Н. Толстого.

Вернувшись домой, Анатолий получает от отца надел земли, чтобы как-то содержать семью, и занимается крестьянским хозяйством. Позже он писал: «*Если у меня есть теперь занятие, наполняющее содержанием мою повседневную жизнь и дающее средства к существованию мне и моей семье, то за это мне нужно быть благодарным, прежде всего моему покойному отцу».*

***

В 1894 году А. С. Буткевич начинает заниматься пчеловодством, изучает пособия самых известных и

авторитетных пчеловодов (Бутлерова, Лангстрота), у него появляется собственная пасека. Сложности первых лет (засуха, болезни пчел) не остановили Анатолия Степановича. На пасеке в д. Тризново он ставит эксперименты. Сначала опыты носили случайный характер, вытекали из потребностей каждодневной практики, потом приобрели систему, приняли научный характер. Критерием оценки служил конечный результат – количество меда. Он и решал вопрос о преимуществе одного приема или непрактичности другого. Опыты дублировались, проверялись в разных погодно-медосборных обстоятельствах. Один из важнейших путей увеличения продуктивности пчел – улучшение их породы. На него не раз указывали наши пчеловоды-классики.

Он положил начало массовому движению пчеловодов, которое впоследствии превратилось в целое движение, возглавленное Научно-исследовательским институтом пчеловодства. Буткевич разработал проект опытной пчеловодной станции, подготовил устав, указал задачи этого учреждения, предложил программу исследований, определил смету построек и инвентаря.

Как полагал А. С. Буткевич, станции могли организовываться на базе лучших опытных пасек. Первая в нашей стране Тульская опытная пчеловодная станция была создана в 1909 году на основе опытной пасеки Тульского общества пчеловодов. Основателем станции был А. С. Буткевич.

В этом же году он начал издавать ежемесячный журнал «*Опытная пасека*», который выходил в свет до 1919 года и был известен пчеловодам ряда стран. Анатолий Степанович издал немало книг, ставших настольными пособиями для всех пчеловодов.

Кроме того, А. С. Буткевичем опубликовано более 100 статей в различных периодических изданиях, таких, как «Русский пчеловодческий листок», «Пчеловодство»,

назначение в связи с именем В. А. Гольцева».

Во вступлении, написанном редактором, интересен ряд ключевых мыслей, на которых имеет смысл задержать внимание:

- «*Сборник посвящается памяти человека, имя и образ которого не должны быть забыты в истории нашей общественности. Ученый, публицист, оратор – В. Гольцев принадлежал к числу тех людей, личность которых получает значение центрального средоточия того или иного общественного течения. Имя Гольцева тесно связано с целой полосой в ходе нашей общественной жизни.*
- *Смысл всей его деятельности, чрезвычайно разнообразной по своим отдельным проявлениям и удивительно целостной и объединенной по своим руководящим принципам, сводился к тому, что Гольцев был истинным рыцарем конституционной идеи в России в эпоху торжества политической реакции.*
- *... его деятельность протекала среди разгара «контр-реформ», когда враги политической свободы ликовали.*
- *...Гордый независимостью своих мыслей, он высказывался отчетливо и без утайки. От его слов веяло убежденностью гражданина, который служит не толпе, а народу, не тщеславию, а истине.*
- *... его деятельность направлялась преимущественно на объединение и сплочение общественных сил.*
- *...от своих коренных убеждений он никогда не отступал ни на одну йоту.*
- *Он умел ценить искренность и честность воззрений в других людях.*
- *...ему низменно нужна была атмосфера широких общественных интересов.*

***

С. Протопопов. Заметки о В. Г. Короленко. С. 255–275. Фрагменты:

- *«… заметки эти состоят из штрихов и фактов, извлеченных мною из моих памятных книжек и хранящихся у меня писем…как материал для характеристики.*
- *… В. Г. с особенной чуткостью реагировал на отрицательные факты жизни. Однако эта черта никогда не приходила во что-либо напоминающее тяжелые типы «униженных и оскорбленных».*
- *Маленькая квартира В. Г. имела необыкновенное свойство – вызывать наружу лучшие черты людей. Здесь была какая-то особенная атмосфера, в которой оживлялось и крепло все хорошее в человеке.*
- *…много труда он вкладывал в указания и советы начинающим писателям…»*

23. 4. 1903 года в письме (с. 275) он писал в связи с приближающимся юбилеем: «*…есть еще много этого, невыполненного, и предо мной еще вереница планов…»*

Все эти отрывочные мысли и сведения значительно дополняют литературный портрет писателя. Заметим, что эти свидетельства появились еще при жизни Короленко.

9

В 1910 году был издан сборник «Памяти В. А. Гольцева» под ред. историка А. А. Кизеветтера, куда вошли статьи, воспоминания и письма бывшего главного редактора журнала «Русская мысль».

На титульном листе указано, что «*чистый доход от продажи сборника получит просветительное*

«Пчела», «Пчеловодческий мир».

Печатался Буткевич и в местном журнале «Тульский край».

В конце XIX века Буткевич организовал и возглавил Тульское общество пчеловодов, ставшее одним из лучших в России. При обществе имелись музей, специальная библиотека и читальня. Анатолий Степанович занимал должность губернского инспектора-пчеловода.

А. С. Буткевич выступал с лекциями в Туле, выезжал с беседами в села губернии.

***

Все эти сведения говорят о большом авторитете Анатолия Степановича в области научного пчеловодства. А. С. Буткевич активно участвовал во всех важных мероприятиях и событиях своего времени.

***

Во время Первой мировой войны Анатолий Степанович открывает на своем хуторе военный госпиталь, в котором практикует методы излечения многих видов ранений с помощью продуктов пчеловодства.

Выдающийся ученый, новатор и опытник, А. С. Буткевич прочно вошел в историю отечественного пчеловодства. Его по праву считают родоначальником опытного пчеловодного дела. Скромный хутор близ Крапивны знала вся пчеловодная Россия.

До конца своих дней Анатолий Степанович сохранил энергию, светлый ум, стремление к творчеству. Знаменитого пчеловода не стало в 1942 году.

О Е. Н. Ефимове

К сожалению, найти какие-либо биографические сведения о Е. Н. Ефимове пока не удалось. Установлено только, что он как ученый-правовед был автором ряда узко-специальных книг, напечатанных в 1916 – 1917 годы:

- Книга: Ефимов Е. Н. Курс законоведения. Часть I. Элементарные понятия о государстве и праве. – М., 1916. – 128 с.
- Успенский Л., Ефимов Е. Н. Курс законоведения. Часть I. Элементарные понятия о государстве и праве. – М., 1916. – 128 с. // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916, № 16 (4). – С. 189 – 191.
- Элементарные понятия о государстве и праве. Курс законоведения для школы и самообразования / Ефимов Е. Н.. – 2-е изд. – М.: Тип. Т-ва «Задруга», 1917. – 128 с.

Особенно обращает на себя внимание книга, которую выпустило книгоиздательство «Задруга» в 1917 году и в которой был обобщен его опыт как специалиста по государственному праву.

Об И. Н. Розанове (1874 – 22. 11. 1959)

Иван Никанорович Розанов был, прежде всего историком русской поэзии, книговедом, библиофилом и автором нескольких стихотворных сборников. Он был десятым ребенком в многодетной семье скромного нотариуса. С детства много читал, писал стихи и романы, издавал рукописные журналы. Учился в 4-й Московской гимназии – бывшем дворянском

***

Остановим свое внимание на прижизненных публикациях о Короленко. Чешихин писал о писателе. Фрагменты (С. 70):

- «*…богатый запас наблюдений и воспоминаний в Нижнем у В. Г. отлились в художественную форму… обзор этого периода жизни любимого русского писателя представляет поэтому несомненный общий интерес и историко-литературное значение.*
- *5. 01. 1896 – состоялся прощальный ужин, а – 7. 1. отъезд Короленко в Пб.».*
- *В Нижнем В. Г. Короленко венчался в Троицкой церкви на Б. Печерке.*

…рассказ «Приемыш» неоднократно издавался брошюрой для народного чтения.

- *Сочинения В. Г. часто носят этнографический характер.*
- *Суровые впечатления легли в основу книги «В голодный год».*
- *У В. Г. было сердечное понимание религиозных порывов масс (отражение этого в рассказах «За иконой», «Река играет» и других.*
- *У В. Г. был неподдельный интерес в путешествии в Саров, которое он повторил в год открытия мощей святого Серафима (1903).*
- *В нем жил поиск «вечного начала любви»…*
- *Оскудение творческой общественной мысли его удручало…*
- *Было прямое и живое участие в жизни в голодный год 1891–1892.*
- *Он подписывал свои статьи – «публицист-корреспондент»…»*

- Г. Галина. Стихотворение. Счастье капризное.
- М. Горький. Вода и ее значение в природе и жизни человека. Идиллия. Часы. (3).
- С. Гусев-Оренбургский. Разговор.
- П. Дубовская. Народная школа во Франции.
- Д. Жбанков. О телесных наказаниях в начальных школах.
- А. Кизеветтер. В ожидании юбилея крестьянской реформы 1861 г.
- В. Короленко. Божий городок. С. 199–209.
- А. Куприн. Вперед.
- Н. Мирович. Новая попытка социально-воспитательной реформы во Франции.
- А. Петрищев. Первый экзамен.
- С. Платонов. Савва Ефимьеве.
- С. Протопопов Заметки о В. Г. Короленко. С. 255–276.
- А. Пругавин. Песни о часовом и барине.
- М. Горький. Девочка.
- Н. Рожков. Новейшая теория исторического познания.
- Н. Телешов. Случай.
- Н. Тимковский. Маленький человек и большой человек.
- Тан. Стихотворение. Памяти Чернышевского.
- Т. Щепкина-Куперник. Кто победит?
- П. Я. Мельшин. Стихотворение. Смерть орла.

В этом издании более 300-т страниц.

***

Публикуемый очерк В. Г. Короленко «Божий городок» имел подзаголовок – « Из дорожного альбома» и начинался словами «вышел я из Арзамаса»… Он имел 4 раздела, хотя по размеру был невелик. С. 199–208.

благородном пансионе. Окончив гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. С увлечением слушал лекции В. О. Ключевского, познакомился с будущим поэтом В. Я. Брюсовым.

Иван Никанорович Розанов окончил московский университет в 1900 году**.** Его первая публикация «Грибоедов и Пушкин» появилась в том же году в «Пушкинском сборнике» в Москве.

По окончании университета Розанов был оставлен на кафедре русской литературы, готовился к профессорскому званию и преподавал в различных учебных заведениях. В сферу его научных интересов входила в основном русская поэзия.

В последующие годы он много путешествовал по России и заграницей (Норвегия, Италия, Франция), а по возвращении занялся историко-литературной деятельностью. Он состоял членом многих научных и литературных обществ.

С 1913 года состоял сотрудником энциклопедического словаря братьев «Гранат». Работая в Историческом музее Москвы, он организовал отдел истории русской книжной гражданской печати.

В 1914 году И. Н. Розанов издал книгу «Русская лирика. От поэзии безличного – к исповеди сердца», на которую появилось более 80 рецензий и отзывов. Книга принесла автору заслуженный успех. Один из экземпляров этого уникального издания сохраняется в ОРИР.

Розанов выпустил две книги собственных стихов – *Только о ней* (1915) и *Призраки звезд* (1916) Известны также и другие его фундаментальные работы:

- Отзвуки Лермонтова. – В кн. Венок Лермонтову (М. 1914).
- Некрасов. Жизнь и судьба. (Пг.1924).
- Песни русских поэтов 18 – 19 вв. (М. 1944).

***

Он является составителем нескольких поэтических антологий с обширными комментариями. Он был также составителем таких изданий как «Песни свободы», причем впервые оно вышло еще в 1905 году: Песни свободы. Изд. «Библиотека для всех». О. Рутенберга и А. М. Жуковой. (СПб. 1905. – 111 с.).

- Песни о свободе. Предисловие И. Н. Розанова. (М. Задруга. 1917. – 30 с. Серия «Свободный народ»).

После Октябрьской революции Розанов продолжил филологические исследования в области русской поэзии: *Пушкинская плеяда* (1923), *Некрасов, жизнь и судьба* (1924), *Поэты двадцатых годов XIX века* (1925), *Путеводитель по русской литературе* (1927), *Русские лирики XX века* (1929) и др. В 1928 издательство «Никитинские субботники» выпустило его книгу «*Литературные репутации*». Много сделал для установления авторства русских песен, считавшихся народными.

С 1900 года опубликовал около 300 работ. В своих историко-литературных работах Розанов изучает четыре основных темы:

1) поэты первой трети XIX в. (напр. Кюхельбекер, Баратынский, Катенин и Плетнев, поэты Вольного общества – Востоков и Попугаев);
2) литературные влияния (ст. «Пушкин и Грибоедов», «Вяземский и Пушкин», «Отзвуки Лермонтова»);
3) связь книжной лирики с песенным фольклором («От книги – в фольклор» и др.);
4) история литературных репутаций.

***

Страстный библиофил, он собрал в своей домашней библиотеке прижизненные издания многих русских классиков, некоторые с авторской правкой. Его собрание русских поэтических книг писатель Е. Осетров

8

В 1905 году в издательстве «Знание» в Петербурге вышел «Нижегородский сборник» (тираж 10500 экз.). Тираж по тем времена значительный.

Этот сборник, как и многие другие в то время, выходил с благотворительной целью, о чем сообщалось на титульном листе: *«Доход от издания – на устройство общежития для учительских детей Нижегородской губернии».*

Естественно, что Короленко не мог остаться в стороне от такого начинания. Он поместил в нем очерк «Божий городок» с подзаголовком – «Из дорожного альбома».

***

В ОРИР сохранился экземпляр этого издания. «Нижегородский сборник», хотя и был напечатан в 1905 году, но, согласно регистрационному штампу, поступил в библиотеку в феврале 1923 года.

На титульном листе указано, что это издание товарищества «Знание» и еще: «Весь доход с издания поступает в распоряжение общества взаимопомощи учащихся нижегородской губернии на устройство общежития для учительских детей».

Оглавление:

- Письмо А. П.Чехова по поводу настоящего сборника. Факсимиле.
- М. Горький. Отрывки из воспоминаний о Чехове.
- Л. Андреев. Мельком. Бен-Товит. Марсельеза.
- П. Боборыкин. Учитель.
- И. Белоусов. Стихотворения и переводы Т. Шевченко и М. Конопницкой.
- Чехин-Ветринский. В. Г. Короленко в Нижнем. С. 70–100.

и писал свои веселые рассказы еще под псевдонимом «Антоша Чехонте».

Всех встреч было не так уж много, но все были памятны Короленко. Он писал: «Чехов казался молодым дубком, пускающим ростки в разные стороны, ещё коряво и порой как-то бесформенно, но в котором уже угадывается крепость и цельная красота будущего могучего роста».

Короленко пишет о нём с нежностью и восхищением, подмечая глубинные изменения в личности и творчестве Чехова. Оказывается, Чехов приезжал в гости к Короленко в Нижний Новгород, где «очаровал всех, кто его в это время видел», – пишет Короленко.

Короленко не скрывает своего удивления, какое он испытал по прочтении «Палаты № 6» – «произведения поразительного и захватывающего» своей силой и глубиной....

Этот сборник был напечатан в книгоиздательстве «Знание».

***

Вскоре в издательстве журнала «Русское Богатство» в Петербурге вышел сборник воспоминаний Короленко под выразительным названием «Отошедшие», в который, помимо очерка о Чехове, были помещены статьи о Глебе Успенском, Гаршине и Чернышевском.

Примечательно, что этот сборник за короткое время выдержал два издания.

Слово Короленко–мемуариста было глубоким и проникновенным. Оно не могло не волновать русского читателя.

назвал «литературной Третьяковской галереей».

Розанов стал одним из основателей современного отечественного книговедения. Книговедческим проблемам посвящены его работы *Книги и люди в XIX веке* (1925), *Запрещенные книги 2-й половины XIX века* (1941), *О редкой книге* (1959, по материалам личной библиотеки автора).

И. Н Розанов собрал уникальную библиотеку поэзии, в которой были представлены поэтические сборники за 3 столетия.

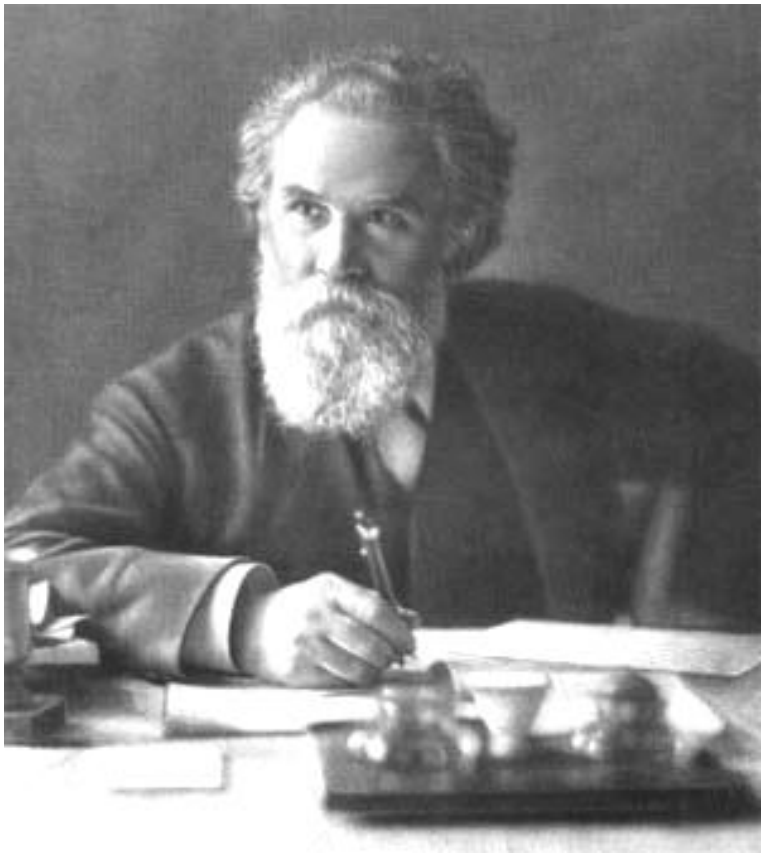
В 1965 году его вдова К. А. Марцишевская (1897 – 1988) передала в Государственный Литературный музей имени Пушкина эту коллекцию в составе 10000 поэтических сборников.

К. А. Марцишевская возглавила работу сотрудников музея по составлению книжной коллекции – «Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. Библиографическое описание. (М. Книга. 1975. – 480 с.).

***

Помимо сборника «Песни свободы» в этом же издательстве также была напечатана и книга Розанова И. Н. «Пушкинская плеяда. Старшее поколение». (М. Задруга. 1923. – 184 с.).

Иллюстрации к главе 1



философы. Познание духовной глубины Светлояра вышло из народа, а сама легенда питала русскую мысль, литературу, философию, музыку.

Эта тема была «золотой жилой» для деятелей культуры, которым были доступны глубины духовной жизни.

7

В 1910 году в Москве вышел сборник «О Чехове**»:** Воспоминания и статьи. Его тираж 3000 экз. В сборник вошли публикации 16-ти авторов, среди которых Л. Авилова, И. Бунин, И. Белоусов, М. Горький, С. Елпатьевский, А. Куприн, П. Боборыкин и др.

В этом сборнике Короленко поместил свою работу под названием «Памяти А. II. Чехова». Скорбные слова были написаны им под непосредственным впечатлением от сообщения о кончине почитаемого писателя.

В предисловии сборника отмечалось: «*Цель настоящего сборника едва ли нуждается в пояснении и оправдании» и далее: «Все вошедшие в этот сборник воспоминания в своё время были уже в печати, но вместе дают столь полное освещение обаятельной личности вспоминаемого писателя».*

Воспоминания Короленко впервые были напечатаны в журнале «Русское богатство» (1904, № 7), а затем они были включены в сборник его литературных мемуаров, посвященных ушедшим писателям. Этот сборник так и назывался «Отошедшие».

Очерк о Чехове состоял из шести небольших разделов, в каждом из которых автор опирался на личные впечатления от встреч с почившим писателем.

Их знакомство состоялось в 1886 году, когда Чехов был в самом начале своей литературной карьеры

появляются члены Комитета, среди них обращают на себя внимание – В. Г. Короленко и маститый М. М. Стасюлевич… *когда у кафедры появился В. Г. Короленко для произнесения приветствия от редакции «Русского богатства», собрание устроило любимому писателю горячую овацию...»*

В этом издании Короленко напечатал свой очерк «На Светлояре» специально оговорив, что «настоящий очерк был ранее напечатан в «Русских Ведомостях». Здесь является в значительно измененном виде».

Эта объемная работа состояла из шести подглавок. К очерку имелось и примечание следующего характера: «Светлояр – вулканическое озеро на реке близ села Владимирского Макарьевского уезда Нижегородской губернии. С ним связана легенда о невидимом граде Китеже». Короленко выступает в этой работе как тонкий и нежнейший лирик, чей писательский дар был очень глубок и значителен. После Короленко тему Светлояра продолжил в литературе мудрый Михаил Пришвин.

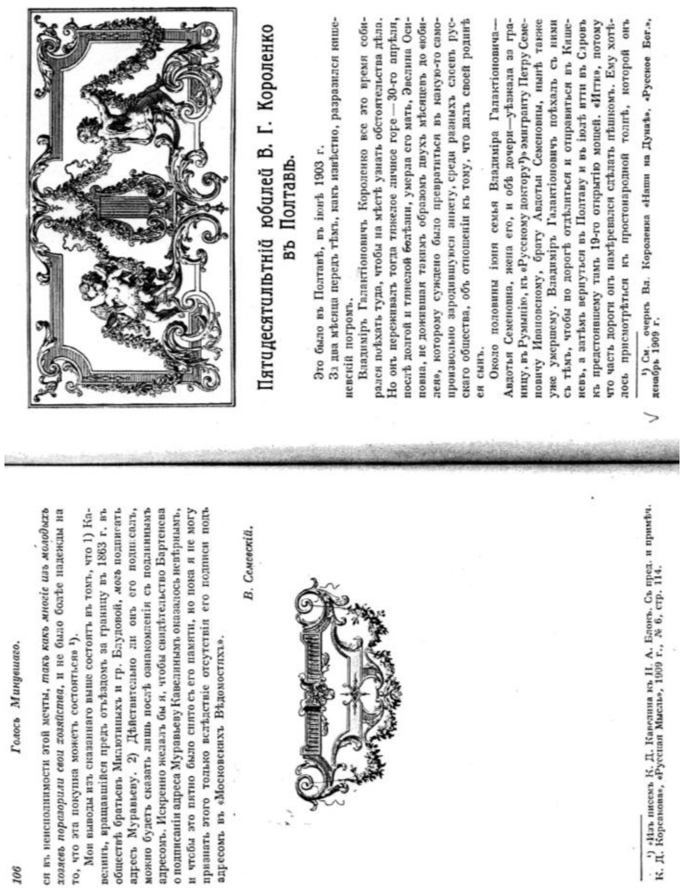
27 ноября 1969 года «Лит. Газета» сообщила, что в Москве создана комиссия по исследованию озера Светлояра

***

Общеизвестна яркая историософская легенда о граде Китеже. Град Китеж – это город людей, которые соблюдали правду Божию и не отдали веру на поругание Божиим врагам.

Услышать звон затонувшего града могут лишь покаянные люди, очищенные сердцем, сознание которых утончено молитвой и богомыслием.

Сказание о граде Китеже отразилось в самых высоких произведениях русского искусства и было выражением самой русской культуры. Этой легендой интересовались историки и писатели, поэты и



106 *Голосъ Минувшаго.*

ся въ неисполнимости этой мечты, *такъ какъ многіе изъ молодыхъ хозяевъ поразорили свои хозяйства*, и не было болѣе надежды на то, что эта покупка можетъ состояться» [1]).

Мои выводы изъ сказаннаго выше состоятъ въ томъ, что 1) Кавелинъ, вращавшійся предъ отъѣздомъ за границу въ 1863 г. въ обществѣ братьевъ Милютиныхъ и гр. Блудовой, *могъ* подписать адресъ Муравьеву. 2) Дѣйствительно ли онъ его подписалъ, можно будетъ сказать лишь послѣ ознакомленія съ подлиннымъ адресомъ. Искренно желалъ бы я, чтобы свидѣтельство Бартенева о подписаніи адреса Муравьеву Кавелинымъ оказалось невѣрнымъ, и чтобы это пятно было снято съ его памяти, но пока я не могу признать этого только вслѣдствіе отсутствія его подписи подъ адресомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

В. Семевскій.

[1]) «Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ Н. А. Блокъ. Съ пред. и примѣч. К. Д. Корсакова», «Русская Мысль», 1909 г., № 6, стр. 114.

Пятидесятилѣтній юбилей В. Г. Короленко въ Полтавѣ.

Это было въ Полтавѣ, въ іюнѣ 1903 г.

За два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ извѣстно, разразился кишеневскій погромъ.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко все это время собирался поѣхать туда, чтобы на мѣстѣ узнать обстоятельства дѣла. Но онъ переживалъ тогда тяжелое личное горе — 30-го апрѣля, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, умерла его мать, Эвелина Осиповна, не дожившая такимъ образомъ двухъ мѣсяцевъ до «юбилея», которому суждено было превратиться въ какую-то самопроизвольно зародившуюся анкету, среди разныхъ слоевъ русскаго общества, объ отношеніи къ тому, что далъ своей родинѣ ея сынъ.

Около половины іюня семья Владиміра Галактіоновича— Авдотья Семеновна, жена его, и обѣ дочери—уѣзжала за границу, въ Румынію, къ «Русскому доктору[1])» эмигранту Петру Семеновичу Ивановскому, брату Авдотьи Семеновны, нынѣ также уже умершему. Владиміръ Галактіоновичъ поѣхалъ съ ними съ тѣмъ, чтобы по дорогѣ отдѣлиться и отправиться въ Кишеневъ, а затѣмъ вернуться въ Полтаву и въ іюлѣ итти въ Саровъ къ предстоявшему тамъ 19-го открытію мощей. «Итти», потому что часть дороги онъ намѣревался сдѣлать пѣшкомъ. Ему хотѣлось присмотрѣться къ простонародной толпѣ, которой онъ

[1]) См. очеркъ Вл. Короленка «Наши на Дунаѣ», «Русское Бог.», декабрь 1909 г.

за сравнительно короткий срок – 1904 – 1906 годы он выдержал четыре переиздания. В фонд библиотеки этот сборник поступил уже в советское время.

6

Лирический очерк Короленко « О Светлояре» был напечатан в «Юбилейном сборнике Литературного Фонда» (1910).

В 1909 году литературная общественность России широко отмечала полувековой юбилей организации Литературного фонда писателей.

К этой дате был приурочен специальный «Юбилейный сборник Литературного Фонда» (1859–1909), который вышел в Петербурге. Он был составлен известным библиографом и историком литературы С. А. Венгеровым (630 страниц!) и отпечатан в типографии «Общественной Пользы». Издание вышло тиражом 4000 экз. и объединило на своих страницах литераторов и поэтов разных поколений – от Льва Толстого до Александра Куприна, от Константина Фофанова до Александра Блока и Мережковского. Были напечатаны и проблемные статьи: Иванов – Разумник – «Творчество и критика», и мемуары: Н. Костомаров – «Петербургский университет 60-х годов» или Ф. Батюшков – «Заветы Лит. Фонда», и стихи, и ранее не издававшиеся тексты А. Кольцова – «Неизданное письмо к Белинскому, «Неизвестная эпиграмма» Пушкина. От статьи Н. Златовратского «Из воспоминаний о Н. А. Добролюбове» до статьи Максима Ковалевского «Баденский период жизни Тургенева» и некролога «Памяти Н. К. Михайловского».

На последних страницах этого уникального издания приводится хроника торжеств: празднование юбилея Лит. Фонда происходило в Александровском зале Городской Думы Петербурга. Читаем: «На эстраде

европейской России, я, возвратившись в 1886 году в эти пределы, совершенно случайно попал в город Орел, где, прежде всего, попытался пристроиться к «Орловскому вестнику».

… в это время у газеты имелось 4 цензора: два советника правлений, вице-губернатор, губернатор, требовавшие удовлетворения своих личных взглядов и вкусов, совершенно игнорируя какие бы то ни было законы и задачи печатного слова.

… о жалобе на произвол цензоров хозяева газеты боялись даже думать, совершенно не веря в защиту закона и опасаясь, что газету, составлявшую средство для их существования, отберут.

… из Орла я переехал в Курск, где в 1898 году небольшой кружок моих хороших знакомых начал издавать свою «Курскую газету».

… российские цензоры не только пользуются всеми законными способами для согнутия нашего несчастного печатного слова в бараний рог, но и руководствуются еще и личными усмотрениями, цензурою не предусмотренными…»

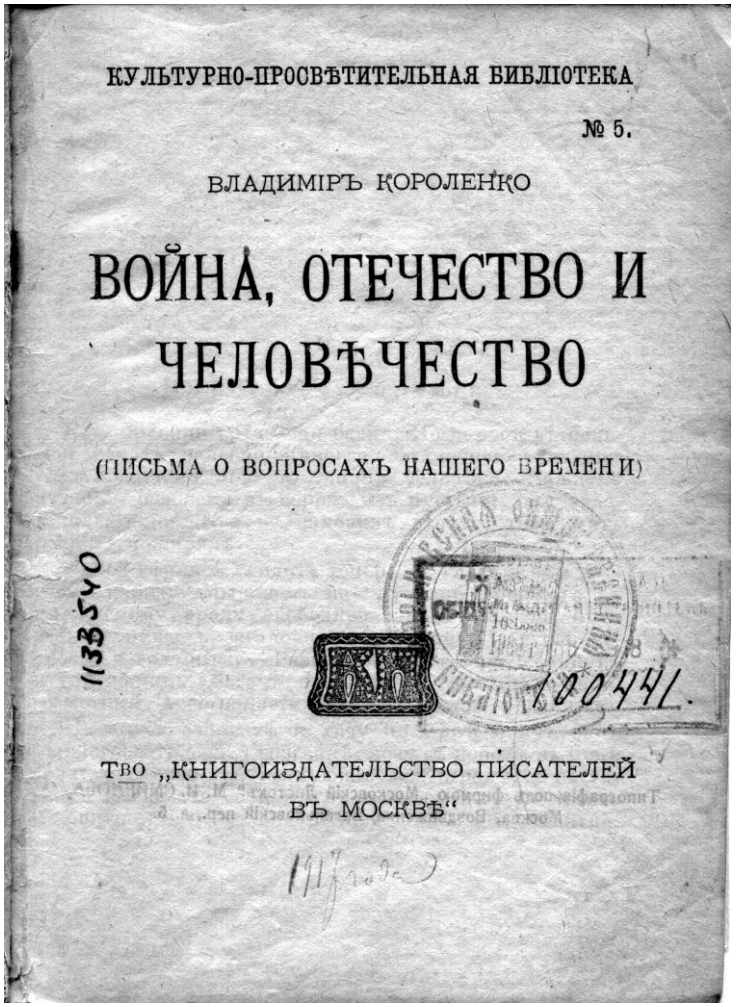
Примечателен этот сборник и тем, что на его страницах встречаются имена Владимира Короленко и Ивана Белоконского. Об их взаимоотношениях рассказано в самостоятельном сюжете.

***

В ОРИР сохранился экземпляр сборника под названием «В защиту слова». Отличительная особенность экземпляра – штамп, из которого следует, что ранее этот экземпляр находился в частной библиотеке *Василия Владимировича Медера.*

На титульном листе читаем: «4 издание без перемен. СПб. 1906. Типография Н. Н. Клобукова». В сборнике более 250-ти страниц.

Очевидно, интерес к сборнику был настолько велик, что


КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 5.

ВЛАДИМІРЪ КОРОЛЕНКО

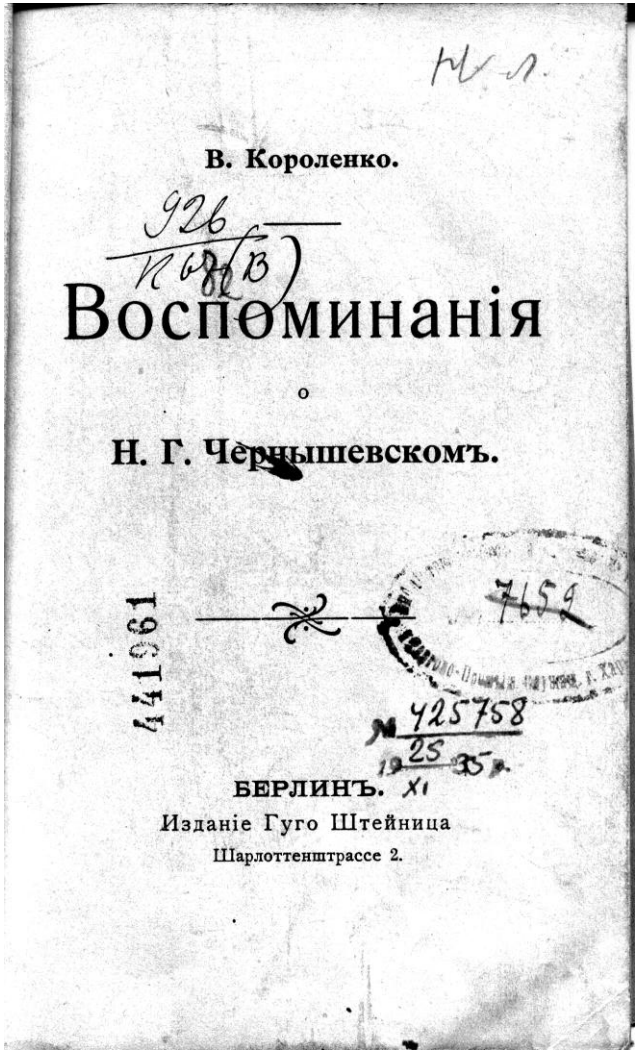
ВОЙНА, ОТЕЧЕСТВО И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

(ПИСЬМА О ВОПРОСАХЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ)

113540

100441.

ТВО „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ“

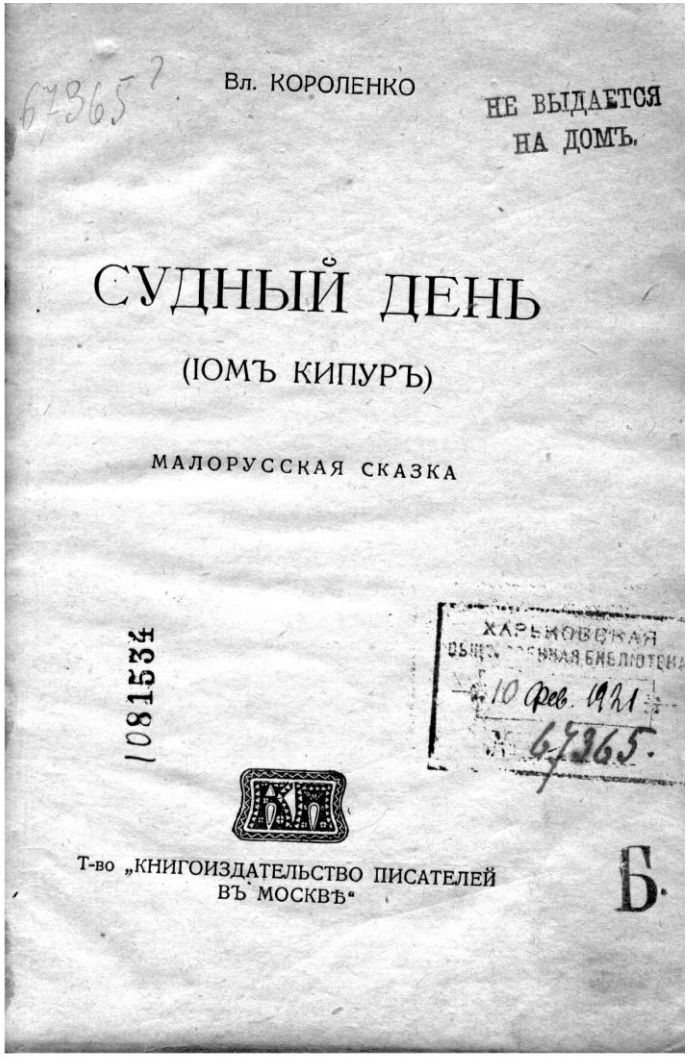


принадлежащей ей роли выразительницы общественного мнения, но и способствовала развитию продажной прессы, своим тлетворным влиянием отравляющей общественную жизнь… печать либо с лицемерным усердием пела хвалебные гимны, либо с серьезным видом занималась пустяками, либо хранила упорное молчание обо всех делах текущей жизни.
Влияние такой печати не могло быть ни очень сильным, ни очень благотворным.
Для тех, кто не хотел жить с завязанными глазами, кто добросовестно искал истину, чтобы осветить жизнь себе и другим, такое положение было невыносимо, и на этой почве создавалось немало конфликтов между прессой и цензурой, причем такие конфликты неизменно кончались гибелью чрезмерно смелых органов печати… история учит нас, что раз проснувшаяся потребность в свободном слове может быть временно задавлена, но не может быть уничтожена, и из той же истории мы знаем, что в споре общественных сил конечная победа».

- **И. П. Белоконский:** *«Вечно преследующая русского человека мучительная мысль, что наиболее интересные материалы, характеризующие общественную жизнь, могут внезапно погибнуть, отучает его и от письменного изложения всего выдающегося, и тем более, от хранения различного рода «документов». Это всем знакомое обстоятельство не дало мне возможности сберечь поистине богатые фактические данные, освещающие деятельность цензуры за последние 2 десятилетия прошлого века, и заставляет прибегнуть к отрывкам воспоминаний, иллюстрируя их лишь самым ничтожным запасом случайно сохранившихся корректурных столбцов.*
После долговременного пребывания вне пределов

- **Ник. Рубакин:** «*Мне казалось, что я слышу, как напряженно-мучительно дрожали в душе народного читателя страдальческие, хотя и не заунывные нотки. Это без стыда и без жалости разыгрывает свои мрачные симфонии окружающая действительность.*

- **В. Мякотин:** *«Исполнилось 200 лет существования периодической печати в России… было бы крайне поучительно проследить, как росла и развивалась за это время русская печать. Как складывалось и видоизменялось ее собственное положение и то влияние, которое она оказывала на общество.*
… нужно знать еще другое – о чем она должна была молчать. Факт замалчивания в нашей печати многих важных вопросов общеизвестен.
… всякий русский читатель мог и может наблюдать, как гибнут одни органы периодической печати, как на другие обрушивается ряд тяжелых кар, как третьи, лишенные сколько-нибудь живого содержания, еле влачат жалкое существование, словно пораженные бледной немочью.
… цензура стремилась покрыть всю деятельность правительства непроницаемой завесой густого тумана, в котором рядовой обыватель ничего не мог разглядеть… таким же туманом старалась цензура закутать и всю общественную жизнь, не давая возможности прессе сколько-нибудь откровенно высказываться о положении различных классов общества.
…пресса была вынуждена хранить мертвое молчание о самых жгучих вопросах народной жизни… связанная по рукам и ногам легальная пресса, могла быть лишь немым и бессильным свидетелем угнетения трудящихся классов и их борьбы за свои права… Цензура не только лишила периодическую печать



насилия и горячая хвала свободному слову». И далее он цитирует... Фаддея Булгарина, Михаила Каткова, которые были фигурами явно одиозными, а также ссылается на такие издания как «Миссионерское обозрение» и «Гражданин» (1902), т. е. явно тенденциозно и остро.

Его собственное слово было поразительно выношенным, ответственным, ироничным и слегка парадоксальным. К нему прислушивались самые разные слои российского общества.

- **Вл. Короленко:** «*… мысль загорается в виду препятствий, возбуждается при необходимости усилия. Когда приходится убеждать в чем-нибудь, мы нечувствительно становимся на чужую точку зрения. Из столкновения мнений рождается свежая истина.*
…Этот парадокс самой жизни… доказывает необходимость и величие свободного слова …трудно именно потому, что это давно доказано и очень красноречиво, и очень убедительно. Поэтому мысль скользит, как столярный рубанок по плоскости, не только выстроганной, но даже отполированной ранее… она ни за что не задевает и ничего не сглаживает в своей области…… нет ни одного пишущего человека, у которого хоть раз в жизни не вырывался бы искренний вопль против насилия и горячая хвала свободному слову.
… старый мудрец высказал непререкаемую истину: вопрос о свободе слова назрел, переполнил собою всю русскую действительность и бьет изо всех щелей, иной раз очень далеких от существа самого вопроса. Он связался теснейшим образом со всеми другими вопросами русской жизни… Настоящее русского слова тем тягостнее, чем оно менее разумно. Но будущее его, конечно, «лучезарно»…»

очень старый аргумент».

- **К. Арсеньев:** *Одной из величайших аномалий современного положения нашей печати представляется существование подцензурных периодических изданий рядом с бесцензурными.*

Цензура тяготеет не только над всей провинциальной печатью, кроме двух газет («Киевлянина» и харьковского «Южного края»), но и над несколькими столичными журналами, которые издаются много лет, и пользуются заслуженным авторитетом.

… встречаются в летописях столичной подцензурной печати и временные приостановки…

в 1862 году были приостановлены на время «Современник» и «Русское слово». В 1863 году совершенно запрещено за статью Страхова «Время» братьев Достоевских.

***

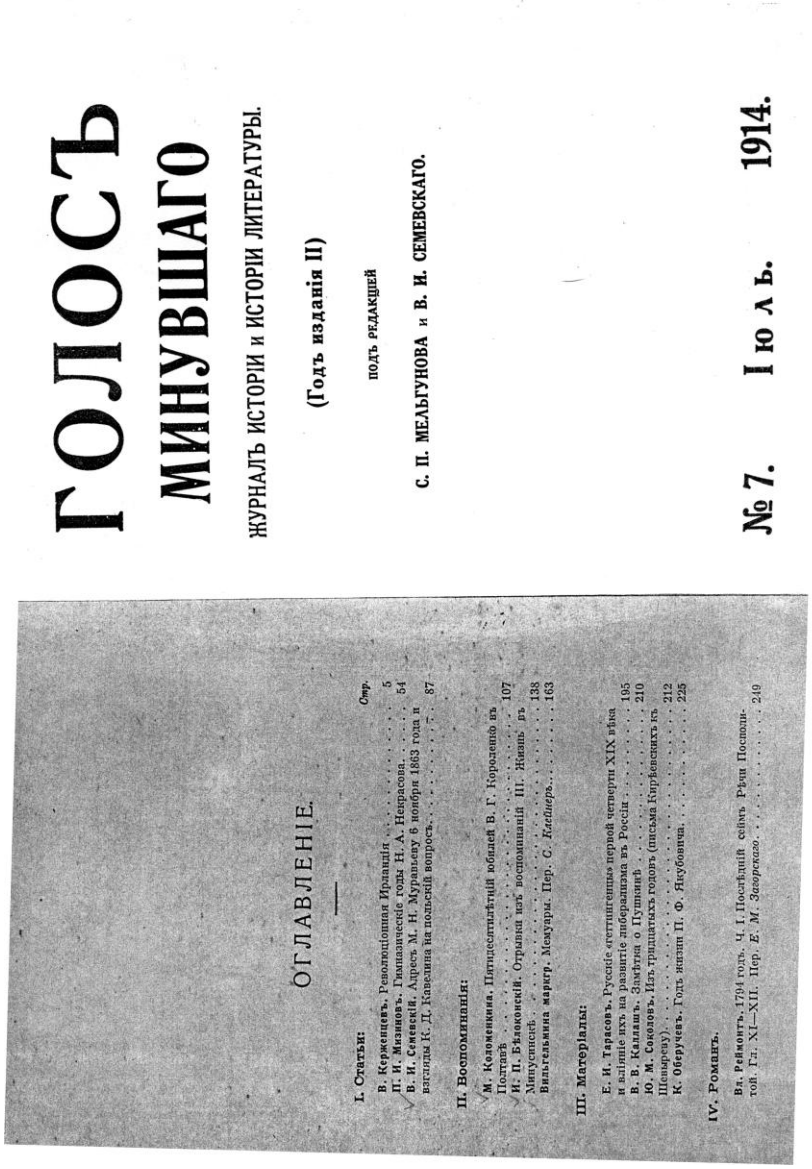
Большинство авторов хорошо знали В. Г. Короленко и многолетне общались с ним. Сам писатель выступил с краткой миниатюрой под названием «*О свободе печати*» (подзаголовок – «Разговор») – всего три страницы.

Поражает лаконизм и четкость мысли автора, которую он выражает в форме диалога. Некоторые его мысли звучат афористично:

- *«Мысль скользит, как столярный рубанок по плоскости, не только выстроганной, но даже отполированной ранее».*
- *«Мысль загорается в виду препятствий и возбуждается при необходимости усилия».*

Короленко убедительно и красноречиво пишет о необходимости свободного слова:

«Нет ни одного пишущего человека, у которого хоть раз в жизни не вырвался бы искренний вопль против



ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

подъ редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 7. Іюль. 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи: Стр.

В. Керженцевъ. Революціонная Ирландія 5
П. И. Мизиновъ. Гимназическіе годы Н. А. Некрасова. 54
В. И. Семевскій. Адресъ М. Н. Муравьеву 6 ноября 1863 года и взгляды К. Д. Кавелина на польскій вопросъ. 87

II. Воспоминанія:

М. Коломенкина. Пятидесятилѣтній юбилей В. Г. Короленко въ Полтавѣ 107
И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній III. Жизнь въ Минусинскѣ 138
Вильгельмина маркгр. Мемуары. Пер. *С. Клейнеръ*. 163

III. Матеріалы:

Е. И. Тарасовъ. Русскіе «геттингенцы» первой четверти XIX вѣка и вліяніе ихъ на развитіе либерализма въ Россіи 195
В. В. Каллашъ. Замѣтка о Пушкинѣ 210
Ю. М. Соколовъ. Изъ тридцатыхъ годовъ (письма Кирѣевскихъ къ Шевыреву) 212
К. Оберучевъ. Годъ жизни П. Ф. Якубовича. 225

IV. Романъ.

Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. I. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Гл. XI—XII. Пер. *Е. М. Загорскаго*. 249

Писателю цензура зажимает рот. К читателю же она забирается в самую душу.

…Чиновникам нет дела до мук, в которых родилась мысль.

… наемники хозяйничают в уме и сердце моего друга-читателя, насилуют его мысль и совесть. Они навязывают ему ответы на самые трудные вопросы бытия, подсовывают решения самих сложных задач жизни.

Я вижу это насилие. Я сам читатель и знаю, что надо мною насилие.

…я верю в силу человеческой мысли, неустанно стремящейся к правде, и в обаяние убежденного слова, возвещающего ее миру…. Свобода слова для меня сливается со свободой народа. Это – предтеча народного счастья».

- **П. Милюков:** «*…почвой, на которой развилось в цивилизованном человечестве сознание прав человека, было скорее волнение «совести», чем требование «чести».*

Сознание независимости личности от государства выработалось в сфере вопросов религиозных, прежде чем оно нашло себе применение в сфере правовых отношений.

… напомним, что всего четырьмя годами раньше (1844) был написан бессмертный памфлет Мильтона в защиту свободы печати, и что в существенном он стоит на той же теоретической почве свободы совести, в смысле по преимуществу религиозного убеждения.

Америка послужила затем той лабораторией, в которой это основное требование религиозной совести разрослось мало помалу в целый каталог человеческих прав.

… бессилие политики преследования свободного слова –

***

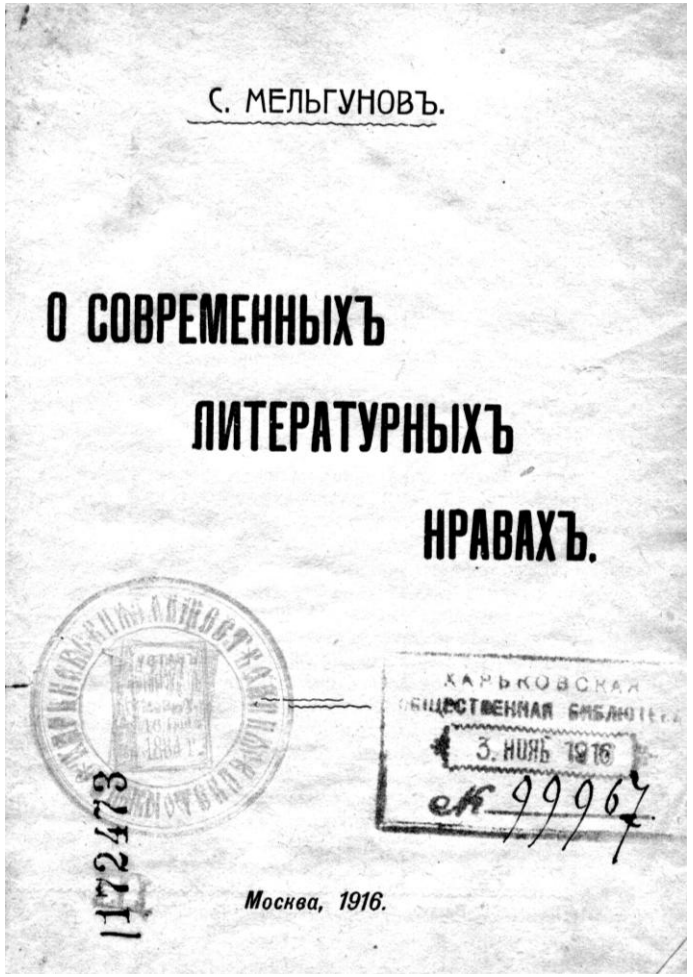
Постраничный просмотр и ознакомление с текстами подарили немало интересного и поучительного. Некоторые мысли этих авторов не потеряли своего вневременного звучания, другие раскрывают пишущего с какой-то новой стороны и служат прекрасным свидетельством самораскрытия творческой личности.

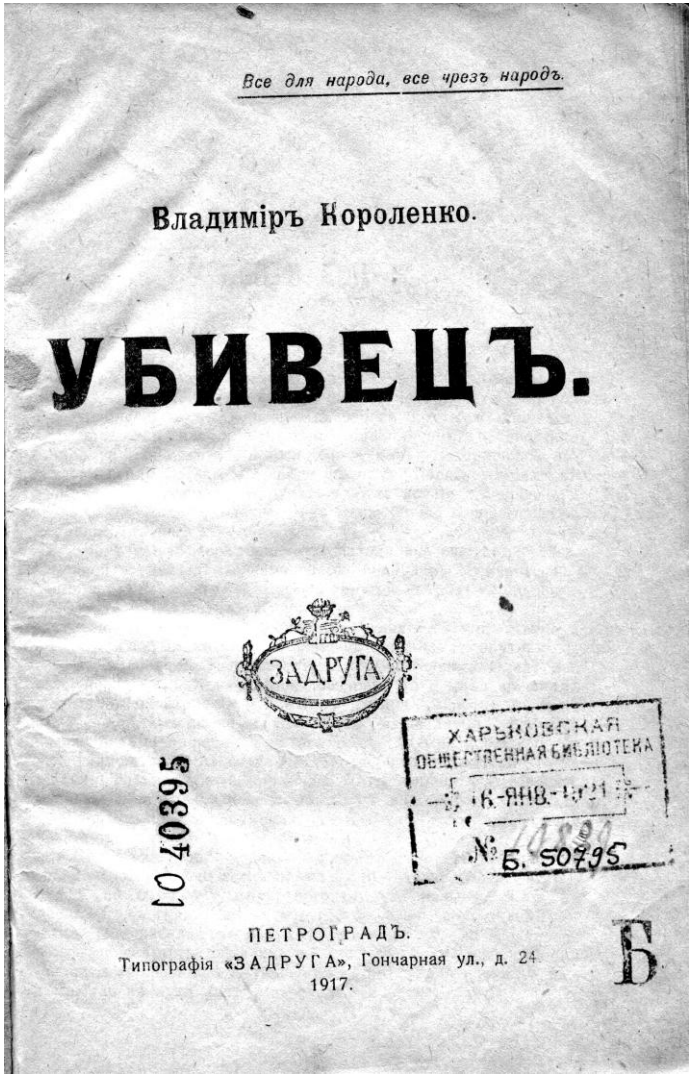
- **Н. Михайловский**: «*Необходимость и благотворительность свободы печати есть для меня такая же аксиома, как дважды два четыре. Доказывать ее я не умею. За всю свою почти полувековую литературную деятельность я, кажется, только один раз коснулся этой темы, да и то не для аргументации в пользу свободы печати, а для указания условий возможности ее осуществления. Дело было в 1880 году, когда печать чуть-чуть вздохнула, и ходили слухи об учреждении комиссии для пересмотра законов о печати с участием представителей литературы».*

А затем следует перепечатка этого текста из четвертого тома сочинений писателя.

- **А. Пешехонов:** «*Судьбе угодно было сделать меня русским писателем. Это значит, что каждая написанная мною строчка, прежде чем появиться на свет, может быть уничтожена и исковеркана…. Мне знакомо содрогание, которое охватывает человека перед застенком. Я знаю боль, когда убивают мысль и калечат слово. Я изведал муку, когда даже «рабьим» языком нельзя сказать, что хочешь, что должен…*

Участь читателя гораздо хуже. Я знаю факты, о которых он не узнает. Я владею мыслью, которая до него дойдет лишь в обрывках. Я вижу идеалы, которые его никогда, быть может, не осветят и не согреют.





- Вл. Короленко. О свободе печати. (Разговор). С. 33 – 36.
- О. Н. Чумина. Стихотворение.
- Н. А. Рубакин. Читатели между строк.
- С. Я. Елпатьевский. Слово (Легенда).
- В. И. Дмитриева. Первая корреспонденция. (Из воспоминаний сельской учительницы).
- П. Ф. Якубович. Стихотворения.
- В. А. Мякотин. Одна страница из новейшей истории русской печати.
- Ф. А. Щербина. Под цензурой.
- Ф. Д. Батюшков. Опекунам слова.
- Е. Н. Чириков. О том, как газета сама себя высекла.
- М. В. Ватсон. Родная печать. Стихотворения.
- В. Я. Богучарский. Закон и жизненная практика. Маленькая справка.
- В. К. Агафонов. Русская цензура и рубль.
- А. И. Иванчин – Писарев. Оригинальный цензор.
- С. Н. Прокопович. Свобода печати.
- А. В. Петрищев. Неделя в провинциальной редакции.
- А. Г. Горнфельд. Защита слова в русской лирике.
- М. Н. Слепцова. Цензура после цензуры.
- И. П. Белоконский. Цензурная нецензурность. (Отрывки из воспоминаний литератора).
- С. Ф. Русова. Шевченко. (Письмо из Малороссии по поводу 200-летия печати).
- Е. В. Святловский. Из воспоминаний провинциального журналиста.
- П. И. Бламберг. Цензура в музыке. (Из личных воспоминаний).

Круг авторов достаточно пестрый, но крайне интересный.

В 1905 году в Петербурге вышел сборник с полемически звучащим названием: «В защиту слова».

В течение всего одного года он был трижды переиздан, причем, как свидетельствуют справочные издания, каждое переиздание увеличивалось в тираже: первое было выпущено тиражом 1200 экз. Второе издание – 3000 экз. А третье – 5000 экз. В нашей коллекции сохраняется 3-е изд.

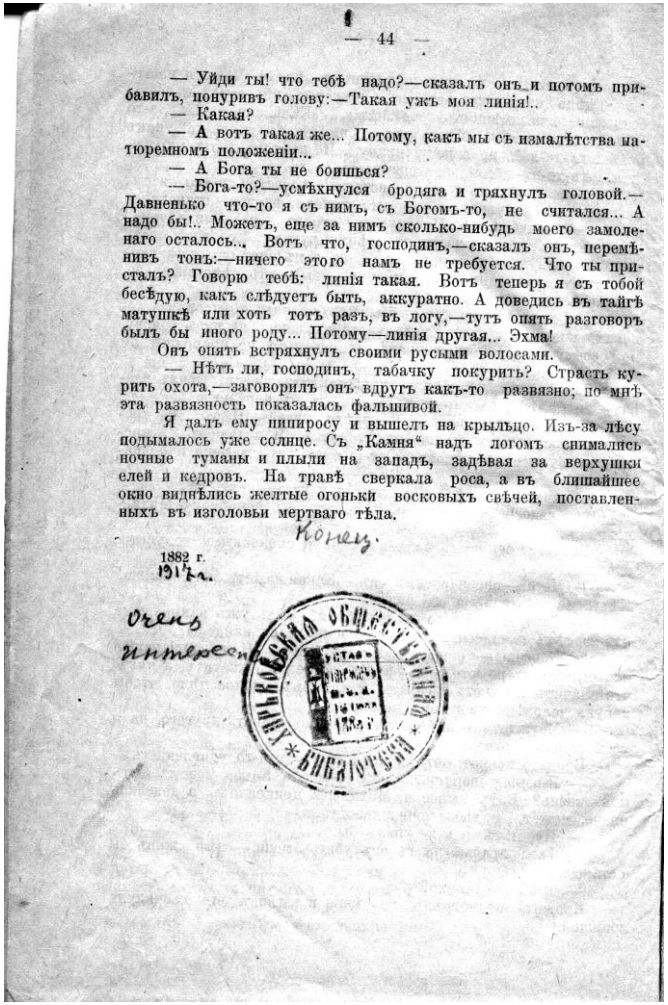
***

В предисловии к сборнику Н. К. Михайловский писал: «*Необходимость и благотворность свободы печати есть для меня такая же аксиома, как дважды два». Доказывать ее я не умею. За вою свою почти полувековую литературную деятельность, я, кажется, только один раз коснулся этой темы, да и то не для аргументации в пользу свободы печати, а для указаний условий возможности ее осуществления».*

Чрезвычайно интересна тематика этого издания и круг авторов – деятелей литературы и культуры, а также известных общественных деятелей России. Большинство из них были соратниками и единомышленниками писателя. Это и члены редакции журнала «Русское Богатство», и Иван Петрович Белоконский.

В сборник вошло 35 публикаций, причем даже названия уже говорят о разных жанрах этих выступлений и многоплановости затрагиваемых вопросов, связанных со свободой слова в России:

- Н. К.Михайловский (открывает сборник его статья).
- А. В. Пешехонов. Защита слова.
- П. Н.Милюков. Субъективное и социологическое обоснование свободы печати.
- К. К. Арсеньев. Бесцензурность и подцензурность.



— 44 —

— Уйди ты! что тебѣ надо?—сказалъ онъ и потомъ прибавилъ, понуривъ голову:—Такая ужъ моя линія!..

— Какая?

— А вотъ такая же... Потому, какъ мы съ измалѣтства натюремномъ положеніи...

— А Бога ты не боишься?

— Бога-то?—усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой.— Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ-то, не считался... А надо бы!.. Можетъ, еще за нимъ сколько-нибудь моего замоленаго осталось... Вотъ что, господинъ,—сказалъ онъ, перемѣнивъ тонъ:—ничего этого намъ не требуется. Что ты пристаалъ? Говорю тебѣ: линія такая. Вотъ теперь я съ тобой бесѣдую, какъ слѣдуетъ быть, аккуратно. А доведись въ тайгѣ матушкѣ или хоть тотъ разъ, въ логу,—тутъ опять разговоръ былъ бы иного роду... Потому—линія другая... Эхма!

Онъ опять встряхнулъ своими русыми волосами.

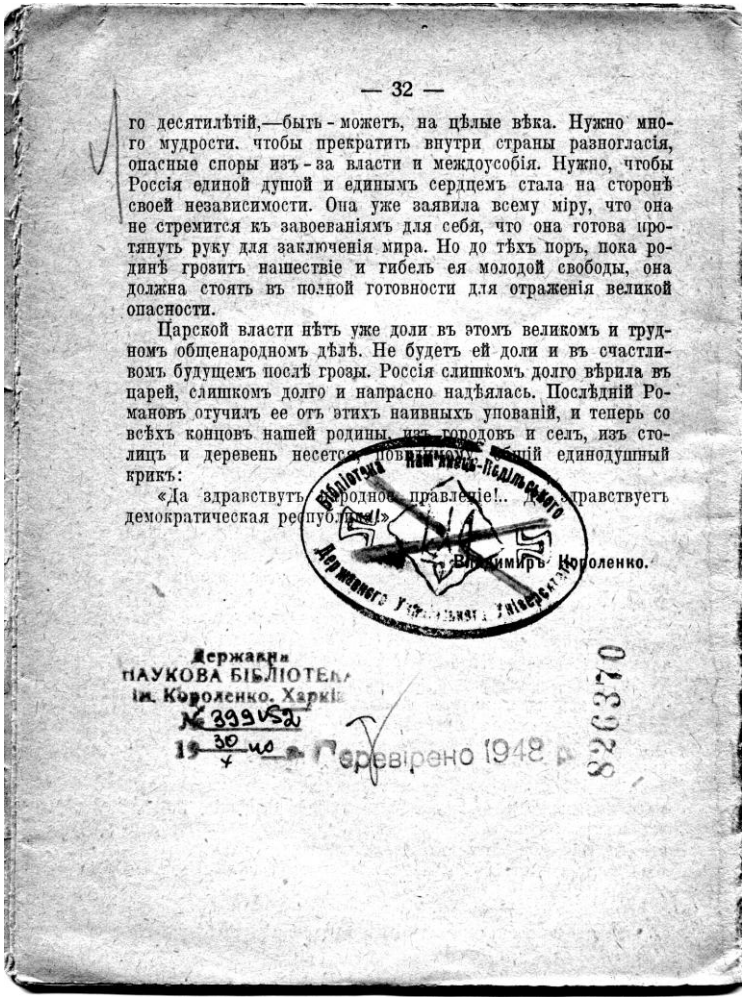
— Нѣтъ ли, господинъ, табачку покурить? Страсть курить охота,—заговорилъ онъ вдругъ какъ-то развязно; но мнѣ эта развязность показалась фальшивой.

Я далъ ему пипиросу и вышелъ на крыльцо. Изъ-за лѣсу подымалось уже солнце. Съ „Камня" надъ логомъ снимались ночные туманы и плыли на западъ, задѣвая за верхушки елей и кедровъ. На травѣ сверкала роса, а въ блишайшее окно виднѣлись желтые огоньки восковыхъ свѣчей, поставленныхъ въ изголовьи мертваго тѣла.

Конец.

1882 г.
1917 г.

Очень интересно



— 32 —

го десятилѣтій,—быть-можетъ, на цѣлые вѣка. Нужно много мудрости, чтобы прекратить внутри страны разногласія, опасные споры изъ-за власти и междоусобія. Нужно, чтобы Россія единой душой и единымъ сердцемъ стала на сторонѣ своей независимости. Она уже заявила всему міру, что она не стремится къ завоеваніямъ для себя, что она готова протянуть руку для заключенія мира. Но до тѣхъ поръ, пока родинѣ грозитъ нашествіе и гибель ея молодой свободы, она должна стоять въ полной готовности для отраженія великой опасности.

Царской власти нѣтъ уже доли въ этомъ великомъ и трудномъ общенародномъ дѣлѣ. Не будетъ ей доли и въ счастливомъ будущемъ послѣ грозы. Россія слишкомъ долго вѣрила въ царей, слишкомъ долго и напрасно надѣялась. Послѣдній Романовъ отучилъ ее отъ этихъ наивныхъ упованій, и теперь со всѣхъ концовъ нашей родины, изъ городовъ и селъ, изъ столицъ и деревень несется, повидимому, общій единодушный крикъ:

«Да здравствуетъ народное правленіе!.. Да здравствуетъ демократическая республика!»

Владимиръ Короленко.

Бібліотека Наукова-Педагогічного Державного Університету
Державна НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. Короленко. Харків
№ 399152
19 30/4 40 р.
Перевірено 1948 р.
826370

достаточно внушительное издание, в котором более 500 страниц. Оно относится к иллюстрированным изданиям начала XX века, причем в нем приведены иллюстрации крупнейших российских художников – И. Репина, В. Маковского, М. Клодта, Е. Д. Поленовой, В. Сурикова Н. А. Ярошенко. Иллюстрации отобраны таким образом, чтобы в них нашло отражение «женское движение в России».

Обширен и представителен круг авторов, принявших участие в этом благотворительном издании: ученые В. П. Бузескул (профессор Харьковского университета!); А. Н. Бекетов (ст. «Наука и нравственность»); П. И. Вейнберг, Е. Ю.Лозинский («О настоящем и будущем женского движения»); Ф. Д. Батюшков (ст. «Метерлинк и Глеб Успенский о справедливости»).

Обращает на себя внимание статья С. А. Русовой «Малорусские женщины 16–17 веков», причем посвящена она женщинам с Украины, учащимся на Высших женских курсах. В сборник вошли также стихотворения Якубовича и А. Фёдорова, К. Бальмонта и Поликсены Соловьёвой, С. К. Маковского и О. Чюминой.

Владимир Галактионович Короленко в этом сборнике напечатал свой очерк под названием «Феодалы» с подзаголовком «Из записной книжки» (с. 251–279). В нём достаточно четкая композиция, состоящая из 10-ти подглавок. Имеется и постраничное уточнение, что «главные события взяты с натуры, но фамилии и личности вымышлены».

Одна фраза писателя запоминается сразу: «Бесформенная и мглистая действительность походила часто на кошмарный, тяжелый сон».

5

законодательстве регулирования домашней промышленности», Н. Стороженко «Философия Дон-Кихота», С. Шамбинаго «Следы непосредственного влияния евреев, сказавшиеся на памятниках древне-русской письменности» и др.

В этом сборнике принимали участие и ученые харьковского университета: профессор В. П. Бузескул и профессор А. Е. Грузинский.

Анализу самих публикаций и кругу авторов можно посвятить вполне самостоятельное исследование, что не входит в задачи данного обзора.

Подлинным украшением сборника была публикация работы Владимира Соловьева «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии».

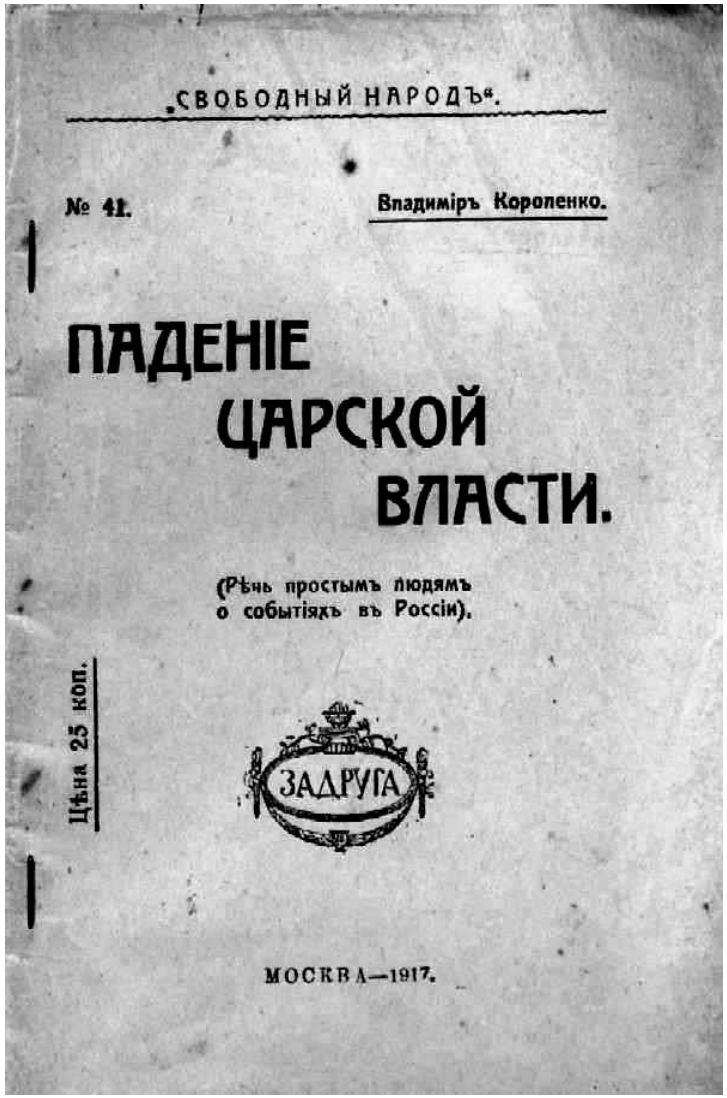
***

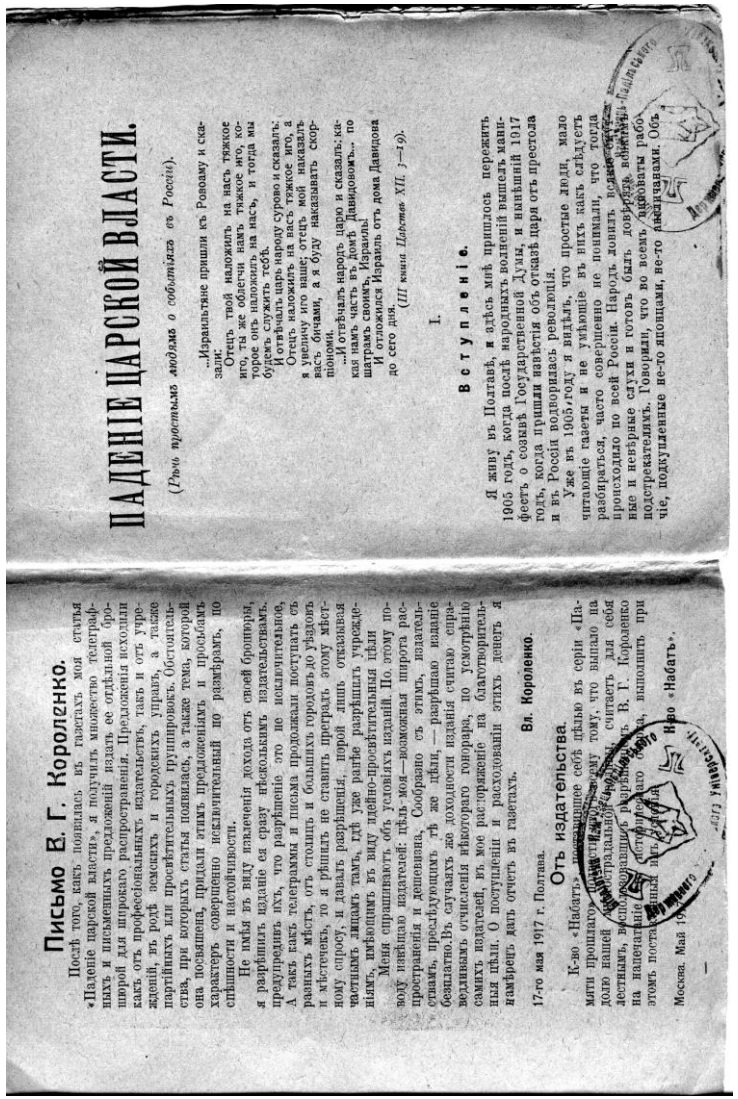
Следует отметить, что участие Короленко в подобных изданиях не было случайным. Так, например, в 1900 году в Петербурге вышел сборник под названием «Еврейские силуэты» с подзаголовком «Рассказы русских и польских писателей», и в этом издании Короленко опубликовал одно из своих вдохновеннейших произведений – «Сказание о Флоре»

4

В научно–художественном сборнике «К свету» (1904) был напечатан очерк Короленко «Феодалы» с подзаголовком – «Из записной книжки. Путевые зарисовки».

Этот сборник был издан под редакцией Е. П. Летковой и Ф. Д. Батюшкова, бывших членами Издательского комитета общества доставления средств СПб Высшим Женским курсам. Сборник вышел в 1904 году тиражом 3000 экземпляров. Это





Письмо В. Г. Короленко.

Послѣ того, какъ появилась въ газетахъ моя статья «Паденіе царской власти», я получилъ множество телеграфныхъ и письменныхъ предложеній издать ее отдѣльной брошюрой для широкаго распространенія. Предложенія исходили какъ отъ профессіональныхъ издательствъ, такъ и отъ учрежденій, въ родѣ земскихъ и городскихъ управъ, а также партійныхъ или просвѣтительныхъ группировокъ. Обстоятельства, при которыхъ статья появилась, а также тема, которой она посвящена, придали этимъ предложеніямъ и просьбамъ характеръ совершенно исключительный по размѣрамъ, по спѣшности и настойчивости.

Не имѣя въ виду извлеченія дохода отъ своей брошюры, я разрѣшилъ изданіе ея сразу нѣсколькимъ издательствамъ, предупредивъ ихъ, что разрѣшеніе это не исключительное. А такъ какъ телеграммы и письма продолжали поступать съ разныхъ мѣстъ, отъ столицъ и большихъ городовъ до уѣздовъ и мѣстечекъ, то я рѣшилъ не ставить преградъ этому мѣстному спросу, и давалъ разрѣшенія, порой лишь отказывая частнымъ лицамъ тамъ, гдѣ уже ранѣе разрѣшилъ учрежденіямъ, имѣющимъ въ виду идейно-просвѣтительныя цѣли.

Меня спрашиваютъ объ условіяхъ изданій. По этому поводу извѣщаю издателей: цѣль моя—возможная широта распространенія и дешевизна. Сообразно съ этимъ, издательствамъ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли, — разрѣшаю изданіе безплатно. Въ случаяхъ же доходности изданія считаю справедливымъ отчисленія нѣкотораго гонорара, по усмотрѣнію самихъ издателей, въ мое распоряженіе на благотворительныя цѣли. О поступленіи и расходованіи этихъ денегъ я намѣренъ дать отчетъ въ газетахъ.

17-го мая 1917 г. Полтава. **Вл. Короленко.**

Отъ издательства.

К-во «Набатъ», поставившее себѣ цѣлью въ серіи «Памяти прошлаго» [illegible] тому, что выпало на долю нашей [illegible] считаетъ для себя лестнымъ, воспользовавшись разрѣшеніемъ В. Г. Короленко на напечатаніе [illegible] выполнить при этомъ поставленныя имъ условія.

Москва. Май 19[illegible] **К-во «Набатъ».**

будущее иудейства, – писал Потемкин, – всегда обнаруживал Владимир Соловьев». И далее: «В настоящем случае словом горячей признательности необходимо помянуть того, в философско – историческом миросозерцании и в чаяниях которого «еврейскому вопросу», бесспорно, принадлежало одно из центральных мест».

По мнению Вл. Потёмкина, «полнота иудейства была для Владимира Соловьева полнотою и христианского вероучения.... Всестороннему разъяснению этой идеи Вл. Соловьев отдавал лучше силы своего ума, блистательнейшие способности своего замечательного литературного дарования. Он неутомимо и страстно требовал признания попираемого человеческого достоинства евреев». Известно, что, умирая, Соловьёв со «словами древних псалмов Израиля молился за гонимым народ...»

Как считал Потёмкин, «семена, посеянные Соловьевым, пали на добрую землю» и потому автор статьи заканчивал редакционную вступительную статью призывами: «Пусть замолкнет голос национальной вражды и пусть утешение и мир прольется в душу пострадавших».

Сборник открывался лирической миниатюрой Владимира Галактионовича Короленко «Огоньки», написанной в мае 1900 года. Это была первая публикация этого текста писателя. Слово Короленко рождало светлое чувство Надежды на лучшее будущее и служило своеобразным камертоном для всего издания.

Помимо стихов К. Бальмонта, С. Надсона, М. Лохвицкой, II. Якубовича, в сборнике были напечатаны научные статьи крупнейших ученых России: К. Тимирязева «Творчество природы и творчество человека», М. Ковалевского «Новые данные о Ж. Ж. Руссо», И. Сеченова «Участие органов чувств в работе рук у зрячего и слепого», С. Булгакова «К вопросу о

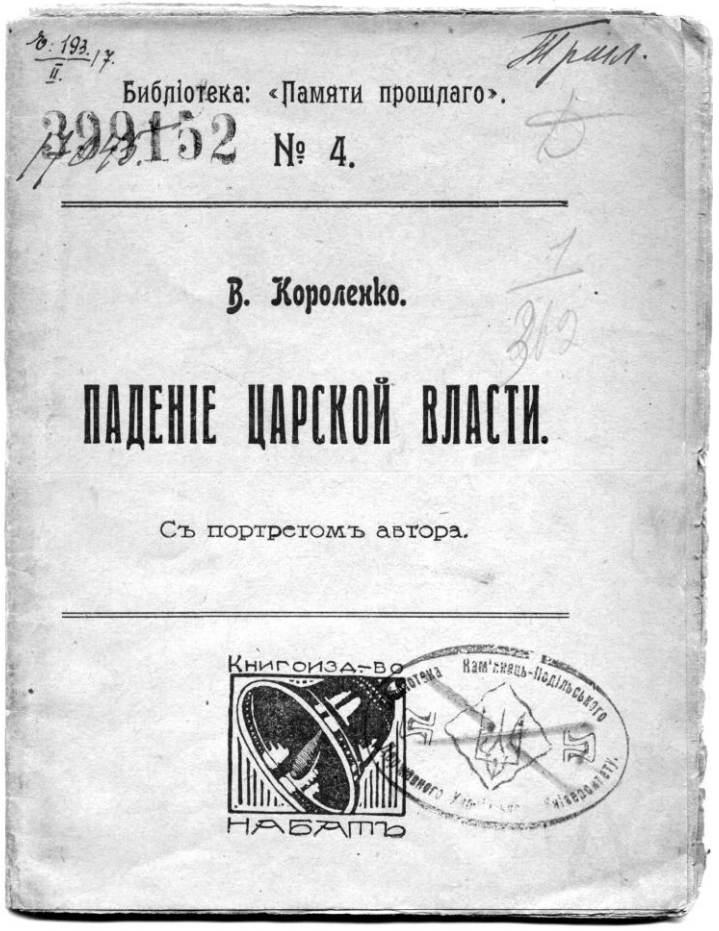
христианского вероисповедания».

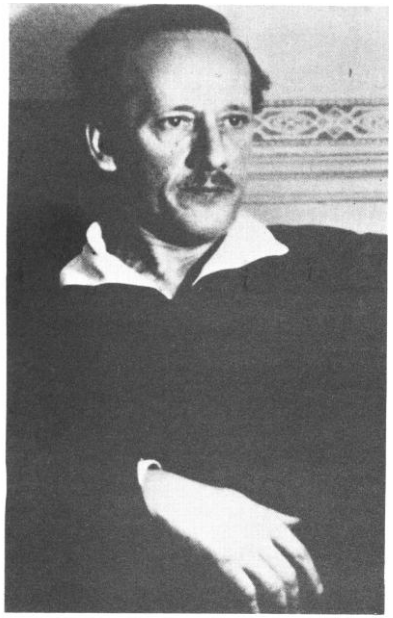
По его мнению, появление сборника подобного масштаба «есть одна из попыток загладить исконную несправедливость по отношению к евреям», и в то же время, как он отмечал, – искупить, хоть сколько-нибудь, великую нравственную вину, тяготеющую над христианским миром, ибо вопиющим грехом его, – писал Потемкин, – гибельной ложью в самой ее основе остается непримиримое противоречие между словом и нашим и делом...» И далее автор статьи патетично вопрошает: «Можем ли мы после этого с враждой относиться к народу, которому исторически мы обязаны лучшим сокровищем нашего духовного содержания, который до настоящего времени, несмотря на тяжкие условия своего существования, неизменно продолжает давать обществу множество полезных деятелей на самых разных поприщах служения человечеству.... Помощь этому народу есть в то же время плодотворная работа для будущего».

Потемкин считал, что «последнее слово еврейской культуры далеко еще не произнесено. «И кто знает, – писал он, – какое место в грядущих судьбах мира займёт дом Изральев, внешнее ничтожество которого и две тысячи лет тому назад вызывало насмешки и пренебрежение?».

Автор убежден, что «высшее выражение еврейской национальности всегда было о б щ е - ч е л о в е ч е с к и м, и с этой стороны пресловутая «ассимиляция иудейства есть давно уже совершившийся факт». Он рассматривает факторы и доказательства «неистощимой жизненности» евреев, как «залог лучшего будущего». Он восхищается изумительной способностью еврейства отвечать на самые разные требования времени».

Примечателен финал статьи, предварявшей сборник: «Самую глубокую веру в положительное





М. А. Осоргин. Париж, 1929 г.

М.А. Осоргин

причем были и анонимные дарители средств. Так, например, редакция приносила свою искреннюю признательность неизвестному лицу, пожертвовавшему тысячу рублей.

В этом сборнике почти 500 страниц. Художественная обложка и заставки в тексте выполнены Л. О. Пастернаком. Рисунки и обложка печатались в московской типографии А. И. Мамонтова. Помимо рисунков Пастернака, в сборнике помещены рисунки Валентина Серова, Ильи Репина, В. Поленова, В. Переплётчикова, И. Левитана и А. Архипова. Была сделана оговорка, что «за незначительными исключениями, статьи и рисунки впервые появляются в печати...»

В этом сборнике впервые воспроизведены автографы писем А. И. Герцена и И. С. Тургенева из частного собрания кн. А. И. Урусова, известного собирателя раритетов русской культуры. Редакция испытывала истинное удовлетворение от реально воплощенной идеи помощи страждущим.

Помимо автографов Герцена и Тургенева, в сборнике воспроизводилось факсимиле письма Эмиля Золя.

Золя написал издателям сборника: «Книга, издаваемая в пользу южных евреев, так сильно пострадавших от голода, являет собой прекрасный и трогательный пример человеческой солидарности, великого и доброго дела. Я благодарен Вам за то, что Вы меня к нему приобщили... нужно, чтобы со всех концов земли протягивались руки для братского пожатия, если мы хотим облегчить людское горе...»

Владимир Потемкин предварял издание вступлением – «несколько слов по поводу сборника «Помощь»...» Он видел главную особенность сборника исключительно в том, что этот «идейный почин, – как писал он, – принадлежал лицам исключительно

художественном сборнике «Помощь евреям».

3

В 1901 году в Петербурге вышел «литературно – художественный сборник» под назва-нием «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая».

В предисловии читаем: «*Неурожай, постигший в 1899 году южные губернии России, тяжело отозвался на экономическом положении местного крестьянского и еврейского населения... евреи испытали на себе все бедствия Края, живущего одним лишь хлебом... на долю евреев могли достаться лишь крохи правительственной и земской субсидии».*

И тогда весной 1900 года, по инициативе христиан, возникла мысль прийти на помощь нуждающимся изданием специального благотворительного сборника, причем «участие в нем должны были принять лица христианского вероисповедания». Это подчеркивалось особо.

Доход от продажи сборника, напечатанного тиражом 4000 экземпляров, предполагалось отдать в виде «трудовой помощи». Откликнулись многие, и материала было так много, что сборник пришлось печатать в двух городах – Москве и Петербурге. Сборник вышел из печати лишь к лету 1901 года.

Появление издания совпало со временем тяжелой нужды, переживаемой местным населением, и составители были буквально счастливы тем, что смогли «облегчить тяжелый жребий больных и голодных».

На призыв о помощи с готовностью откликнулись самые выдающиеся и передовые деятели науки и культуры России. 54 автора! Издание было проникнуто «Христианской идеей бескорыстной любви к труждающемуся и обремененному еврейству».

Сборник был издан сугубо на частные средства,

Полнеръ, Т. И.,
секретарь съѣзда.

И.Н. Розанов

В.А. Мякотин

С.П. Мельгунов

- Д. Мамин-Сибиряк,
- К. Станюкович,
- П. Вейнберг,
- В. Семевский,
- Н. Рубакин.

В этом же сборнике помещена библиография сочинений Михайловского.

В отделе редких изданий и рукописей сохранился экземпляр этого сборника. Однако на титульном листе, кроме названия, не обозначено ни место издании, ни время выхода в свет.

В нем более 500 страниц. Судя по штампу поступления в фонд (ноябрь 1905 года), этот сборник являлся первым изданием. Вступление, написанное от редакции, содержит дату – ноябрь 1900 года. В числе авторов также можно назвать и другие фамилии, причем интересна и тематика их публикаций:

- А. Пешехонов. Из истории чести и совести.
- В. И. Семевский. Из истории общественных идей в России в конце 40-х годов.
- М. Рафаилов. Система правды и наши общественные отношения.
- П. Мокиевский. Индивидуальность и культура.
- Л. Пантелеев. Из воспоминаний о 60-х годах.
- В. Мякотин. На заре русской общественности.

Очерк. В. Г. Короленко «Мгновение» занимает почетное место.

Каждая такая прижизненная публикация раскрывала писателя с новой стороны, вскрывая разные грани его художественного дарования.

- Огоньки. Литературная миниатюра Короленко была также напечатана в 1901 году в литературно-

философские искания писателя в период зрелого творчества.

Весь рассказ был, как бы посвящен философским исканиям Сократа, его мудрым прозрениям. Некоторыми словами Сократа писатель пытался дать ответ на собственные мучительные духовные и религиозные сомнения.

Он обращался к своим современникам с доброжелательным призывом спокойно исследовать законы жизни «во всей противоречивой их сложности» и запутанности.

«Человек *обязан* задумываться и быть *ответственным* за жизнь». Эти слова подобны духовному завещанию Короленко, обращенному к каждому думающему человеку, в том числе, и к потомкам.

17 октября 1889 года Короленко написал жене: «Вчера вечером и сегодня утром набросал небольшой рассказец совершенно фантастический. Давно не писалось с таким наслаждением…» Работа над рассказом продолжалась и в 1890 году.

Впервые рассказ «Тени» был напечатан в конце 1891 года в журнале «Русская Мысль» (№ 12). Журнальный вариант имел целый ряд небольших отличий от последующих публикаций.

2

В 1900 году в литературном сборнике «На славном посту», посвященном юбилею Н. К. Михайловского, вышел лирический очерк Короленко «Мгновение», который получил затем широкое распространение.

Сборник имел успех, и потому вышел вторично в 1906 году, причем тиражом 4000 экз.

Круг авторов был достаточно представителен:

Глава 2

О главной книге Короленко

К последнему периоду творчества В. Г. Короленко относится книга «История моего современника». Это одно из лучших его произведений и самое большое по объему. «История моего современника представляет собой рассказ писателя, прежде всего о себе самом, как о современнике бурной эпохи. В этом произведении легко угадывается художественно воплощенная биография автора, её важнейшие этапы. В то же время Короленко знакомит читателя с развитием общественного движения 60-х – 70-х годов XIX столетия, с выдающимися историческими событиями того времени. Последние главы эпопеи, освещающие деятельность народной интеллигенции, были написаны уже после 1917 года.

В «Истории моего современника» он сумел показать, сколь наивны были расчёты народников на героизм «избранных» при отсутствии поддержки со стороны народных масс.

Короленко был свидетелем и участником многих событий конца XIX – начала XX веков. При этом Короленко никогда не считал себя ни жертвой, ни подвижником. Он шел по своему жизненному пути, исполненному многих трудностей и потерь, шел бодро и мужественно.

«История моего современника» создавалась в течение 16 лет, начиная с 1905 года по 1921 год. Ее главы печатались с начала 1906 года по 1908 год в журналах «Современные записки» и «Русское Богатство».

Между первым ее томом (1906) и тремя последующими пролегли годы войны и двух революций.

В первоначальном журнальном варианте в предисловии к первому тому своей книги Короленко

прямо указывает на злободневность своего исторического замысла. Он считает, что изображение «*того, о чем мечтало, и за что боролось мое поколение», имеет интерес самой живой действительности и для текущего времени, когда «наша жизнь колеблется и вздрагивает от острых столкновений новых начал с отжившими*» (VI, 5).

Основная тема первого тома – это страшная сила традиции, заставляющая рядовых людей пассивно подчиняться сложившемуся строю жизни. Средний человек, выросший в условиях дореформенного строя, даже кристально чистый и морально безупречный, как отец писателя, обладал «устойчивым равновесием совести». «*Он признавал себя ответственным лишь за свою личную деятельность», но «едкое чувство вины за общественную неправду ему было совершенно незнакомо»* . В первом томе Короленко мастерски показал начало первых мечтаний и смутных романтических юношеских порывов, острое влечение к проявлению героического в жизни.

Так возрождаются темы, которые были характерны для первого этапа его творчества, т.е. с 80-х годов. Но теперь они нашли свое место в общей исторической картине крушения старых жизненных устоев. Это и составило содержание первого тома.

Продолжение, которое составило еще три тома, писалось им в чрезвычайно трудных условиях, начиная с 1917 года. Короленко пытался продолжать мемуарную книгу «История моего современника» – художественную летопись своего поколения, начатую в 1905 году, где глубокие размышления органично сочетаются с рельефно выписанными характерами и яркими историческими эпизодами. Однако жизнь не давала писателю возможности спокойно трудиться, постоянно вынуждая его к общественным выступлениям. Как всегда его дом был центром

публицистической статьи.

Каждая такая прижизненная публикация раскрывала новые грани его художественного и общественно-публицистического дарования.

1

Сборники выходили в то время, когда писатель находился в зените литературной славы.

Еще в 1894 году в книжном издательстве «Посредник» был выпущен сборник под названием «Сократ и его время», куда вошел «очерк-фантазия» (так у автора – С.Ш.) под названием «Тени».

На титульном листе этого сборника имеется необычное уточнение: «*для интеллигентных читателей».*

В коллекции редких и прижизненных изданий Короленко сохранилось и второе издание этого сборника, причем на экземпляре указано, что ранее сборник принадлежал «Пушкинской народной библиотеке-читальне народного дома харьковского общества распространения в народе грамотности».

Интересна история создания этой работы. Над рассказом «Тени» Короленко напряженно работал в 1889 – 1890 годы. Начерно он закончил его еще осенью 1889 года. В черновых записях рассказ «Тени» носил название «Тени богов» и значительно отличался от более позднего текста.

В связи с работой над рассказом Короленко серьезно стал изучать греческую философию, в частности, сократические диалоги Платона и сочинения Ксенофонта, о чем свидетельствуют записи в дневниках писателя за 1889 год, а также выписки из сочинений Платона на черновиках рассказа. Некоторые конкретные детали «Теней» были заимствованы писателем из сочинений Платона. В художественном раскрытии могучей личности Сократа своеобразно отразились

благотворительными целями. Если проанализировать мотивы, по которым готовились и издавались эти издания, то можно увидеть скрытые закономерности. Так, например, среди альманахов и сборников, напечатанных в 1900–1914 годы, преобладают такие мотивы:

- Пострадавшим от неурожая.
- Для доставления средств высшим женским курсам в Петербурге.
- В пользу общества скорой помощи учащимся в вузах (напр. в Киеве)
- Общество взаимопомощи учащихся Нижегородской губернии (на устройство общежития для учительских детей). Это вполне конкретное уточнение.

***

Начиная с 1914 года мотивы несколько иные:

- В пользу раненых и ушедших на войну.
- В кассу Всероссийского общества помощи военнопленным.
- Помощь жертвам войны.
- В пользу населения Польши, пострадавшего от войны или: Сборник издан с благотворительной целью – помощь Польше.
- В помощь пленным русским воинам.

***

В библиографическом указателе «Литературно – художественные альманахи и сборники (т. 1) с 1900 по 1911 год (М. 1957) отражено 9 публикаций Короленко в самых разных изданиях, большинство из которых издавалось исключительно с благотворительными целями.

Примечательно большое разнообразие жанровых форм публикаций писателя – от рассказа до

паломничества обиженных и обездоленных, число которых в те годы нарастало лавиной: люди искали совета, защиты и помощи и, естественно, шли к знаменитому писателю, как к народному заступнику, а писатель сам испытывал растерянность перед жестокостью и неуправляемостью разыгравшейся стихии, перед невменяемостью и безжалостностью большевистской диктатуры.

«*Трагедия русской революционной интеллигенции. Борьба без народа»* – так называется одна из глав «Истории», и это название определяет основной ее мотив в последующих томах.

Как тонкий и чуткий художник, Короленко давно почувствовал безысходный трагизм разыгравшейся трагедии. Он не захотел остаться «без народа», и в течение всей своей жизни прослеживал и поэтизировал ростки народной активности. На страницах книги он вспоминает прежние свои встречи с представителями темной и отсталой крестьянской массы. Как правило, ему часто приходилось выносить из этих встреч горькие мысли и чувства. Однако он всегда замечал «искорки» природной даровитости народа и ранние проблески живой и критической народной мысли.

«История моего современника» представляет собой заключительный этап творческого пути писателя, который в давние годы начался с его рассказа «Сон Макара».

К сожалению, задуманная Короленко летопись общественно-политического движения России от 60-х годов до начала нового века не осуществилась. Писатель умер, так и не закончив труда, которому он посвятил все свое время в последние годы жизни.

Владимир Галактионович постарался обобщить ключевые мысли, темы и образы и как бы подвел итог своей творческой и общественной деятельности.

В условиях 80-х годов, когда складывался талант

Короленко, он еще не мог определить реальные возможности и последствия исторического перелома.

«*Наши песни, наши художественные работы, – писал Короленко в 1887 году, – это взволнованное чириканье воробьев во время затмения, и если бы некоторое оживление в этом чирикании могло предвещать скорое наступление света, – то большего честолюбия у нас – «молодых художников» и быть не может*».

Очень часто критерием отбора жизненных фактов была для него не распространенность явления, а его редкость. Выделяя эти редкие факты, как явления характерные, исторически значительные, Короленко тем самым показывал их общечеловеческое значение.

В «Истории моего современника» нашло отражение поколение русской демократической интеллигенции, выступившее на арену истории в начале 70-х годов.

В воспоминаниях Короленко пытается увидеть проекцию исторических событий, которые переживала вся Россия, на свою собственную жизнь.

Дневники, относящиеся ко времени революционных потрясений и гражданской войны в России прошлого века, являются выдающимся документом эпохи. Публицистика Короленко также была примером гражданского мужества. Причем он умел не только говорить правду в глаза, но и отстаивать эту правду. Излюбленной была для него тема «Народ и власть».

Многие выводы писателя находили свое подтверждение на протяжении всего XX века.

***

Представляет несомненный интерес проследить в хронологической последовательности появление, как публикаций отдельных глав, так и отдельных изданий

часть журналов. Организация издания альманаха была проще, по сравнению с изданием «толстого» журнала. К тому же к альманахам цензура относилась более терпимо.

***

Сборники и альманахи XX столетия стали трибуной для выражения различных общественных, философских и эстетических взглядов: Они еще мало изучены и являются почвой для аналитических размышлений, связанных с культурным наследием России первой четверти XX столетия.

***

Из такого фундаментального, многотомного издания, как библиографический указатель «Литературные художественные альманахи и сборники». Сост. О. Д. Голубева и Н. П. Рогожин. (М. Т. 1 – 4. 1957 – 1959) установлен достаточно широкий список источников, на страницах которых печатались произведения В. Г. Короленко, как прижизненные, так и в первые годы после его смерти.

Хронологически их можно разбить как бы на три периода: 1900–1910, 1911–1917 и 1918–1925 годы. Отдельный раздел составляют издания, в которых были напечатаны различные материалы его творческой биографии.

Участие В.Г. Короленко в литературной жизни России в первое десятилетие XX века было достаточно интенсивным, разносторонним и имело определенную направленность.

***

Остановим свое внимание последовательно на ряде изданий. Многие из сборников, в которых участвовал Короленко, издавались исключительно с

Глава 4

В. Г. Короленко на страницах альманахов и сборников начала XX столетия

Представляло несомненный интерес дать по-возможности наиболее подробную характеристику редким альманахам и сборникам первой четверти XX столетия, в которых публиковались либо произведения писателя, либо материалы к его творческой биографии.

Альманахи и литературно-художественные сборники в разные исторические периоды играли большую роль в литературной и общественно-политической жизни России. В 20-е годы XIX столетия после Отечественной войны 1812 года они становятся в центре литературной жизни, поскольку периодическая печать была задавлена цензурой. Издание журналов было крайне затруднено. Вот тогда то альманахи и сборники стали средством пропаганды взглядов на общественные явления и литературу.

В 40-е годы альманахи стали появляться в форме сборников – Петербургский сборник. (1845).

После 40-х годов XIX века появляются лишь единичные литературные сборники, издаваемые либо с благотворительной целью, либо посвященные той или иной юбилейной дате, либо издаваемые объединением начинающих писателей.

В начале XX столетия альманахи приобретают широкое распространение. Они становятся органами определенных литературных групп и соперничают с «толстыми» журналами, которые не поспевали за быстрыми темпами изменений в общественно – политической жизни.

Альманахи на книжном рынке заменяли литературную

этого главного сочинения писателя. При этом следует обратить особое внимание на те издания, которые сохраняются в отделе редких изданий и рукописей (ОРИР) харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко.

В фонде ОРИР сохраняются следующие издания «Истории моего современника»:

Прижизненные:

- История моего современника. Ч. 1. СПб. 1909. 470 с. (Первое издание).
- История моего современника. (Кн. 1–2) вошла в седьмой том прижизненного полного собрания сочинений Короленко, изданного в 1914 году.

Посмертные:

Отдельно рассмотрены те издания «Истории моего современника», которые напечатало издательство «Задруга» в годы гражданской войны (1920 – 1922) (см. приложение о книгоиздательстве «Задруга»):

- «История моего современника». Т. 1–5. ГИЗ Украины. 1929. (В него вошли четыре тома сочинения и отдельно пятый том дополнений и материалов, которые впервые были напечатаны).
- «История моего современника» – издание, подготовленное Н. В. и С. В. Короленко и выпущенное издательством «Академия» в 1930 – 1931 году. (Оно включало в себя достаточно подробные примечания и комментарии).
- «История моего современника», изданная под редакцией А. В. Храповицкого в 1965 году и представляющая собой наиболее полный вариант этого сочинения.

О первой редакции «Истории моего современника»

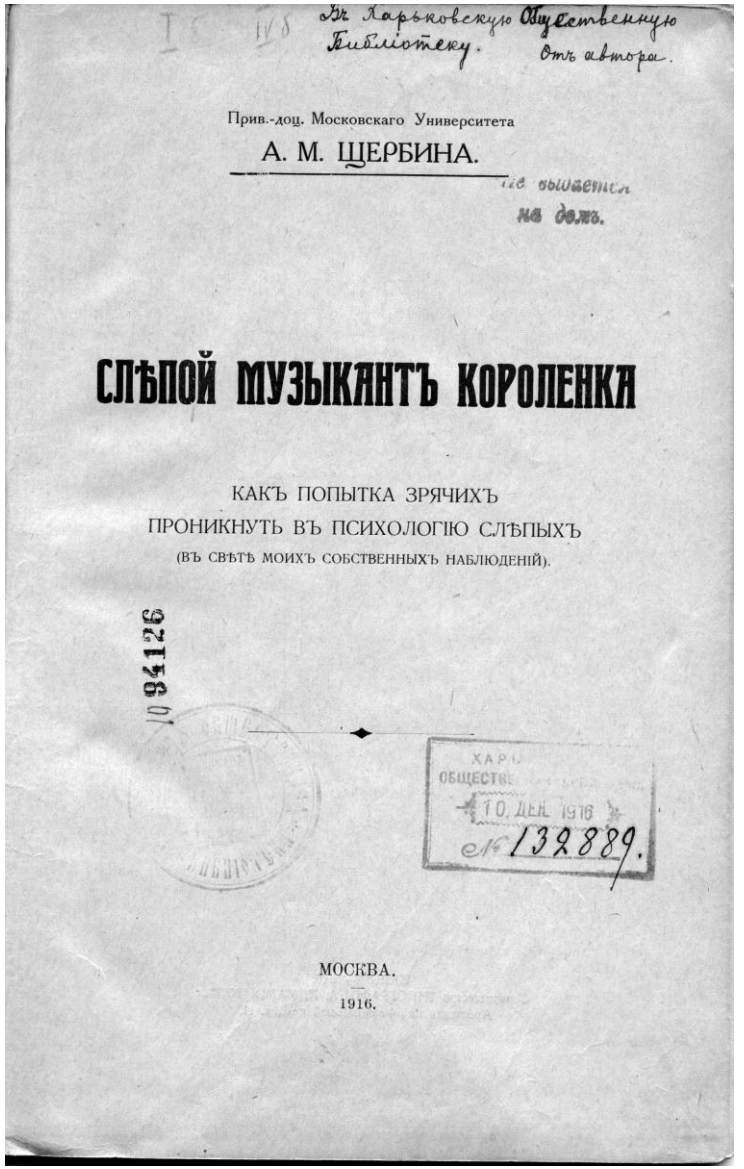
Первые главы печатались впервые в следующих периодических изданиях:

- Русское богатство. – 1906. – № 4, 5, 11.
- Современные записки. – 1906. – № 1.
- Современность. – 1906. – № 3.

В 1906 году в журнале «Современность» (1906. № 1.) появилось следующее объявление:
«*Этот журнал заменил приостановленные «Современные записки», в которых было начато печатание «Истории моего современника».* Дело в том, что журнал «Русское богатство», с которым была связана литературно-общественная деятельность Короленко в первое десятилетие XX века, переживал трудные дни: цензурой был наложен арест на выпуск его номеров, и тогда подготовленные к печати тексты стали выходить в журналах под другими названиями: «Современные записки» и «Современность», хотя состав редакции и качественное наполнение оставалось прежним.
Приведу фрагмент из вступления автора, который многое уточняет и объясняет:
… Первые главы этой правдивой истории одной жизни назначались для «Русского богатства».
Появиться им пришлось в «Современных записках», потерпевших крушение тотчас по выходе из гавани. И вот я стою теперь с листками этого «продолжения» и оглядываюсь по сторонам. Где же, в каком добром «Женском вестнике» появятся эти бесхитростные очерки? И что мне предстоит делать с ними?

Таким образом, к трудности, о которой мне уже

Иллюстрации к главе 3



3. Учение Канта о вещи в себе. – Унив. Известия. 1904. № 6, 8, 9, 10, 12. Философское исследование обозрения и проч. Изд. под общей ред. проф. Челпанова. – Киев. 1904.
4. Возможна ли психология без самонаблюдения. – Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 94.
5. По поводу доклада думской комиссии по запросам об университетских событиях. – Русские ведомости. 1911. № 48.
6. Значение этики в системе высшего образования. – Философский сборник Л. М. Лопатина. 1881–1911. № 48.
7. Методология этики. – Вопросы философии и психологии. Кн. 120. Отд. изд. М. 1914.
8. Конспект лекций по логике и методологии, читанных на одногодичных курсах Моск. Учебного Округа. М. 1913.
9. Предисловие к переводу логики Канта в Трудах Философск. Общества. 1915. Вып. 11.
10. Доля слепых. – Утро России. 1915. № 342.
11. Психология слепых в представлении зрячих. – Биржевые ведомости. 1915. № 15273.
12. Как помочь ослепшим воинам. – Русские ведомости. 1916. № 27.
13. Неудовлетворенная потребность слепых в просвещении. – Русские ведомости. 1916. № 62.
14. О допущении женщин в университеты.1 изд. М. 1910. 2 изд. М.1916.

приходилось упоминать раньше, – к трудности привлечь внимание читателей, оглушаемых бурным грохотом современности, к интимным движениям растущей и развивающейся юной души, – теперь прибавляется новая: автор похож на человека, который начал в известных обстоятельствах длинное повествование, и вдруг видит себя подхваченным неожиданной волной и перенесенным в другое, в третье место. Он оглядывается с недоумением и тревогой, где его недавняя аудитория?.. какая еще новая волна прервет продолжаемый рассказ, и в каком месте застигнет и автора, и слушателей его окончание?... в неблагоприятное время пустился «мой современник» в свое плавание, но, раз начав, он хочет доплыть до желанного берега, невзирая на крушения… так, мы будем продолжать свои очерки среди скрипа снастей и плеска бури.

В начале очерков было сказано, что, начавшись тихими движениями детской мысли, они должны перейти к событиям и мотивам, тесно и неразрывно связанным с самыми болящими мотивами современности.

Судьбе угодно было, хотя и внешним образом, иллюстрировать эту связь: очерки еще не дошли до «современности», но сама современность уже вторглась в судьбу очерков… мы постараемся каждой отдельной части придать форму и характер более или менее цельных отдельных очерков, так, чтобы и разбитые, и разбросанные бурей по разным островам и утесам, они были способны жить своей собственной художественной жизнью. Насколько это удастся, конечно…»

***

В 1909 году первая и вторая части «Истории моего современника» вышли отдельным изданием в

качестве приложения к журналу « Русское богатство».

***

В 1929 году Государственное издательство Украины продолжало издавать посмертное Полное собрание сочинений Короленко.

Вышел пятый том: «История моего современника. Дополнения и материалы».
Том печатался по постановлению СНК Украины тиражом 3000 экз. В книге 307 страниц.
Печатался том в полтавской типографии. Этот том уникальный по своему содержанию. В него включены следующие материалы Короленко:

- Мое первое знакомство с Диккенсом.
- Отрывки и материалы к «Истории моего современника». Их девять, а среди них есть и такие отрывки, как:

- «Первые гимназические годы».
- «Рецидив набожности».
- «Детская любовь».
- «Предчувствие героизма» и др.

Некоторые публикующиеся отрывки вообще не имеют названия. Помимо этого, в этот том вошли еще некоторые наброски и варианты:

- В Березовских Починках. Наброски.
- Полоса.
- История одного молодого человека.
- Отрывки к повести «Полоса».

В этом томе опубликовано стихотворение Короленко под названием «За дверью», написанное им в

Все это в свое время, задолго до «Слепого музыканта», я придумал, читая Карпентера (физиологию ума), и потом вспомнил при виде слепого на дороге.
Это окрепло под влиянием чтения биологических этюдов Ник. К. Михайловского. И теперь я считаю, что я в своем замысле прав. И когда я глядел (у себя) на Щербину, уверявшего, что он доволен и что ничего ему не нужно – я видел то же самое. Еще раз спасибо дорогой за Вашу чуткую истинно-художественную отгадку…»

***

Из примечаний Горнфельда:
«… «Слепой музыкант и слепой критик» – статья, напечатанная в «Русских ведомостях», где я полемизировал с приват-доц. Щербиной, обличавшая автора «Слепого музыканта» в неправильном изображении психологии слепорожденного».

***

Позже эта же статья была помещена в сборнике «В. Г. Короленко. Жизнь и творчество», который вышел в Петрограде в 1922 году и был полностью посвящен памяти писателя.

А. Горнфельд заканчивает свою статью словами: «*… и та правда, о которой г. Щербина говорит о повести Короленко, не радуясь ее красоте, похожа на его верные суждения о радуге: малая правда и великая неправда…»*

Приложение 2. Труды А. М. Щербины

1. Фермопильная битва. Стихотворение. – Друг слепых. 1888. № 1.
2. Слепые заслуживают нашего внимания. – Киевская газета. 1903. № 62.

моему слепому, романтику и мечтателю.
Щербина – позитивист до мозга и костей.
Он или судьба за него сделали то, что хотел сделать мой Максим, разбил задачу на массу деталей, последовательных этапов, разрешил их одну за другой, получил от этой суммы определенных слагаемых удовлетворение «достижения» и это закрыто от него дразнящую тайну недостижимого светящегося мира.
И он успокоился… в сознании. И уверяет, что он доволен и счастлив без полноты существования.
Доволен – да. Счастлив – наверное, нет.
Можно вырасти в темном и затхлом подвале, никогда не испытав веяния своего воздуха и аромата полей и лесов. И тогда – «нельзя и тосковать о том, чего не знаешь»… Но все-таки будет – ослабленный темп жизни, угнетенность, бессознательная печаль…. Толчок, искра – и тоска станет сознательно-мучительной.
Но и, кроме того, я считал свой спор со Щербиной (да не с одним Щербиной) нерешенным. Я убежден, что прав я: органически существующая способность видеть в мозгу требует удовлетворения.
Одним из элементов моего замысла был слепой, сидевший на дороге, залитой солнцем.
И тогда еще я подумал: солнце его должно дразнить и возбуждать особенным образом.
Ведь раньше, чем биологически выработались очки, называемые глазами, – наши протозоические предшественники «видели» (зародышевым только видением), всей поверхностью своего простейшего тела.
И эта «помраченная» способность наших нервных клеток может выступать во тьме «безглазия», – как выступают звезды ночью.
Днем солнце их поражает своим избытком света, но не тушит. Солнце уходит, они светят ночью.

тюремной камере. Следует заметить, что больше опубликованных поэтических проб В. Г. Короленко не встречается.
Немалый интерес представляют различные варианты его биографии, написанные в разные годы и по разному поводу:

- Черты автобиографии.
- Автобиография.
- Автобиография, написанная для словаря писателей и не пропущенная цензурой.
- Черточка на автобиографии.

Чрезвычайно важна достаточно подробная «Биографическая канва жизни и деятельности Короленко», в основу которой легли материалы архива писателя и воспоминания его близких. В этом документе почти 50 страниц.
Безусловным достоинством этого тома был также «Именной указатель ко всем четырем томам «Истории моего современника», чего не было в предыдущих изданиях. Редакция провела большую поисковую работу, чтобы хотя бы в краткой форме дать сведениях о многих лицах, которые упоминаются в этом масштабном сочинении писателя.

Фрагменты из вступления редакционной комиссии:

- «По плану настоящего ПСС издание открывается «Историей моего современника».
- В пятом томе печатаются написанные в разное время и по разным поводам три автобиографии писателя.
- Настоящая статья редакционной комиссии является и послесловием к т.1–4.
- В первоначальном, впоследствии измененном

предисловии к первому тому сам автор характеризовал свой замысел такими чертами:

«*Мне теперь пошел уже 6-й десяток. Прожито полстолетия и теперь я (беру образное выражение Гете) оглядываюсь на дымный и туманный путь позади… сделать это было давно моей мечтой, одной из важнейших литературных задач еще оставшейся мне жизни. Долго я не мог приступить к ней, – мне трудно было оторваться от непосредственных ощущений этой жизни, оглянуться на них спокойным взглядом бытописателя в их взаимной органической связи и в их целом. Удалось ли мне это теперь – не знаю. Я вызвал в памяти и оживил этот ряд картин прошлого полу столетия, как они отражались в душе, сначала ребенка, потом юноши, потом взрослого человека».*

… Итак, было две цели: общественно мемуарная и индивидуально-психологическая.

Короленко поясняет: «*все факты, впечатления, мысли и чувства, изложенные в этих очерках, суть факты моей жизни, мои мысли, мои впечатления и мои чувства, насколько я в состоянии восстановить их с известной степенью живости и без прибавки позднейших наслоений…»*

Он пережил беспримерную эпоху величайших мировых потрясений. Он до последнего вздоха живейшим образом откликался на все грозные бури войны и революции.

- … по воспоминания родных, первые мысли об этом произведении относятся к 1902 – 1903 годам.… Непосредственно писать он начал летом 1905 года. Эта работа была прервана тяжелым известием о внезапной кончине младшей сестры писателя Э. Г. Никитиной, и 30 сентября В. Г. выехал в Пб.
- Потом последовал беспрерывный ряд нарастающих революционных событий.

Приложение 1
Письмо В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду об А. М. Щербине

10 января 1917 года:

«*… я прочел Вашу статью (т. е. мы прочли в своем семейном кружке) только вчера и она меня глубоко тронула. И не тем, что это защита (во многом, хотя и не в главном Щербина прав), а тем, что тут так хорошо сказано то главное, в чем Щербина не прав и что составляет сущность произведения.*

Я собирался, да и теперь еще собираюсь сказать несколько слов по этому поводу, но едва ли сумею сказать так хорошо.

Да, конечно, моя главная художественная задача была не специально психология слепого, а психология общечеловеческой тоски по недостижимому и тоски по полноте существования.

Представьте, что я даже забыл о том, что у меня дан этот ответ в том разговоре Попельской с Максимом, которые Вы приводите.

Да, мы тоскуем часто по невозможному, и были целые полосы жизни, когда эта тоска (например, «по голубому цветку Новалиса») налагала печать на целые поколения.

Теперь, когда я могу перечитывать «Слепого музыканта» уже как читатель, я вижу, что в нем отразилось романтическое настроение моего поколения в юности и в этом его своеобразный и живой колорит.

Щербина человек очень почтенный и прямо замечательный, если принять во внимание огромную силу, употребленную на преодоление трудностей, не существующих для зрячих.

Но этот «слепой – полярная противоположность

Щербина Александр Моисеевич (1874–1934), тифлопедагог, профессор Киевского университета. Его фонды хранятся в ЦГИА УССР в Киеве (ф. 1321., ед.хр. 28. 1885–1940).

Так стали известны даты его жизни.

В более позднем томе этого же издания уточняется: А. М. Щербина – *философ, приват-доцент московского университета, преподаватель Прилукского педагогического техникума (с 1920 года*). Его архивный фонд есть в ЦНБ АН УССР (ф. 34. 2965 д. (1871–1944).

6

В 2004 году в «Аргументах и фактах» отмечалось: «Александр Моисеевич Щербина, первый незрячий профессор в России, о себе говорил, что достиг всего, БЛАГОДАРЯ своему окружению: он из состоятельной интеллигентной семьи священников, которая обеспечила ему образование. А про Золотницкую сказал, что она сделала себя, ВОПРЕКИ всем условиям…» (см. приложение 2). (Знаки в тексте публикации – С.Ш.).

7

В специальном справочном издании «Тифлолетопись» за 2004 год к 130-летию ученого сообщается о том, что «1 марта 1874 года родился философ и педагог Александр Моисеевич Щербина, при этом указывается и дата его кончины – 7 января 1934 года».

Так, в результате этого историко-библиографического поиска стали известны не только биографические сведения об авторе, но и то, что память о нем, как о первом в России слепом профессоре, живет во времени…

- В конце января 1906 года вместо закрытого в декабре «Русского богатства» выходят «Современные записки», где появляются первые 5 глав его нового сочинения.
- В марте 1906 года вместо приостановленных «Современных записок» вышел первый номер «Современности», где печатались дальнейшие 4 главы.
- Эти главам В. Г. предпослал предисловие (оно не вошло ни в одно из последующих изданий). В нем рисуются неблагоприятные условия работы и печатания.

Короленко мешает текущая злободневная газетная и журнальная работа, а также судебные заседания по делу «Русского богатства», на время закрытого из-за цензуры. Но вскоре в февральской и мартовской книге «Русского богатства» в 1908 году вновь появляются главы «Истории моего современника».

15 июля 1908 года Короленко признавался в письме к В. М. Соболевскому: «*…пока у меня ближайшая задача закончить первую часть «Истории моего современника», которая по огромному несоответствию описываемого с современной атмосферой, дается мне трудно, – и приступить ко второй, очень меня интересующей: студенческие годы и ссылка…»*

Работа над второй частью возобновляется лишь летом 1909 года. А в начале 1910 года эти главы уже появляются на страницах «Русского богатства».

В 1909 году отдельным изданием впервые выходит первый том, но существенно переработанный в сравнении с журнальными публикациями.

В 1911 году о работе над «Историей моего современника» не приходилось думать из-за непосильной нагрузки в редакции «Русского богатства».

В декабре 1912 года Короленко подписал договор об издании полного собрания сочинений, куда должны

были войти и главы его «Современника».

30 октября 1916 года, несмотря на болезни и возрастающую усталость, В. Г. Короленко возобновляет написание новых глав. Он признается В. Н. Григорьеву: «*…я принимаюсь за работу… уже вытащил из «дальнего ящика» «Современника». Думаю о нем с удовольствием и жадностью. А то, пожалуй, и не успеть кончить то, что я считаю своим главным делом. На очереди – первые годы студенчества в Пб., а затем Петровка и ссылка…*»

Пришло время февральской революции, и снова работа над очередными главами была отложена. Текущие события властно требовали внимания к себе.

Короленко возобновил работу над рукописью лишь в феврале 1918 года.

Условия жизни, в которых писались новые главы, отнюдь не способствовали этому. *Он пишет младшей дочери: «И ложусь, и встаю с мыслью об этой работе…»*

В мае 1918 года В. Г. в письме к А. Г. Горнфельду доверительно писал: *«Работал с великим удовольствием. Если бы пришлось умирать, не сделав этой работы, чувствовал бы большое раскаяние…»*

За 1918 год был практически закончен и подготовлен к печати второй том, рукопись которого Короленко тотчас выслал в Одессу.

К октябрю 1920 года Короленко, несмотря на усиливающееся нездоровье, заканчивает третий том.

6 декабря 1920 года, занимаясь уже четвертым томом, он пишет другу: «*Очень рад, что мой современник доставил вам некоторое удовольствие. Замечание твое относительно разницы в т. 1 и т. 2 вполне, конечно, справедливо. Между ними около 11 лет разницы…. Думаю, что и современность тоже кидает свою иссушающую тень…» Заканчивает письмо к В. Н. Григорьеву такими словами: «теперь уже напечатаны*

В 1905 году выдержал экзамен по отделу классической филологии.

По представлению профессора Челпанова, оставлен для приготовления к профессорскому званию.

В 1906 году вступил в брак с дочерью священника с. Пушкарево Анной Петровной Геевской, помогавшей ему и прежде в его занятиях.

В 1908–1909 годы выдержал магистерский экзамен при Московском университете.

С 1909 года читает лекции и ведет практические занятия по этике и логике.

В настоящее время Щербина занят обработкой читаемого им университетского курса».

Из его печатных работ приведена была только одна: «Возможна ли психология без самонаблюдения», напечатанная в журнале «Вопросы философии и психологии» (1908. Кн. 94).

4

В обширной библиографии известного психолога Л. С. Выготского указаны письма к Щербине А. М., написанные в 1924–1934 гг. и опубликованные в специальном журнале «Дефектология». (1992. № 1. .). Они касались сугубо научных проблем.

Если учесть, что еще в 1934 году Выготскому приходили от него письма, то он прожил не менее 61 года.

В момент написания работы о «Слепом музыканте» ему было 43 года, и это был уже вполне сложившийся и ученый, и человек.

5

В справочном издании «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР (М. 1963. Т. 2) приведены следующие данные:

истрачены на пособия пострадавшим от войны питомцам и служащим университета».

В Московском университете А. М. Щербина появился в 1909 году и был приглашен на кафедру лично Г. И. Челпановым.

3

В книге И. Ф. Павловского «Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины 18 века» (Полтава. 1912.) о нем помещены чрезвычайно интересные и подробные сведения: «*Щербина Александр Моисеевич, приват-доцент московского университета. Родился в Прилуках в феврале 1874 года. Сын законоучителя прогимназии. На 3-м году жизни своей совершенно лишился зрения вследствие несчастного случая (упал в яму, где была известь). До 19-ти лет Щербина занимался дома под руководством деда по матери, а затем – под руководством старших братьев.*

В 1884 году Щербина получил из Киевского училища для слепых детей прибор для точечного письма по системе Брайля.

В ноябре 1893 года при содействии директора местной гимназии Щербине было разрешено присутствовать как вольнослушателю на занятиях, и в течение 3-х лет он посещал уроки в различных классах по выработанному им расписанию.

По выдержании экзаменов в 1896 году на свидетельство зрелости (без древних языков), Щербина был вольнослушателем в Киевском университете по юридическому факультету…, но, желая посвятить себя философии, перешел на историко-филологический факультет.

В 1903 году получил золотую медаль за сочинение «Учение Канта о вещи в себе».

в Москве в «Задруге» второй и третий тома. Сейчас пишу 4-й, в котором будет заключаться мое пребывание в Иркутской тюрьме., где я встретил представителей, чуть ли не всех напластований русской революции, и затем – Якутская область и конец ссыльных скитаний. Не знаю, удастся ли мне довести «Историю» до конца дней. Это очень много. Но буду работать, пока хватит сил…» Он видел, как в нем борются «*бытописатель и художник».* Короленко старается, по его собственному выражению, « *не навязывать себе тогдашнему взглядов меня нынешнего…»*

Без преувеличения можно сказать, Владимир Галактионович совершил творческий подвиг.

В его жизни самым счастливым и плодотворным периодом, по его же признанию, был нижегородский, но, увы, написать об этом ему уже не довелось.

***

Самораскрытием наполнены также и его автобиографии, в которых он делает важные акценты на те события и явления, которые для него были важны в его творческой жизни.

В отрывке под названием «Черты автобиографии» Короленко считает необходимым засвидетельствовать событие, изменившее весь ход его жизни – арест и ссылку. Он писал:

«При всяком более или менее выдающемся «событии» полиция считала необходимым производить в семье высылавшегося студента «внезапные обыски, хотя при этом ни разу ничего особенно предосудительного не находилось, но по тогдашним, (а может быть, и теперешним?) полицейским взглядам большое количество хотя бы и безрезультатных обысков означало (пропорционально) большую степень неблагонадежности. На этом достаточном основании

в феврале 1879 года, по настоянию помощника Градоначальника Фурсова, все мужчины из «неблагонадежной семьи» были арестованы и высланы в разные места европейской России и Сибири, а семья была разметана по свету…» По его убеждению, в основе ареста были ложные доносы осведомителей. Он пишет в этом отрывке о себе в третьем лице: *«Короленко – молодой и здоровый – относился к этим приключениям с веселой философией: они дали ему возможность увидеть самые глубины народной жизни и стать с народом в отношения полного равенства… «в народ» он был доставлен за казенный счет… под конец идеалистический туман рассеялся. Осталось уважение к человеку в народе, как и вне его. Выросло уважение к интеллигентной мысли, и мечта о литературе возродилась с новой силой».*

Этот текст был послан писателю Г. А. Мачтету 19 марта 1889 года.

***

Другую краткую автобиографию Короленко написал уже в 1909 году в ответ на какой-то к нему запрос, причем вновь пишет о себе в третьем лице. В ней примечателен следующий отрывок: «*он был препровожден в Пермь… здесь его застало трагическое событие 1 марта 1881 года, когда был убит Александр 2-ой. Репрессии усилились. Начиналась глухая реакция, отметившая собой всё царствование Александра3-его и подготовившая потрясения, из которых еще не вышла Россия».*

И затем следует подробное объяснение причин его отказа от присяги. Короленко писал: *«При перемене царствования у ссыльных потребовали особой присяги. Короленко подал Пермскому губернатору заявление, в котором, изложив то, что испытал сам, и что видел во время своих скитаний по тюрьмам – отказался принести присягу беззаконному порядку, поставившему*

художественную, в романтическое время и в романтической среде, – то будет совершенно понятно, что стремления романтических поколений, принимавшие формы тоски по голубом цветке или исканий «синей птицы», – у моего слепого легко и естественно выливаются в мечту: «хочу видеть»…»

Крупицы сведений к портрету А.М. Щербины

Представляло немалый интерес найти хотя бы краткие сведения о Щербине.

1

Установлено, что в1904 году в Киеве было издано научное исследование А. М. Щербины «Учение Канта о вещи в себе» объемом более ста страниц. Щербина был одним из любимых учеников знаменитого русского ученого-психолога и логика – Г. И. Челпанова (1862 – 1936), основателя и впоследствии директора Московского психологического института, в то время преподававшего в Киевском университете. Именно под его руководством и были выполнены многие научные работы А. М. Щербины, и в первую очередь, «Учение Канта о вещи в себе».

2

Согласно «Отчету московского университета за 1916 год» (ч. 2), «*приват-доцент А. М. Щербина, по просьбе военной комиссии университета, прочел публичную лекцию в богословской аудитории университета, давшей 696 рублей. Деньги были*

• «*Я охотно демонстрировал свое умение читать, производить арифметические выкладки, решать задачи…. Широкими жизненными вопросами я интересовался не меньше чем зрячие сверстники и м. б., это покажется странным, я никогда окончательно не терял надежды принимать деятельное участие в их разрешении*».

• «*…важно, что даже среди лиц, пользующихся зрением, существовало убеждение, что физическая слепота, ограничивая богатство наших* ***внешних*** *впечатлений, может вместе с тем содействовать углублению и просветлению нашей* ***духовной*** *жизни*» (выделено Щербиной – С. Ш.).

Примечательны заключительные мысли автора:

• «*Можно согласиться с Короленко, что у слепых есть «инстинктивное, органическое стремление к свету», но не к материальному, а* ***к свету духовному»*** (выделено Щербиной – С.Ш.).

• *«Короленко в своем художественном произведении с поразительным искусством и увлечением изображает широко распространенные среди зрячих взгляды на психологию слепых и в этом заключается его великая заслуга: только взгляды, достигшие полной определенности и удачно формулированные, могут быть с большой пользой для выяснения истины подвергнуты критическому разбору».*

***

Оказывается, Короленко читал книгу Щербины и был даже с ним в скрытой полемике.

По поводу того, что Щербина, отрицал неизбежность у слепорожденных тоски по свету, Короленко деликатно высказал свое мнение: «*Если на место Щербины, так счастливо наделенного спокойным и реальным темпераментом и попавшего в благоприятные (по-своему) условия, – Вы поставите натуру*

его, без суда, в положение лишенного гражданских прав…»

За этим последовала новая ссылка, причем в суровую Якутскую область, в которой мало кто из осужденных доживал до конца срока.

Короленко никогда не жалел о своем поступке. Он был убежден, что поступить иначе не мог, это было равнозначно пойти против собственной совести и убеждений.

Лаконично и просто он продолжает: «*высылка в Якутскую область на время прекратила его писательскую карьеру - три года он занимался земледелием, а по зимам сапожным ремеслом…»*

О своем нижегородском периоде он пишет так: *« …Живя в Нижнем, много работал в приволжской и столичной печати в качестве корреспондента и публициста, интересуясь, главным образом, правовыми вопросами местной жизни…»*

Завершает эту автобиографию важный отрывок: *«Короленко – художник, беллетрист только наполовину. Другая половина его работы – публицистика, преимущественно по конкретным поводам, в которых выступают характерные черты современного русского строя…»*

О своей деятельности в редакции журнала «Русское богатство» он высказался предельно кратко: «*являлся представителем группы писателей-товарищей, продолжающих традиции «Современника» и «Отечественных записок»…»*

***

Особенно примечателен документ в этом томе под названием «Черточка из автобиографии», который был написан специально для юбилейного сборника «Русские ведомости» (1863–1913).С этой газетой у писателя были давние и прочные связи.

Во-первых, здесь Короленко выступает уже не как

третье лицо, а во вторых делаются акценты на тем моменты, которые писатель считал наиболее существенным в своей творческой биографии художника – беллетриста и публициста, в третьих он называет своим печатным произведением репортерскую заметку, которая появилась в 1878 году (в то время как раньше его первым выступлением в печати считалась статья «Эпизоды из жизни искателя», напечатанная в журнале «Слово» (1879. № 7).

По поводу своих впечатлений от появления первой публикации, Короленко откровенно признается: «*…заметку перепечатали на следующий день многие другие газеты… я испытал знакомое всем писателям ощущение «первого тиснения», и как он ни был скромен, первого успеха…»*

Далее он пишет: *«У меня всегда было стремление вмешаться прямо, с практическими последствиями в те области жизни, которые стояли ко мне близко и на виду…»*

О том, что страстное желание активно вмешиваться в жизнь осталось и после 6-ти лет ссылки, он рассказывает просто, но слово его выношено. Оно было итогом долгих раздумий: «*Я сказал себе: ни партий, ни классов, которые вели бы сплоченную борьбу за право общества и народа, нет. Создавать их – не мое призвание. Мне остается выступить партизаном, защищая право и достоинство человека всюду, где это можно сделать пером…»* Что он и делал всю свою жизнь.

О своей работе в газете «Русские ведомости» он писал: «*… газета все время держалась на том опасном рубеже, по одну сторону которого – явная гибель, по другую – излишняя осторожность и бледность. Редакция была постоянно на линии огня, постоянно рисковала, но держалась на позициях, хорошо укрепленных, имевших некоторые шансы удержаться…*

даже видел ее во сне, конечно, не так как видят зрячие, но по-своему.

- *На этих переживаниях я остановился с некоторой подробностью лишь с той целью, чтобы с возможной наглядностью показать, что у меня было много интересов, занимавших меня гораздо больше, чем вопросов о том, что и каким образом зрячие видят».* И далее: «*С раннего детства я привык высоко ценить и всякий труд, но испытывать нужды мне, к счастью, никогда не приходилось. Что же касается горя, то, по крайней мере до сих пор, оно подавляло меня меньше, чем других людей – я имею в виду не только слепых, но и зрячих».*
- *«Художественное произведение не научный трактат, от которого мы в праве ожидать систематического ответа на все затронутые в нем вопросы. Изучая и анализируя отдельные эпизоды из жизни нашего героя и высказываемые по поводу их замечания автора, я постараюсь приблизиться к решению поставленной мною задачи – т. е. к выяснению своеобразных особенностей психологии слепых».*
- «*Снова перехожу к наблюдениям над самим собой, к своему прошлому, чтобы в свете собственных переживаний несколько разобраться в попытке В. Г. Короленко изобразить характерные особенности психологии слепых».*
- «*На десятом году жизни я довольно прилежно занимался музыкой (играл на скрипке), но особых дарований не обнаружил и скоро эти занятия были оставлены».*
- «*Зрячие часто выражали удивление тому, что я узнаю их по голосу, по походке и другим признакам…. Совершенно так же относился я к своего рода экзаменам, которые производили мне сослуживцы отца – учителя гимназии или товарищи брата – студенты…»*

обуславливает в его психике своеобразные видоизменения, которые по различным соображениям заслуживают серьезного внимания.

И далее следует несколько неожиданное и откровенное признание автора: «*На третьем году жизни я случайно упал в раствор извести. Глаза были сильно повреждены, и это вызвало полную потерю зрения…, тем не менее, благодаря исключительно благоприятным условиям, мне удалось получить высшее образование».*

Затем он пишет об основной задаче своего исследования: *«Моя работа даст гораздо больше, если, не увлекаясь пока положительными построениями, которые неизбежно обречены на неудачу, я подвергну обсуждению попытки зрячих проникнуть в психологию слепых* (курсив автора – С.Ш.). Вот почему автору была интересна, по его собственному признанию, «*наиболее известная и смелая попытка такого рода»*, осуществленная Короленко в своей повести «Слепой музыкант». Ведь в этой повести писатель изобразил жизнь слепого в ее развитии и во всех ее проявлениях.

А. М. Щербина справедливо отмечает огромный успех этого сочинения Короленко, указав, что оно выдержало более 15-ти переизданий, и даже переводы на иностранные языки. Последнее дореволюционное издание «Слепого музыканта» вышло в 1915 году.

По мнению Щербины, внутренняя жизнь слепого героя показана *«глубоко и правдиво».*

В его книге чрезвычайно интересны признания о себе самом, что, несомненно, приближает его к читателю:

- «*Когда 19 июля 1882 года (мне шел тогда 9-й год) я получил известие о первой, приобретенной для меня книге, напечатанной выпуклым шрифтом (это была Нагорная проповедь в издании Британского Библейского Общества), то в течение почти месяца, пока книга была привезена, каждый день я думал о ней и*

так она продержалась и успела создать традицию русского либерализма того времени в широком чисто-русском смысле этого слова. В тогдашнем либерализме, как в зерне, хранились возможности всех передовых направлений, еще связанных морозами тогдашней исторической минуты. Я был очень польщен, когда редакция любимой газеты обратилась ко мне с приглашением…. И здесь я попытался дебютировать с беллетристикой и публицистикой почти одновременно».

Чрезвычайно важен следующий эпизод: *«Я вырабатывал стиль, позади которого не чувствовалась надежда на цензуру, по образцам, которые были у меня перед глазами. И в некоторой степени, быть может, редакция прислушалась и стала терпимее к некоторым моим особенностям. С тех пор я стал провинциальным журналистом в лучшей столичной газете…. И только после этого я почувствовал, что мое литературное воспитание в известной степени закончено. Благодаря участию в «Русских ведомостях», я прошел строгую публицистическую школу, дававшую тон всей провинциальной прессе».*

***

В 1930 году в Москве в книгоиздательстве «Академия» вышло наиболее полное издание «Истории моего современника», которое подготовили дочери писателя при активном содействии опытного библиографа Анны Леопольдовны Кривинской.

Во вступительном слове составители сообщают**:** *«…В. Г. упоминает часто имена людей, с которыми В. Г. позднее связывали иногда длительные и прочные отношения… мы старались в примечаниях дать указания, которые помогли бы читателю найти следы этих отношений среди дневников и писем В. Г. Короленко».*

В последующие годы появилось еще несколько

переизданий этого произведения.

***

В другое посмертное издание «Истории моего современника», комментарии к которому были подготовлены дочерьми писателя, и которое было напечатано в 1935 году, вошел сокращенный вариант первого тома: «История моего современника». Кн. 1. ГИЗ. М. 1935.

Редакция и комментарии С. В. и Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. – 542 с.

Этот том включал в себя пять частей, причем каждая часть имела разное количество глав:

Ч. 1. Ранее детство. Включает 9 глав.
Ч. 2. Начало учения. Включает 6 глав.
Ч. 3. В уездном городе. Ученические годы. Включает 7 глав.
Ч. 4. В деревне. Включает 4 главы.
Ч. 5. Новые веяния. С гл. 26 по 35.

Глава 35 под названием «Последний экзамен. Свобода» завершает все издание. Таким образом, этот том включает в себя лишь первый этап жизни героя.

***

Интерес представляет вступление редакции, первоначально написанное для издания книги в книгоиздательстве «Академия» (1930–1931). Теперь оно было откорректировано с небольшими исправлениями: «*Архив, оставленный В. Г. Короленко, представляет собой стройное целое, хранящееся в дневниках, записных книжках, письмах, художественных публицистических работах…. Редактируя это издание, мы, не отходя от архива, могли найти многие данные, дополняющие и поясняющие текст, исправить некоторые оплошности памяти автора (они неизбежны)*».

на дом».

На последней странице приведен список других публикаций этого же автора. Он включает в себя 14 названий (см. отд. приложение).

Из списка работ Щербины становится ясным, что тема книги была выбрана автором не случайно, и вопросы жизни слепых на протяжении ряда лет занимали его не только как ученого-психолога, но, прежде всего, как человека.

Интересен не только круг вопросов, с которым ученый выступал в печати, но и круг источников, где его работы печатались, что позволило в дальнейшем продолжить книговедческий поиск.

Не исключено, что он дарил библиотеке и другие свои книги, может быть, и с автографами.

***

Но обратимся к тексту книги об известном сочинении В. Г. Короленко. Свое сочинение автор называет *«психологическим исследованием»*.

Текст предваряет важная сноска: *«Настоящая статья представляет собой в несколько расширенном и переработанном виде доклад, прочитанный в заседании Московского Психологического Общества 31 октября 1915 года».*

Во вступлении обращают на себя внимание следующие фрагменты:

- *С одной стороны, слепота почти отождествляется с духовным убожеством, с неразумием. С полной определенностью этот взгляд отпечатался в таких выражениях, как «слепая любовь», «слепая злость», «слепая вера».*
- *С другой стороны, слепым приписывают особую духовную проницательность и одаренность.*
- *Отсутствие зрительных восприятий и образов налагает резкий отпечаток на всю жизнь человека и*

Слепой музыкант. Изд. 9-е. СПб. 1903. (Издание журнала «Русское богатство»).

На сохранившемся экземпляре этого издания, на последнем листе можно прочитать надпись, сделанную карандашом: *«Браво, Короленко! Прекрасная книга!»*.

В 1911 году эта повесть была напечатана уже в тринадцатый раз издательством редакции журнала «Русское богатство». В тексте неизвестным читателем сделан ряд карандашных помет и маргиналий.

Книга А. М. Щербины о «Слепом музыканте» Короленко

В ОРИР сохраняется издание, которое можно отнести к разряду истинных библиографических редкостей, связанных с именем Короленко.

Речь пойдет о книге приват – доцента московского университета А. М. Щербины, которая озаглавлена так: «А. М. Щербина. Слепой музыкант Короленко. И подзаголовок: Как попытка зрячих проникнуть в психологию слепых. В свете моих собственных наблюдений».

Книга была издана в Москве в 1916 году. В ней 51 страница. Напечатана книга в типографии А. И. Мамонтова. (Арбатская пл.).

Отличительной особенностью сохранившегося экземпляра является дарственная надпись следующего традиционного содержания: «*В Харьковскую Общественную библиотеку от автора»*.

Штамп регистрации указывает на то, что книга поступила в фонд библиотеки 10 декабря 1916 года. И еще один штамп говорит о том, что книга «не выдается

В «Истории моего современника» иногда упоминаются имена людей, с которыми В. Г. связывали впоследствии длительные и прочные отношения. Следы этих контактов можно встретить в других произведениях В. Г Короленко, а также в его дневниках и письмах.

Интересны подробности, на которые указывает редакция:

- «*… в процессе последовательной переработки для повторных изданий некоторые части первоначального текста автором устранялись*.
- *Полный вариант составляют четыре тома.*
- *Все сочинение охватывает длительный и разнообразный период русской жизни.*
- *Первоначальной рукописи т. 1 не сохранилось*.

В 1909 году вышло первое отдельное издание. Его осуществила редакция журнала в качестве приложения. Для этого автором была произведена коренная переработка текста».

Спустя три года, в 1912 году, это сочинение Короленко было переиздано.

В 1914 году оно вошло в Полное Собрание Сочинений Короленко в издательстве А. Ф. Маркса (т. 7).

В «Истории моего современника» Короленко писал: *«У меня с юности была привычка облекать в слова свои впечатления, подыскивая для них наилучшую форму, не успокаиваясь, пока не находил ее»*.

***

В 1948 году для массового читателя были напечатаны два тома «Истории моего современника» без каких-либо примечаний.

***

В 1965 году вышло издание «История моего современника», наиболее полное по содержанию и по комментариям. В нем содержится все, что было создано писателем. «История моего современника». – М. 1965. Под ред. А. В. Храповицкого**.** Эта книга качественно отличается от всех остальных тем, что включает в себя цензурные изъятия, какие имелись в других изданиях этого произведения.

Архив, оставленный В. Г. Короленко, представляет собою стройное целое, хранящее в дневниках, письмах, художественных и публицистических работах след всей жизни писателя:

Т. 1 включает ч.1-5. Всего 35 глав!

Т. 2
Ч. 1**.** Первые студенческие годы. – 8 глав.
Ч. 2. Студенческие годы**.** – 10 глав.
Ч. 3. В Петровской академии**.** – 8 глав.
Ч. 4. Вологда. Кронштадт. Пб. – 22 главы.
Ч. 5. Ссыльные скитания.

Т. 3
Ч. 1. Лесная глушь. – 6 глав.
Ч. 2. Вышневолоцкая политическая тюрьма. – 11 глав.
Ч. 3. В Перми. – 6 глав.
Ч. 4. По пути в якутскую область. – 3 главы.
Ч. 5. В иркутской тюрьме. – 7 глав.

Т. 4. Якутская область**.** – 31 глава.

В этом современном издании примечательно, что опубликовано два текста, озаглавленные «От автора». Один – предваряет первый том. Приведу из него некоторые отрывки, поскольку они в известной степени

2520) значится более позднее издание: «Слепой музыкант. Посмертное Собрание сочинений. Т. 8. Гос. Изд. Укр. 1924. – 118 с.».

Эта книга представляет собой одно из первых посмертных изданий, причем является одной из составляющих собрания сочинений писателя и с учетом разных прижизненных редакций.

Книга была напечатана тиражом 5000 экземпляров и поступила в фонд библиотеки 30 января 1925 года, о чем свидетельствует специальный регистрационный штамп.

Можно предположить, что упомянутый регистрационный номер, скорей всего, принадлежал другому – более раннему изданию, которое затем было утеряно и вместо него под этим же регистрационным номером было зарегистрировано гораздо более позднее издание…

Во вступлении, написанном «От редакции» и датированном июнем 1922 года, приведен ряд интересных подробностей и уточнений, в связи с появлением этого сочинения в печати: «В первый раз рассказ был напечатан в 1886 году в «Российских ведомостях», причем печатался без ведома автора.

В 1887 году в журнале «Русская Мысль» (№ 7) был напечатан уже переработанный писателем новый вариант.

В 1888 году вышло отдельное издание.

В 1898 году было напечатано 6 издание и снова переработанное».

А всего, как указывается в редакционной статье, вышло 15 изданий (!) сначала в журналах «Русская Мысль» и «Русское Богатство», затем в качестве приложения к журналу «Нива» и, наконец, самое позднее было напечатано в «Книгоиздательстве писателей в Москве…»

***

Отсутствие зрительных образов привело к усилению звуковой и музыкальной стороны произведения. Даже пейзаж писателю приходилось создавать исключительно средствами звуковых образов. Неизменным оставался центральный мотив всего сочинения – непобедимого стремления человека к «свету» и борьбой с чувством ущербности в познании и полноты жизни. Впоследствии именно этот мотив приобрел характер романтико-героического символа.

***

Примечательно, что «Слепой музыкант» еще при жизни писателя был издан и в Лондоне, и Бостоне.

Критик и современник писателя А. Скабичевский по поводу этого произведения говорил: «*Но верхом совершенства, лучшим, что было до сих пор написано Короленко, является «Слепой музыкант», напечатанный в «Русской мысли» в 1886 году».*

1

Остановим свое внимание на некоторых сохранившихся экземплярах «Слепого музыканта», находящихся в коллекции книг Короленко в ОРИР ХГНБК. Это несколько различных прижизненных изданий. Один из экземпляров может быть отнесён к самым ранним поступлениям в ХОБ, поскольку, согласно регистрационному номеру, он вошёл во вторую тысячу книг Харьковской Общественной Библиотеки.

Уже в первом томе Печатного каталога ХОБ указано, что в библиотеку поступил *экземпляр «Слепого музыканта», изданный в СПб., в 1887 году.* Однако в настоящее время под регистрационным номером (№

являются штрихами к самораскрытию Короленко:

- … думаю, что многие эпизоды из времен ссыльных скитаний, события, встречи, мысли и чувства людей того времени и той среды не потеряли и теперь интереса самой живой действительности. Мне хочется думать, что они сохранят еще свое значение и для будущего.
- Наша жизнь колеблется и вздрагивает от острых столкновений новых начал с отжившими, и я надеюсь хоть отчасти осветить некоторые элементы этой борьбы.
- … я пишу не историю моего современника, а только историю одной жизни в это время и мне хочется, чтобы читатель ознакомился предварительно с той призмой, в которой оно отражалось…
- Эти записки не биография, потому что я не особенно заботился о полноте биографических сведений; не исповедь, потому что я не верю ни в возможность, ни в полезность публичной исповеди; не портрет, потому что трудно рисовать собственный портрет с ручательством за сходство.
- … В своей работе я стремился к возможно полной исторической правде, часто жертвуя ей красивыми или яркими чертами правды художественной.
- … здесь читатель найдет только черты из «истории моего современника», человека, известного мне ближе остальных людей моего времени».

Другой текст «От автора» предварял следующие части и акцентировал внимание на новых акцентах в изложении событий, которые пережил вместе с автором его герой.

О восприятии книги Короленко современниками и критиками

1

Критик Нурмин в своей рецензии на второй том писал в 1922 году: «*Эта книга последнего из могикан, современная памятка о лучших временах нашего художественного слова и о героических днях русской интеллигенции, полной всяческих иллюзий, но и идеализма горячей веры в народ и протеста против социальной несправедливости. Пред читателем – период 70-х годов, когда широкие круги учащейся молодежи и интеллигенции – в том числе и Владимир Галактионович Короленко – были захвачены и увлечены потоком революционного народничества».*

И далее: *«Это несоответствие в народничестве того, что было, с тем, что есть, особливо резко чувствуется при чтении второго тома «Истории моего современника», тем более, что книга В. Г. Короленко, может быть, лучшее из литературных произведений этого рода. Кроме того, написана она так, как будто не было ни февральских, ни октябрьских дней, ни последующей ожесточенной гражданской войны. Ни одного намека на жгучую современность и злободневность.*

Этим разрыв между прошлым народничеством и настоящим подчеркивается как бы сильней и делается еще ощутимей. В революционном народничестве 70-х годов много было наивной веры, иллюзий, фетишистского преклонения пред «народом» – современная теория революционного марксизма является прямой противоположностью своеобразной тогдашней идолизации «народа» и тогдашним общим отвлеченным формулам социализма – но, перечитывая книгу Короленко, мы – коммунисты – во многом будем

***

В книге дочери писателя С. В. Короленко «10 лет в провинции» отмечается, что работа над «Слепым музыкантом» началась в начале января 1886 года. Это был период, когда у молодого автора снова и снова возникали сомнения в своем литературном даровании.
С. В. Короленко пишет: «*Для молодого автора «Слепой музыкант» явился неоспоримым свидетельством его права на литературную работу, в которую он теперь ушел целиком*».

***

В течение сравнительно короткого времени это сочинение Короленко переиздавалось трижды…

***

Во время работы над «Слепым музыкантом» Короленко рассматривал свое произведение, как экспериментальный этюд, в котором свобода художественного вымысла органично сочетается со строгими принципами едва ли не научного анализа.
Основной круг идей затронутых в «Слепом музыканте», сложился у него под влиянием научных сочинений. Об этом он писал литератору Г. А. Мачтету: *«... в такой работе, художественно-творческий процесс тесно связывается и идет параллельно с аналитической мыслью, работающею по строгим приемам научного анализа, только, конечно, художник значительно свободнее в гипотезах».*

***

В 1917 году Короленко написал: «*Теперь, когда я могу перечитывать «Слепого музыканта» уже как читатель, я вижу, что в нем отразилось романтическое настроение моего поколения в юности и в этом его своеобразный и живой колорит».*

***

В последней редакции рассказа во вступлении Короленко, объясняя причину новой переработки, ссылается, как обычно делают ученые, готовя издания своих трудов, на новые наблюдения, уточняющие и подтверждающие ранее выдвинутую гипотезу. Новые наблюдения возникли у Короленко во время его встречи с двумя слепыми звонарями; как подчеркивает писатель, этот важный для него эпизод он «занес в свою записную книжку прямо с натуры».

Он отмечал: «*В такой работе художественно-творческий процесс тесно связывается и идет параллельно с аналитической мыслью, работающей по строгим правилам научного анализа, только, конечно, художник значительно свободнее в гипотезах».*

Человек же «идеального типа» не будет приспосабливаться к существующим социальным условиям, заглушая в себе все человеческое, а будет пытаться изменить их, даже если практической пользы в данный момент от его усилий трудно ожидать.

Будучи звеном в общей цепи человеческого рода, герой Короленко был наделен потребностью видеть, и эта неутоленная потребность, эти, как пишет Короленко, «бессознательные толчки природы», еще более усугубляют трагизм положения мальчика.

В «Слепом музыканте» Короленко создает так называемые «звуковые пейзажи». Может быть, замена световых восприятий звуковыми и будет для мальчика выходом из трагической ситуации? Художественному решению этого вопроса и посвящен «художественный этюд» Короленко.

Автор не случайно определил жанр своего повествования, как этюд. Прямой смысл французского слова «этюд» означает «изучение, исследование». Слово это имеет и другие значения, такие, например, как «*зарисовка с натуры».*

чувствовать себя ближе и родственнее к революционному подполью 70-х годов, чем многие и многие из современных эпигонов народничества, подвизающихся в Париже, в Праге и в Риге. Как художественный исторический документ 70-х годов, книга Короленко – вне всяких сравнений».

Далее он отмечает следующее: «*Наиболее выпукло выступает еще одна черта, характерная для всей «Истории моего современника»: личному, интимному автор всюду придает характер общественной ценности и интереса. Это качество – редкое вообще – особенно редко в наши дни».*

Нурмин завершает рецензию такими словами: «Книга В. Г. Короленко имеет огромное и автобиографическое значение».

2

Писатель В. Катаев об этом сочинении писал: «*Главная его книга, автобиографическая «История моего современника», над которой писатель работал последние шестнадцать лет своей жизни, также осталась незаконченной. Слишком часто писателю приходилось делать выбор, который однажды он сформулировал прямо: быть ли революционером, практическим участником жизненной борьбы, или художником, наблюдающим и описывающим жизнь?».*

И еще: *«Судьба рано предназначила ему быть писателем. Не вообще литератором, а русским писателем, которому дано выступить после Тургенева и Толстого, продолжить начатое славными предшественниками. Но посвятить себя без остатка писательскому делу Короленко не хотел и не мог».*

3

Критик и литературовед Е. Балабанович отмечал: «История моего современника» – последнее великое произведение русского классического реализма XIX века – продолжает традиции и автобиографической исторической эпопеи А. И. Герцена «Былое и думы», и автобиографических семейных хроник С. Т. Аксакова, и автобиографической художественной трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Но в отличие от этих великих русских писателей, изображавших становление характера молодого человека, принадлежащего к дворянско-помещичьей среде, Короленко рисует жизненный путь молодого интеллигента-демократа».

Автобиографический образ героя произведения, сохраняя всю свою историческую достоверность, объективно входит в ряд положительных образов Короленко. Страстные поиски смысла и правды жизни, нравственная красота и сила, активность, воля, любовь к народу и стремление бороться за его освобождение – таковы основные слагаемые характера героя «Истории моего современника».

С огромной художественной убедительностью автор показывает духовное формирование человека, начиная с первых проблесков сознания до времени полной зрелости. Однако большая психологическая насыщенность произведения никогда не переходит в самодовлеющий психологизм...

Высокий реализм «Истории моего современника» выразился, прежде всего в том, что Короленко показал процесс становления сознания своего героя в органической связи с широким изображением эпохи и дал своего героя именно как «современника», как типического представителя лучшей части демократической русской интеллигенции,

хочется».

7 июня в другом письме в адрес Гольцева последовало неожиданное признание писателя: *«… признаюсь, самой нелюбимой из всех моих работ, а также насильно она отодвинула от меня другие работы, т.к. я принужден был приневоливать к ней свое воображение…»*

В. А. Гольцев просил писателя, как можно скорей сделать необходимые исправления.

Короленко ответил письмом: *«…конец рассказа высылаю в самом скором времени (Слепого музыканта). Дело в том, что конец я значительно дополняю и изменяю. Теперь уже осталось немного, – только заключительные главы, и мне хочется тоже их немного изменить».*

«Слепой музыкант» был напечатан в «Русской мысли» летом того же года (№ 3. 1886).

Уже в ноябре следующего года Короленко писал Гольцеву:

9 ноября 1887 года. Нижний.

«*… иногда какая-нибудь одна глава может в моих глазах уронить весь рассказ, и я тогда не могу спокойно подойти к столу, в котором этот рассказ лежит.*

Вот почему я не хочу издавать второй книги – мне кажется, что некоторые главы «Слепого Музыканта» ее совсем испортят. Пусть уж этот увечный ковыляет себе в свет один. В нем есть главы, которые я писал, как следует, и которые мне тогда очень нравились и теперь, взятые отдельно, тоже нравятся, поэтому я соглашаюсь его издать…. Гадостей там нет, во всяком случае…» **(**

Писатель всю жизнь оставался необычайно строг к самому себе.

инстинкт, развитие которого может восстановить даже нарушенную слепыми природными силами гармонию человеческого существования.

Интуиция выступает в рассказе Короленко как мощная сила, вызывающая громадное и плодотворное напряжение психических сил и возможностей человека. Пусть интуитивные, смутные порывы к неизведанному причиняли Петру глубокие страдания, они были в то же время для него зовом живой жизни, выводившим его из состояния одиночества и обособленности от остального человечества. Они не позволяют герою «Слепого музыканта» успокоиться на тех скудных радостях, которые может дать жизнь слепому, они спасают его от состояния жалкого довольства, вызывают беспокойство, тревогу и возмущение своей судьбой.

***

«Слепой музыкант» был написан после знакомства и бесед писателя со слепым звонарем Саровской пустыни.
Впервые эту работу писатель опубликовал в том же 1886 году в газете «Русские ведомости», а затем в том же году переработал его в новом варианте для журнала «Русская мысль». Он работал с большим напряжением и очень увлеченно.

***

Существенным дополнением к сказанному служат письма писателя в адрес В. А. Гольцева – редактора журнала «Русская мысль**».**

6 мая 1886 года Короленко написал ему: «*…Корректуру «Слепого музыканта» я получил и постараюсь отделать ее в возможно непродолжительный срок…. Простите, что не мог дать ничего в последних книжках. Мои работы теперь как-то все растягиваются, а кое-как заканчивать не*

сформировавшейся на рубеже 1860 – 70-х годов».

4

Поэт и литературовед Д. Мирский писал: «Последняя вещь Короленко – его автобиография, явно рассказ о собственной жизни, необыкновенно точный и правдивый, но который он, из какой-то сверх-щепетильности, назвал историей не своей, но своего современника. Она менее поэтична, чем его первые вещи, она никак не приукрашена, но там очень сильны два главных качества короленковской прозы – юмор и человечность. Мы встречаем там прелестные картины жизни полупольской Волыни; видим его отца, щепетильно-честного, но своенравного. Он вспоминает свои первые впечатления – деревня, школа, великие события, свидетелем которых он стал, – освобождение крестьян и польское восстание. Он показывает нам необыкновенно живые фигуры чудаков и оригиналов – пожалуй, их портреты удались ему лучше всех прочих. Это, конечно, не сенсационная книга, но это восхитительно спокойная история, рассказанная старым человеком (ему было всего пятьдесят пять лет, когда он ее начал, но что-то от «дедушки» всегда присутствовало в образе Короленко), у которого времени много, и он рассказывает охотно и с удовольствием, оживляя память о том, что было пятьдесят лет назад».

5

Из предисловия Г. А. Бялого. В кн. С. В. Короленко «10 лет в провинции».

«Среди лучших мемуарных произведений русской литературы одно из первых мест занимает «История моего современника».

Писатель работал с 1905 года и до конца своей жизни. Он собирался написать о себе и своем времени, о борьбе и стремлениях передовых людей своего поколения.

Замысел был широк: должна была найти место и личная биография, и целый этап русского освободительного движения, и жизнь одного человека, как нечто характерное и типичное для эпохи и для поколения».

6

Б. Аверин. (1978).

«Ответить на вопрос, как, из какого «жизненного состава» складывалась личность писателя и общественного деятеля, к каждому слову которого прислушивалась, чуть ли не вся читающая Россия, во многом помогает автобиографическая книга Короленко «История моего современника».

Глава 3

О «Слепом музыканте»

Пожалуй, ни над одним своим произведением Короленко не работал так сосредоточенно и напряженно, как над «Слепым музыкантом».

Его едва ли не самый знаменитый рассказ «Слепой музыкант» ярко запечатлел мучительную внутреннюю борьбу и духовное возвышение человека над неизлечимым недугом, торжество духа над материей.

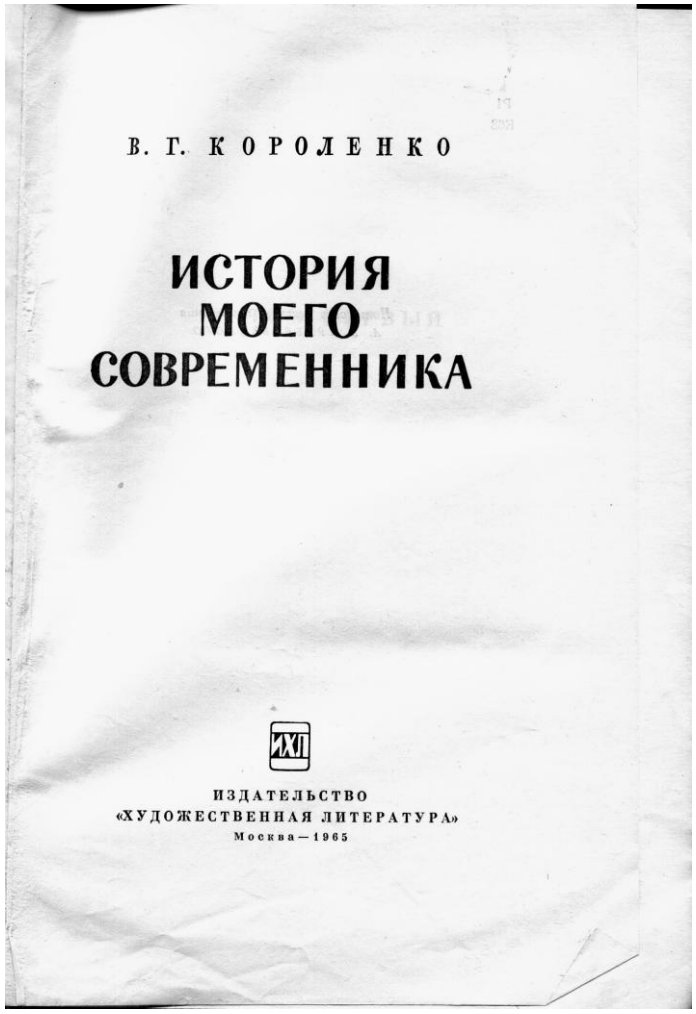
Такое не – смирение перед уготованной судьбой и обстоятельствами характерно для многих его персонажей. Уже самим заглавием «Слепой музыкант» Короленко определил одну из важных тем своего произведения. Действительно, главный его герой – слепой, то есть человек, обделенный природой, лишенный способности видеть.

Но при этом он – музыкант, а значит, от природы он наделен тонким и острым слухом, музыкальным талантом. Таким образом, он одновременно и «унижен», и «возвышен» природой.

Идея «Слепого музыканта» занимала мысль автора в течение почти всей его литературной деятельности. Тема зависимости человека от природы, от биологических ее законов, определяет существенную сторону этого произведения, именно – его научную основу.

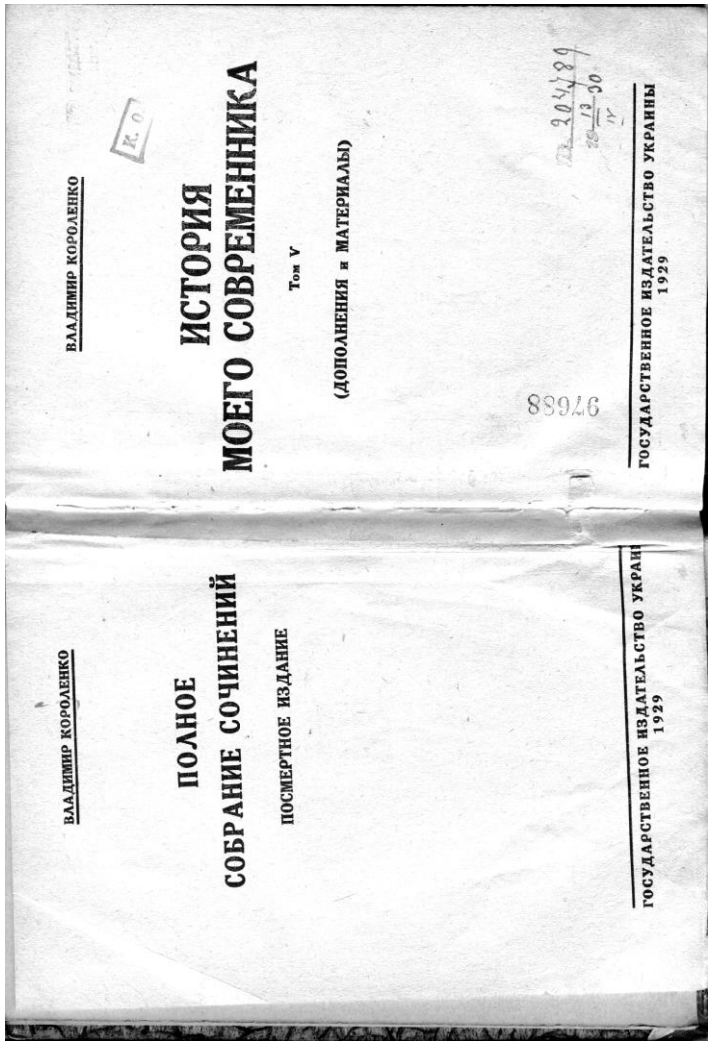
«Слепой музыкант» написан с большим искусством. Это история о том, как подавленный личным несчастьем человек поборол в себе эгоистическую сосредоточенность на собственном страдании и сумел выработать активное сочувствие ко всем обездоленным людям. Общественное чувство выступает в рассказе как особый оздоровляющий

Иллюстрации к главе 2



В. Г. Короленко
Фотография начала 1870-х гг.

В. Г. Короленко в якутской ссылке
Фотография 1883 г.



Владимир Короленко.

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

МОСКВА—1922.

Владимир Короленко.

ИСТОРИЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

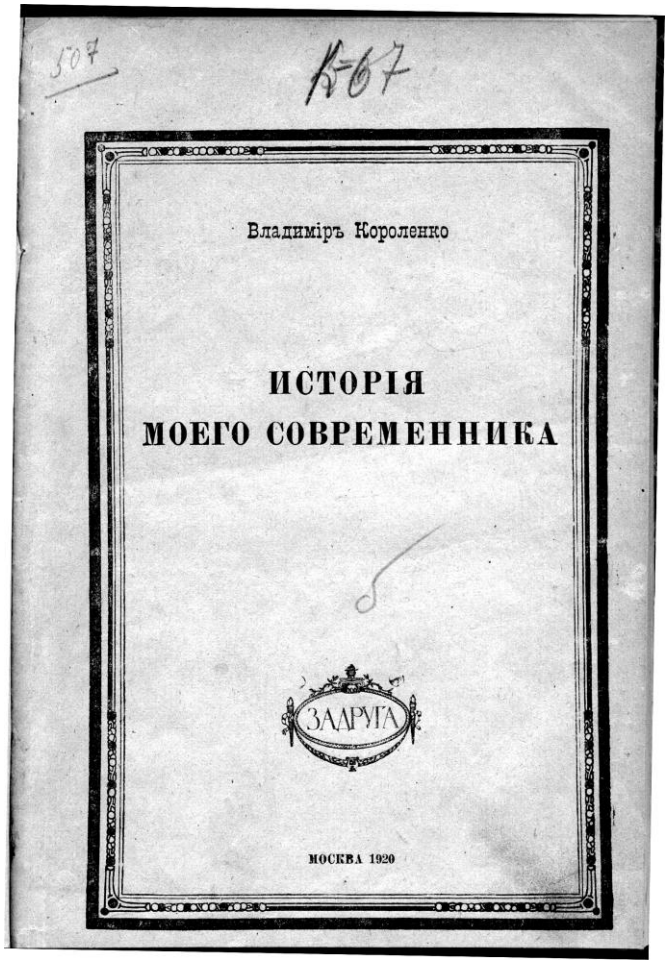
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАДРУГА
ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
№ 118670
163974

МОСКВА—1922.

В. Г. Короленко
Фотография 1879 г.

В. Г. КОРОЛЕНКО
(1885-1895)

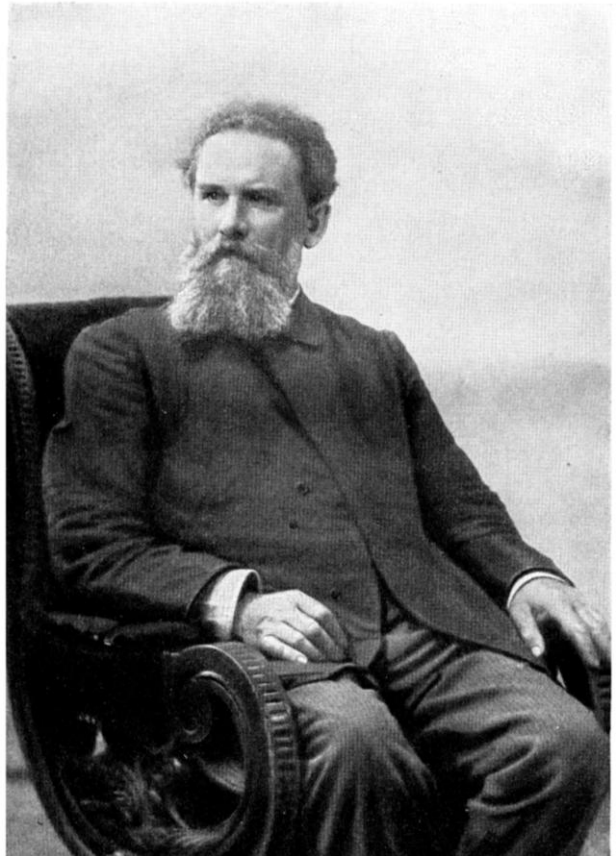


ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА.

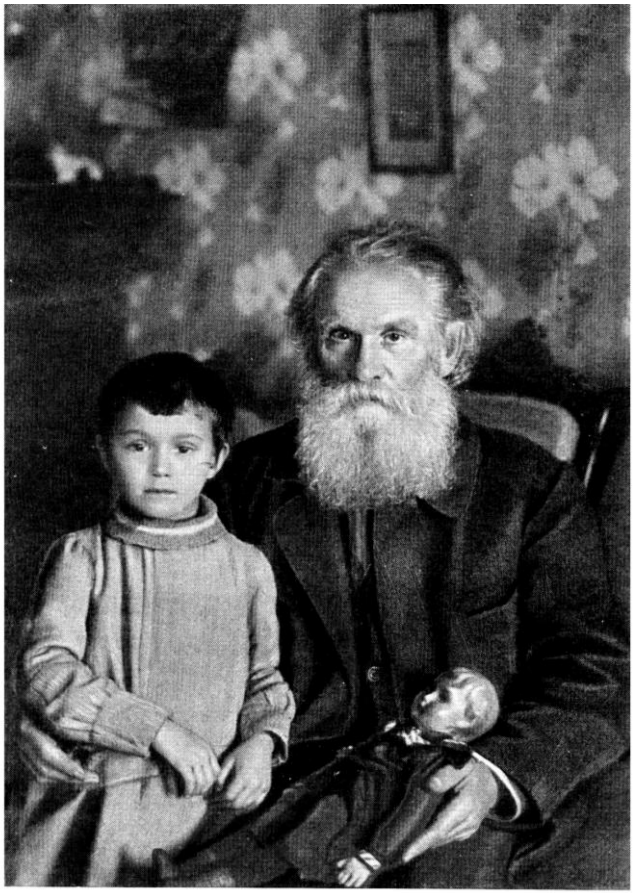
Первая страница наборной рукописи первого издания «Истории моего современника» 1909 г.

Правка «Моего современника»

В. Г. Короленко в годы ссылки
Фотография 1880-х гг.



В.Г. Короленко



В. Г. Короленко с внучкой
Фотография 1921 г.